

МАРГАРИТА ЛОГВИНОВА

Девушка
На фотографии
футболиста Березина

ЧАСТЬ 3

12+

Маргарита Логвинова

Девушка на фотографии футболиста Березина. Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780142

SelfPub; 2019

Аннотация

Новый тренер ставит перед командой амбициозную задачу: победить в чемпионате. Мало кто принимает его всерьёз. Но у Маши нет выбора. Ведь теперь она руководит психологической службой, и во многом именно от нее зависит, добьется ли клуб поставленной цели...

Содержание

Пролог	4
Двойная сплошная	6
Бог любит троицу	20
Ремень безопасности	33
Немного о чудесах	42
Превратности судьбы	75
Последняя тайна профессора	108
Перелом	139
Хромая обезьяна	154
Второе желание	174
ПТСР	191
Три игры	229
Выбирай	249
Сердце Марии	278
Эпилог	293

Пролог

Дорогая Мария!

Должен извиниться перед Вами за то, что не могу преодолеть слабость писать Вам. Вроде бы мы уже сказали друг другу все, что хотели, а каждый раз появляется нечто новое, что хотелось бы обсудить.

Во-первых, Вы пишете, что думаете посетить меня... Я Вас прошу – не надо! У каждого человека должно быть право на осень. Если уж весну и зиму мы отменить не в силах, так пусть хоть осень будет результатом нашего собственного выбора. Так что увидимся зимой. Благо, она уже не за горами.

Во-вторых, я все равно буду Вам писать. Во всяком случае, до тех пор, покада мне будет, что сказать. Вы, наверное, удивлены, но я освоил при помощи своей супруги такое следствие научного прогресса, как электронная почта.

В-третьих, замечательно, что согласились на должность психолога, об этом я мог только мечтать. Когда будете подбирать себе подчиненных, обращайтесь внимание на тех, кто, проявляя активность, не будет тянуть одеяло на себя. Скорее всего, это будут девушки, а женские коллективы подчас напоминают политические союзы, где так и ждуют промаха соратника, чтобы воспользоваться им. И поосторожнее с харизматическими лидерами.

*Будьте спокойны, уверены и доверяйте себе.
А еще пишите почаще. Буду рад вестям от Вас.
Н.С.*

Двойная сплошная

Между нами двойная сплошная.

Ты в машине, я тоже в авто...

Почему это боги решают,

Что мы друг для друга никто?

Так получается, что жизнь не стоит на месте. Что ж, в этом есть свои плюсы. А еще хорошо то, что мечты сбываются, если только этого очень хотеть. Моя определенно сбылась. Вот только что с этим всем делать?

Я сижу в кабинете на привычном месте и жду, когда ко мне зайдут Аня и Саша, мои ассистентки. Никогда не приходилось управлять другими людьми. Но, говорят, к этому быстро привыкают.

В кабинете мало что изменилось со времени ухода профессора, лишь на его прежнем столе разместился металлический исполин – компьютер.

Непроизвольно постукиваю карандашом по столу, рассуждая, как успешно организовать работу в клубе. Дело в том, что в межсезонье сменился тренер, я о нем даже сказать толком ничего не могу, потому что только вчера вступила в должность. Через неделю возобновляется чемпионат... Что это будет? Пока не знаю. Посмотрим. Ладно, все вопросы нужно отбросить и взяться за дело. Ну, что, Эйнштейн? Прорвемся?

Взгляд случайно падает на кактус, приютившийся рядом с монитором. Округлый такой, аж лоснится, с огромными острыми колючками. Вижу его, и вспоминается Березин...

Он успешно устроился в немецкий футбольный клуб, не тот, куда метил изначально, более скромный, но тоже вполне достойный, поэтому собрал ребят, чтобы окончательно с ними проститься. Приглашал и меня, но я отказалась: что мне было там делать в мужской компании? Это бы выглядело, по меньшей мере, странно.

Однако Березин не успокоился. Поздно вечером он позвонил и предложил встретиться рано утром в день отъезда. Меня удивило не только время встречи, но и место – парк в удалении от центра города. Когда-то я для себя решила, что бегство – далеко не лучший выход из ситуации. Надо тренироваться ставить точки. Кроме того, у меня не выходили из головы слова профессора, сказанные им в больничной палате.

Наряжаться особенно не стала: обойдется. Надела шифоновое платье, поверх накинула джинсовку, бросила взгляд в зеркало. На меня из него смотрела знакомая девушка с выражением лица, недвусмысленно намекающим: «Куда тебя снова несет!?!»

Было прекрасное июльское утро: ярко, но еще не паляще светило солнце, город в выходной день только выходил из полудремы, будто потягивался и нехотя поднимал веки витрин.

Очень волновалась, хотя особых поводов не было. Просто мы впервые встретимся с Димой не в статусе психолога и клиента, а как знакомые (чуть было не сказала «друзья», но это было бы явным преувеличением).

В парке хорошо, тенисто, людей еще очень мало, правда, несколько любителей здорового образа жизни делают утреннюю пробежку. Меня восхищают эти люди. Какую силу воли надо иметь, чтобы вставать ни свет, ни заря и бороздить асфальтированные дорожки...

– Доброе утро, – голос раздался сзади так неожиданно, что я вздрогнула и обернулась.

– И вам... то есть, тебе.

– Можно на «ты»?

– Можно, ведь ты теперь не в нашем клубе.

– Хорошо, так даже проще.

Я только улыбнулась, и мы медленно пошли по дорожке, уходящей в наименее многолюдную часть парка.

– У тебя сменился спонсор? – поинтересовалась я, так как Березин внешне совсем не походил на себя обычного: пропали привычные цвета, дырки, украшения, прическа. Все стало более спокойным и человеческим, что очень шло форварду, о чем, конечно, я ему не скажу.

– Не без этого, у меня много чего изменилось. Если честно, хочется забыть поскорее все последние месяцы.

Вот так откровение! С меня достаточно обид и унижений. Он позвал меня, чтобы сказать о том, что хочет поскорее обо

мне забыть. Прелестно!

– Тогда зачем ты здесь? Летел бы прямиком в свой новый клуб.

Дмитрий опешил от моей прямоты.

– И еще, последние месяцы я бы тоже поскорее стерла из памяти...

– Маша...

– Подожди, я еще не закончила. Хорошо, что ты ушел в другой клуб.

– Почему же, любопытно узнать?

– Теперь работаться будет значительно спокойнее и комфортнее.

– Даже так?

– Да. Определенно.

– Я думал, мы помирились.

– Как можно помириться, ведь мы и не ссорились!

– Да что с тобой! – недоумевал Дима, начиная раздражаться. А я уже и так была у точки кипения.

– А ты думаешь, что все так просто, что достаточно один раз улыбнуться и все девушки должны упасть к твоим ногам? Что можно делать все, что захочется?

Березин смотрел на меня пристально, будто стараясь разгадать мои мысли. Не было ни победоносного оскала, ни самодовольной ухмылки, ни ужимки снисходительной откровенности. Внезапно его лицо озарила мальчишеская улыбка, простая, настоящая. Так улыбаются, когда в детстве удается

поймать ящерку в высокой траве или когда на самодельный крючок попадает стоящая рыба.

– Ты еще и насмехаешься?

– Нет, я так, – а у самого глаза горят.

– Что?

– Я понял, почему ты злишься.

– Неужели?

– Да.

– Так раскрой секрет.

– Пожалуйста. Тебе еще больно.

– Как...

– Подожди, я не закончил. Тебе больно из-за всей той ситуации с травмой. Что перешел в другой клуб.

– Хочешь правду?

– Терпеть не могу, когда мне врут. Я думал, ты это уже поняла.

– Мне больно, потому что ты поверил, что я приехала к тебе из-за денег! Как тебе вообще такое могло прийти в голову! – не стесняясь эмоций, воскликнула я.

– А ты что хотела?! Так на твоём месте поступило бы девяносто девять человек из ста.

– Хорошего же ты мнения о людях!

– Я как раз нормального мнения. А вот ты... Я не знаю, ты прикидываешься что ли... Да таких людей сейчас не бывает!

– Но я-то есть.

– В этом-то и сложность.

– Не вижу сложности.

– Я не могу понять, где подвох.

Дмитрий произвольно поправил прическу, усмехнулся и покачал головой. Я еще не осознавала, к чему он ведёт. Футболист не доверяет людям, потому что считает, что у каждого корыстный интерес, так что ли?! Это логично, что мы действуем так, как нам выгодно, но есть же еще какие-то моральные нормы, убеждения... Вот как ему это объяснить?

Между тем мы брели по дорожке все дальше вглубь парка, пока, наконец, не оказались на берегу речушки в уединенной его части. Здесь бревна были расположены так, что служили подобием лавочек, мы присели на одно из них, чтобы иметь возможность беседовать и одновременно краем глаза созерцать воду.

– Тебе же интересно, зачем я тебя позвал?

– Да.

– Я хотел разобраться во всем до отъезда. Не люблю незаконченных дел.

– Странно. Я тоже.

– Что странного?

– Странно, что у нас есть что-то общее.

– Да уж, действительно, – мы улыгнулись друг другу.

– Прости, что перебила, продолжай.

– Мне хочется закрыть все вопросы.

Если ему хочется разобраться, значит, чувствует, что где-то поступил неправильно, значит, не безнадёжен.

– Я готов ответить на любые вопросы.

– На любые? – переспросила я.

– Да.

Ну что, сам напросился.

– Ладно, пусть ты не поверил в мои благие намерения, потому что плохо меня знаешь и это не самый типичный поступок для человека в моей ситуации, но как ты мог допустить, чтобы меня уволили из-за тебя?

– Ты хочешь сказать, что я бесчувственный чурбан и мне все равно, что с тобой из-за всей этой истории будет?

– В общем и целом – да.

Березин снова смеется. Что-то он в больно веселом настроении.

– Тебя же не уволили, насколько мне известно, ты получила предложение о новом назначении.

– Да, но это счастливое стечение обстоятельств, а вполне могли и уволить.

Березин вскочил на ноги, а следом за ним.

– Ты действительно веришь, что это случайность?

– А что же тогда? – настаивала я, глядя ему прямо в темно-голубые, словно море перед штормом, глаза.

– Я не хотел говорить, но ты должна знать. Ты же смотрела интервью?

– Какое еще интервью? – удивилась я.

– Ты его даже не видела! – разочарование так и сквозило в изумленном голосе Березина. Форвард вернулся на прежнее

место, я тоже.

– Я слышала про него, – пыталась сгладить ситуацию я, но мой спутник будто поник.

– Одним словом, после него у руководства не раз интересовались о тебе, наводили справки, условия контракта. Тебя могли переманить, именно поэтому...

– Поэтому мне так скоротечно предложили новый контракт, – продолжила за него я.

– Именно. Маша, до чего же ты наивна, ты точно не при-
творяешься? – Березин посмотрел на меня и скорчил гримасу обреченности, адресованную мне. – Видимо, нет. Ты действительно думала, что контракт тебе предложили за красивые глаза?

Я лукаво и вопрошающе посмотрела на него.

– Ладно, пускай глаза, и правда, красивые, но чтобы Кро-
тов просто так предложил вакантное место психолога ассистентке, лишь недавно защитившей диплом...

– Согласна, это не в его стиле. Но мне некогда было думать и разбираться, всё так стремительно... Прости, – я протянула руку и коснулась Дмитрия. – Была к тебе несправедлива.

– Что за привычка постоянно извиняться? Она меня злит.

– Меня так воспитали.

– А меня так не воспитывали, поэтому можешь не извиняться по каждому поводу. Я же не мог согласиться на контракт, у меня не так много времени, мне нужно... пытаться.

Теперь пришла моя пора улыбаться.

– Что?

– Да так, а меня злит, что ты крайне редко извиняешься.

– Ты хочешь поговорить об этом? – подколот меня собеседник.

– Однажды обязательно, но не сейчас.

– А я-то думал, что все обошлось, когда мы встретились у ворот клиники.

– Я же психолог, могу управлять своими эмоциями. Но не чувствами. Мне было очень обидно.

– Но теперь, надеюсь, всё? Уже не больно?

– Уже нет. Спасибо.

– Еще одна дурная привычка – благодарить по поводу и без.

– По поводу. Да, вот такие у меня пагубные привычки – благодарить и просить прощения.

– Хоть они меня и злят, но всем бы так... Кстати, когда будешь подписывать контракт, проси большую оплату и себе, и ассистентке. Вы этого заслуживаете.

– Не думала, что однажды скажу это тебе: мне приятно, что ты так высоко оцениваешь нашу работу.

– Дай угадаю: ты думала, что я не замечаю, что вы делаете для команды. Да кто я в твоих глазах? Самовлюбленный, зазвездившийся выскочка, помешанный на деньгах?!

Молчу.

– Спасибо за честность.

Осознав, что ответил, футболист добавил:

– От тебя нужно держаться подальше.

– Это еще почему?

– Твои вредные привычки заразительны.

– Я же тебя не знала почти, только сейчас начинаю узнавать. Хотя есть ли в этом смысл, если ты сегодня уезжаешь...

– Есть, я объясню. Но сначала скажи, это все вопросы ко мне?

Мне хотелось воспользоваться его откровенностью и расспросить про фотографию, но потом я передумала. Это нечестно, заставляя человека насильно оголять душу. А может быть, я просто боюсь услышать ответ.

– Кактусы – твой подарок?

– Да, думал, тебе понравятся.

– Мне понравились.

Я посмотрела на Березина – он собирался с мыслями. Видимо, прелюдия закончилась. Надо ему помочь.

– Так зачем мы встретились? В чем дело?

Упростим ситуацию до невозможности.

– Зачем тебе я?

Березин не отпирался.

– Только выслушай и не перебивай. Пожалуйста. Я хочу играть. Более того, я хочу играть хорошо. Мне предстоит восстановительная работа, адаптация в новой стране и новом клубе. Год назад не за что не подумал бы, но это правда: мне может понадобиться помощь психолога. Твоя помощь, потому что привыкать еще к одному психологу будет трудно.

Мы подпишем все необходимые бумаги, ты будешь официально принята на работу, будешь получать зарплату, – видя мои немые знаки протеста, Березин дополнил свою мысль. – Зная, что деньги для тебя не главное, предлагаю еще, как приятный бонус, – эксперимент. Вы же, психологи, любите экспериментировать. Я буду твоей лучшей рекламой. Или антирекламой, как уж выйдет. Но у меня сразу будет условие – честность и чтобы без камней за пазухой. Лучше правду от тебя, чем из других уст. Согласен на удаленную работу при совмещении с клубными делами. Детали обговорим. Только не отказывайся сейчас, обещай подумать. Всё. Можешь говорить.

Дмитрий приготовился к потоку слов, но я приходила в себя от услышанного. Все-таки как психолога он меня ценит достаточно высоко. Но везде расчет... Хотя это его право. Зато честно. Подходит ли мне такое предложение? Опыт очень заманчив... Но...

– Я хотя бы нравлюсь тебе как человек?

– Странный вопрос.

– Ты обещал говорить прямо. Просто нам придется много общаться, если я тебя буду постоянно «злить», то прока будет мало, пустая трата времени и сил, лучше и не начинать. Тебе же чужды мои взгляды, убеждения, ценности...

– Ты это из-за отношения к деньгам?

– Это только пример.

– Мы живём в таком мире, где без денег – никуда. Сейчас

для всего нужны деньги, даже для мечты. Ведь ты о чем-то мечтаешь? Тебе хотелось бы открыть свой психологический центр, например? Для этого нужны деньги. Со мной ты сможешь их заработать.

Вроде бы складно говорит, а душа так и клокочет от возмущения.

– Значит, все можно купить, даже счастье? – буравлю его синие омуты.

– У богатых возможностей быть счастливыми больше, чем у бедных, это точно, – смотрит на меня. Отчего так дрожат пальцы?

– Ты вроде бы богат, но почему-то не выглядишь самым счастливым человеком на свете... – не успела договорить, как мой собеседник бесцеремонно закрыл мне ладонью рот.

– Если ты всегда так много говоришь, то на что я подписываюсь?

Пальцы касаются моих губ, щеки горят, дышать трудно. Он так близко. Надо убрать его руку. И чтобы больше не дотрагивался до меня. Зря коснулась его руки... Почему он так долго, нехотя убирает её? Что это за выражение глаз? Марианские впадины... Почему я сейчас девушка, а не психолог?

Черт, как же так...

Вы любите искусство? Я подметила, что люди похожи на произведения искусства, картины, например. Один человек из классицизма – ясный, правильный такой, четкий

до неправдоподобности. Будто неживой. А на другого смотришь – мазня мазнёй: крупные пятна, набросанные друг на друга. Но стоит отойти подальше и начинает проглядывать силуэт, вырисовываются очертания. И ты понимаешь, что картина ничего. Очень даже ничего...

– Да, – кажется, я пришла в себя.

Димка поглядывает на меня украдкой, видимо, ждет, когда же я запущу в него чем-нибудь тяжелым. Но мне смешно, невозможно смешно.

– Ты же говорил, что тебе нужен психолог, а с психологами не целуются.

– Совсем?

– Целуются с девушками, с женами... А от психологов держатся на расстоянии.

– Так между нами скоро будут сотни километров. Сойдёт?

– Сойдёт.

– А что плохого в том, чтобы целовать психолога? – попытывался Березин.

– Ничего особенного, просто многие специалисты считают, что личные взаимоотношения могут помешать качественно оказывать психологическую помощь.

– Тяжело, наверно, быть психологом, – подтрунивает надо мной Димка.

– Не легче, чем футболистом, – отвечаю ему я в том же духе.

– Понял.

– Ну, раз понял, тогда имей в виду, что если я соглашусь, то никаких... – чуть было не сказала «приставаний».

Видимо, как девушка я ему совсем не нравлюсь, что ж, это упрощает ситуацию. Буду исходить исключительно из прагматичных интересов. Взвешу всё, если его предложение окажется выгодным – приму. А если бы я ему нравилась, чтобы это изменило?

– Это значит «да»? – выводит меня из размышлений форвард.

– Это значит, что ты опаздываешь на самолёт.

У меня такое впечатление, что между нами двойная сплошная... Сначала мы ехали в одну сторону, потом он перестроился и поехал в обратном направлении. Наши пути могли разойтись навсегда, кто-то должен был замедлить ход... Березин сделал первый шаг. Теперь моя очередь.

Хотя... Мы всё равно помчимся в разные стороны. И между нами будет двойная сплошная.

Бог любит троицу

– Можно?

В кабинет неуверенно зашла Аня. Как обычно, ассистентка психолога была в кедах, джинсах, футболке и клетчатой рубашке. Ее чуть взъерошенные волосы придерживались очками.

– Да, конечно, садись.

Маша указала на диван, а сама пересела на кресло рядом.

– Аня, ты же знаешь, что Светлана Сергеевна уволилась и теперь единственным психологом в клубе буду я, и что мне нужны помощники?

Девушка кивнула.

– Да, я знаю.

– Так вот... Я хочу понять, сработаемся мы или нет.

– Я тоже. Это разумно, – рассудила брюнетка. – Какие требования?

«Деловой подход», – подумала Маша.

– Какое у тебя точно направление подготовки?

– Общая и экспериментальная психология, сейчас в аспирантуре, мне нравится научно-исследовательская деятельность.

Психолог сделала необходимые пометки в блокноте.

– Опыт работы?

– Почти два с половиной года.

– Как видишь свои перспективы?

– Хочу в будущем защититься и заниматься дальше исследовательской деятельностью.

Маша продолжала записывать.

– Давай прямо: что тебя смущает?

«Прямота – это хорошо».

– Мне нужен надёжный человек, на которого можно положиться, кто будет готов работать в команде...

– Про свою надёжность говорить не буду, её можно проверить только в деятельности, наговорить можно всякое. Про работать в команде – к этому готова.

– Ещё мне нужен человек, способный поддерживать определённую дисциплину, а ещё я ценю честность. Ты говорила, что тебя хотели уволить из-за рабочих моментов, а мне профессор сказал про Березина...

– Вот к чему всё!

– Согласись, у меня есть право разобраться в ситуации.

– Да, это тоже разумно. Так вот, ты думаешь, что я тебя обманула? – девушка рефлексивно сняла очки и положила их на стол.

Маша молчала.

– У меня были выходные. У Березина тоже. Он мне предложил составить ему компанию в поездке за границу, а я там никогда не была... Думаю, отчего бы не съездить? Но на обратном пути рейс задержали, а у них какая-то важная игра была... В общем, получился скандал...

– Как же ты уехала в разгар сезона с клиентом, ты же знала, что профессор против личных взаимоотношений на работе?!

– Так у нас с ним и не было ничего. Мы даже жили в разных номерах. Я же говорю, мне просто нужно было сменить обстановку, очень непростое было время, а тут Дмитрий... Видишь ли, меня в мужчине больше всего привлекает интеллект. А у Березина с этим весьма скромно.

Маша рассмеялась.

– Ты его в самолете тестом Векслера тестировала?

– Зачем прибегать к тяжелой артиллерии? Включенного наблюдения и беседы вполне хватило.

– Ты не разбила ему сердце?

– Я бы выразилась в других категориях – вызвала у него когнитивный диссонанс.

Девушки переглянулись. Они поняли друг друга.

– Еще есть вопросы? – поинтересовалась претендентка на вакантное место.

– Да, расскажи, чем занималась ваша служба, потому что теперь мы будем работать сообща.

– Общей и специальной психологической подготовкой. Общей – групповые формы развивающей, коррекционной работы. Специальная – подготовка к конкретным стартам и турнирам.

– Мы осилим всё это без Светланы Сергеевны?

– Уверена на восемьдесят процентов.

– Высокий процент. Какие основания?

– Последние два года программы писала я. Только реализовывались они частично. Думаю, ты заметила, что мы недо-рабатывали.

– С чем это связано?

– У моей руководительницы были более важные заботы, а мне непосредственно с клиентами работу не доверяли. Да я и не хочу: с бумагами интересней.

– Всё из-за той истории с Березиным?

– Да. Я пыталась объяснить профессору ситуацию, но он даже слушать не стал. Процентов на пятьдесят у меня уверенности, что всё это из-за ушедшего футболиста. Это последнее дело с клиентами, которое мне доверили.

– Расскажешь?

– Нет, во всяком случае, не сейчас.

– Хорошо, – согласилась Маша.

В комнате воцарилась тишина.

– Так каков вердикт? – не выдержала ожидания Аня.

Маша встала, коллега последовала её примеру.

– Анна Вадимовна, я бы хотела предложить вам должность ассистента психолога в нашей обновленной психологической службе.

– Ох, приятно слышать, – выдохнула Аня. – Я же квартиру снимаю, на стипендию долго не протянешь... А еще и на защиту копить надо... Только давай на «ты», если можно?

– Давай.

– А мы вдвоём будем или ещё кто-то?

– Я планирую оставить тебя в том кабинете, функции мы распределим. Но тут мне нужен помощник. Я нашла одну кандидатуру. Она должна прийти с минуты на минуту.

– Ещё одна девушка в мужской команде, третья по счёту?

– А что, Бог любит троицу.

Мгновение спустя в дверь постучали, и в комнату вошла девушка, разом приковавшая к себе взгляды беседующих. Гостья отличалась обилием металла, черного цвета, разбавленного серебром и кровавым маникюром. Образ дополняли обувь на внушительной платформе и шляпка. Коротко стриженные, летящие, цвета свежей древесины волосы открывали иссеченную колечками ушную раковину. «Траурность» наряда особенно подчеркивалась на фоне бледной полупрозрачной кожи.

– Это она? – шепнула своей новой начальнице Аня.

– Кажется, да, – так же вполголоса ответила шатенка.

– Александра, мне сказали, что сюда можно пройти на собеседование...

Вошедшая держалась прямо, гордо, но все равно чувствовалось, что она пребывает в нерешительности.

– Вы пришли по адресу, – сгладила неловкость психолог. – Я Мария, это со мной вы договаривались. А это Анна, моя ассистентка. Проходите, присаживайтесь.

Маша заняла место в кресле, а девушки расположились на

диване. После того, как хозяйка кратко рассказала о должностных обязанностях, режиме работе, заработной плате и других важных мелочах, она приступила к расспросам.

– Есть ли у вас психологическое образование?

– Да, правда, я психолог в сфере образования.

– Опыт работы по профессии?

– Нет.

«Плохо. Хотя и я без опыта пришла»

– Готовы ли вы работать в команде?

– Смотря в какой.

– В нашей, например.

– Я сделаю все, что от меня зависит.

– Значит, вы не уверены?

– Я слишком мало знакома с вами, чтобы ответить сразу утвердительно.

«Честно и прямо».

– Почему не пошли работать в сферу образования?

– Не люблю людей.

– Не хочется вас разочаровывать, но футболисты тоже люди.

– Так кто же сразу меня подпустит к футболистам?!

«Не поспоришь».

– Чего бы вы хотели достигнуть на этой работе?

– Получить опыт и понять, моё ли это.

– Будет много работы.

– Я понимаю.

– Во время учебы занимались волонтерской деятельностью, студенческим самоуправлением?

– Нет, я училась.

Возникла пауза. Маша задумалась.

– Мне можно идти?

– Вы спешите?

– Нет, просто, как понимаю, я не подхожу.

– Я думаю, что делать с тем, что две мои ассистентки не любят общаться с людьми...

– То есть?

– Александра, надеюсь, вы украсите нашу небольшую команду.

Маша показала новоиспеченной сотруднице ее рабочее место, проинструктировала, когда приходить, все остальные вопросы решили перенести на завтра.

Александра покинула кабинет, не веря, что принята на работу, до того тяжело ей далось это собеседование, первое в её жизни.

– Ты приняла её на работу... На мой взгляд, она странная... необычная...

– Ты можешь назвать мне хотя бы одного «обычного» человека?

Аня задумалась.

– Нет.

– Вот так. У всех свои странности. Только некоторые

странности можно терпеть и даже как-то применять их, а от других «особенностей» лучше держаться подальше.

На следующее утро Саша пришла на работу на полчаса раньше положенного, потому что боялась опоздать. Так как Маши ещё не было, то ей пришлось ожидать в коридоре на диване, подпиливая ногти, что она делала всегда, когда испытывала серьёзное волнение.

Наконец, девушки очутились в кабинете.

– Я рада, что ты с нами, – без разрешения перешла на «ты» психолог. – У нас сейчас такой период в команде, что мы должны перестроить работу психологической службы... До тебя за твоим столом работал профессор. Он прекрасный человек, профессионал. Но для него команда всегда была на втором месте...

– А что было на первом?

– Научные поиски. А мы должны сделать так, чтобы психологические знания принесли максимальную пользу команде. Я думаю, что здесь можно сделать. Сегодня собрание, где будет обсуждаться стратегия работы в новом сезоне.

– Я могу говорить прямо?

– Да, конечно.

– Расскажи мне, как вообще в спорте работают психологи? Я имею очень смутное представление, – поразительно, но при всей эпатажности образа Саша предпочитала максимально естественный макияж, единственное, что позволяла

себе – красную помаду и выразительные стрелки.

– Ты будешь удивлена, но я сама не знаю. Я же социальный психолог, а не спортивный, работала здесь ассистенткой. Сейчас читаю, пытаюсь разобраться...

– Но ты же здесь как-то работала и, видимо, хорошо, раз стала психологом?

– Резонное замечание. Да. Но у нас, по сути, было две психологические службы, слабо контактирующие между собой. Наш отдел занимался психологическим консультированием и коррекцией, а второй – групповой работой, сопровождением соревновательной деятельности. Не всё получалось... Я хочу, чтобы было лучше. Но нужно узнать, чего хочет наш непосредственный начальник.

– А кому мы подчиняемся?

– Президенту клуба, только ему.

– Хорошо, что один начальник, а то много придётся кланяться.

– Поверь, тут и одного хватит, – улыбнулась Маша.

Собрание проходило в конференц-зале. На него был приглашён тренерский штаб, претерпевший определенные изменения, ключевые работники клуба, функционеры, психологическая служба, президент.

Здесь впервые Маша имела возможность присмотреться к новому тренеру. Русоволосый, статный, в рубашке с закатанными рукавами, ясный взгляд, загорелые кисти рук, пап-

ка-планшет в руках. Он так не походил на Дубинина, эмоционального, даже резкого с футболистами, простого, прямодушного, прекрасно выступающего перед командой и теряющегося, когда нужно изложить мысли перед большой аудиторией.

Вячеслав Иванович Воротынцев не терялся. Он изложил свое видение работы в команде так чётко и доступно, что по завершению речи хотелось заплодировать. Многие из сказанного совпадало с мыслями Маши.

В частности, тренер выступал за большее привлечение молодежи к сборам с основной командой, за возвращение воспитанников клуба, за интеграцию отдельных служб, за работу над сплоченностью коллектива, изменением его «психологии», был сделан акцент и на работу с болельщиками.

Кротов отреагировал на речь привычно спокойно, его устроило, что новый тренер обошёлся клубу так дёшево и что нет требований по покупке чрезмерно дорогостоящих футболистов.

Саша пыталась вникнуть в перипетии футбольной жизни, а Аня стремилась предположить с максимальной долей вероятности, сколько Воротынцев с его подходом продержится у руля команды. Измерения, конечно, производились в процентах.

Кроме общего совещания, психологическую службу ожидало еще и мини-собрание с новым тренером. В предвкушении встречи Саша сидела в кабинете одна (Маша в коридоре

о чём-то беседовала с массажистом команды), она изучала официальный сайт клуба, фанатские группы.

Тут дверь бесцеремонно распахнулась, и в комнату ввалился боевитый субъект с короткой стрижкой в шарфе с клубной символикой.

– Дверь с обратной стороны закрой! – заявила Александра.

Стрелок опешил от такого приёма.

– Сурово! – рассудил он. – Это ещё почему?

– Терпеть не могу фанатов. Они все сумасшедшие. Этого достаточно?

– Да ты кто вообще? Кабинетом ошиблась?

– Я здесь работаю, если не видишь.

– Да ты такой же психолог, как я балерина!

– Зачем же признаваться в таких интимных склонностях?

Наверное, было тяжелое детство?

– Что? – Стрелок хотел добавить пару крепких выражений, но его порыв прервала Маша.

– Вижу, вы уже познакомились?

– Я его не знаю, – отрезала любительница чёрного.

– Значит, пора узнать, это один из главных активистов фан-сектора, по совместительству – руководитель исследовательской группы клубного музея, Женя.

– Понятно, главный сумасшедший! Что ж, Александра, – бросила девушка, даже не удосужившись поднять глаза от экрана монитора.

«А она не лгала, когда говорила, что не любит людей!» – констатировала психолог.

Вскоре подошли Аня и Вячеслав Воротынцев. Маша сразу определила, что перед ней интересная личность с собственными взглядами, ей всегда нравились такие люди.

После знакомства тренер сразу изложил свою позицию:

– Вы слышали, о чём я говорил, повторяться не буду. Вот, чего я хочу: в команде должен формироваться дух победителей. Над этим надо работать. Может, приблизить к ребятам музей, чтобы роднее был, чтобы можно гордиться... Поэтому пригласил вас, Евгений.

– Короче, понял. Что-нибудь придумаем.

– Ещё нам надо вернуть болельщиков, для этого футболисты должны быть ближе к фанатам. Я буду говорить с ребятами, но нужно и вам, Мария, порассуждать, за счет мы можем сделать команду более открытой.

– Хорошо, – записывала девушка. – Вы еще говорили про преемственность...

– Да, спасибо. Я хочу, чтобы наши воспитанники так прониклись за время обучения любовью к клубу, что потом мечтали сюда вернуться, где бы они ни оказались.

– Вы хотите, чтобы было «мы», а не «они»?

– Верно. А ещё более плотной работы с молодёжкой. На моей памяти мы контактировали с психологической службой крайне мало, – Воротынцев пришёл в главную команду из молодёжной команды, поэтому знал, о чём говорит не по-

наслышке.

– Ясно. Ещё будут уточнения?

– Да, хотелось бы и работы с нашей детско-юношеской школой, там многим несладко приходится, они со всей страны...

Вячеслав Иванович сидел на диване в центре кабинета, говорил просто, без шпаргалок, его хотелось слушать.

– Можно вопрос? – подала голос ранее молчавшая Анна.

– Слушаю.

– Вы так выстраиваете работу, словно собираетесь работать в команде как минимум десятилетие.

«Нескромный вопрос», – отчеканилось в голове у Маши.

– Вы хотите сказать, что так много тренеры в России не работают? Что надо идти от игры к игре, потому что за каждой проигранной встречей может последовать увольнение? Что на моё место уже сейчас вполне возможно ищут более именитого специалиста?

Все промолчали.

– Я уйду, но вы останетесь, и после меня что-то останется. Работать – как жениться. Лучше это делать так, будто на всю жизнь. А там уж как карта ляжет.

– Хорошо, что вы с нами, – улынулась Маша.

– Увидим, – ответил ей в том же духе тренер.

Ремень безопасности

Стрелок сопровождал Воротынцева, чтобы накоротке обсудить насущные вопросы, следом отправилась и Аня.

– Чего ты так строго к Жене? Он достойный человек, – недоумевала Маша, оставшись наедине с новоиспеченной коллегой.

Александра нахмурилась.

– Он же фанат, больной человек... Они же все агрессивные, это же замещение чистой воды... Сами из себя ничего не представляют, вот и следят за каждым шагом своих «кумиров»... – распалялась девушка. – Про них писал Шпенглер и...

– Фрейд, – добавила Мария. – Да ты сторонница психоаналитического подхода! Скажу честно, не ожидала...

– Прости, что разочаровала... Но согласись: играть – это одно дело, а целыми днями перемывать кости незнакомым мужикам и устраивать драки – совсем другое. Да им просто делать нечего! Им бы сублимировать свою энергию во что-то полезное!

Шатенка пыталась собраться с мыслями, чтобы возразить. Но как? Она сама первоначально побаивалась Стрелка, только со временем проникнувшись к нему симпатией. Если бы не пережитое вместе, возможно, фанат так и остался бы для неё ночным кошмаром. Если бы Костя ей не написал, если

бы она не навестила Женю после той его ужасной выходки...

– Ты еще его узнаешь.

– Как же я его узнаю, если я его знать не хочу?

– Если захочешь, то узнаешь.

Саша скептически покачала головой. В этот момент Стрелок заглянул в кабинет.

– Ты идёшь? – обратился он к Маше.

– Да, одну минуту.

– А эта твоя подруга идёт? – поинтересовался он с лёгкой ухмылкой.

– У меня вообще-то имя есть.

– Неужели?

– Не буду кривить душой и говорить, что знакомство приятное, – выдала любительница чёрного.

– Сурово. Ты точно психолог?

– Я уже готова, идём! – прервала словесную перепалку

Мария.

Когда они оказались в коридоре, парень решил разъяснить для себя:

– Что я ей сделал?

– Ничего.

– Чего она тогда... так...

– Не обращай внимания, просто она как ты.

– То есть?

– Понапридумывала себе принципов и следует им.

– Хороши же её принципы...

– Свои вспомни.

– И всё-таки... Зачем ты её взяла, вы же такие разные, вы же будете ... расходиться во мнениях.

– А зачем мне повторения?! Своё мнение я и так знаю. А вот взгляд со стороны не помешает.

– Всё-таки ты странная.

– Не больше, чем ты.

– Садись, – предложил Стрелок Маше, располагаясь на водительском сидении.

– Можно?

– Да.

– Ммм... Ты на машине? Сколько не ездил?

– Много. Только не смейся. Что ты уворачиваешься?

Маша и правда привычно прячет прядь, стараясь не показывать глаза.

– Ничего, просто интересно, как ты водишь.

– Смейся, смейся.

– Я боюсь, вдруг ты навыки не растерял, – подшучивала девушка, пристёгиваясь.

– Ты это чего?

– Что именно?

– Пристёгиваешься.

– Я всегда пристёгиваюсь, я же не враг себе.

– А я вот не пристёгивался раньше, где только мог. Принципиально.

– А теперь?

Парень пристегнулся.

Девушка уже расположилась на сидении в предвкушении поездки, но водитель медлил. Осмотревшись, она поняла: что-то не так. Проверенный и исполнительный «Рено Logan» для автогонщика с характером Жени?! Никакой футбольной атрибутики в салоне, парень не сразу открыл бардачок, сомнительно это всё...

– Это не твоя машина?

– Отцовская.

– Почему ты не на своей?

– Ты забыла, что я был в аварии?

У Стрелка начали мутнеть глаза. Девушка прекрасно знала, что за этим последует. Она пыталась лихорадочно сообщить, какие именно факторы вывели её коллегу из равновесия. Между тем, руки её соседа судорожно сжались, он уперся головой в руль и мученически пытался вздохнуть.

– Её нельзя было восстановить, твою машину?

– Я купил другую, как только появилась возможность.

– И где она?

– Ты действительно хочешь знать? – Стрелок резко повернул голову.

– Так, любопытства ради, – как можно непринужденнее бросила Маша.

– Я её разбил. Почти сразу. Врезавшись в дерево, – это было сказано так мрачно, так устрашающе, что девушка бук-

важно вжалась в сидение.

– ... Что ж, такое случается...

– Я был пьяным вдрызг... Я специально...

В первую минуту девушке хотелось рвануть ремень, душивший её, и бежать, бежать, бежать, куда глаза глядят. Рядом явно сидел человек, который был не в себе и мог сделать всё, что угодно.

Но это был уже не чужой человек, а свой, почти родной. И ему было больно. Ищи. Надо искать. Он должен был оставить подсказку. Не мог он просто напиться и врезаться в дерево. Наверное, Саша бы на её месте сказала, что такова природа человека, это регрессия – простейший из механизмов психологической защиты. Но тут что-то ещё...

Почему он напился? Думай же! Времени нет! Хочешь, чтобы он ещё раз куда-нибудь врезался? Что он тогда чувствовал... Больно? Грустно? Безнадёжно? Вроде бы близко, но всё не то...

И тут её осенило: страшно. Ему страшно! Ему страшно садиться за руль, ему, человеку, который, казалось бы, не боится ничего на свете...

– Как ты досюда доехал? – максимально серьёзно произнесла девушка.

– Как все, – не смотрит в глаза, смотрит в лобовое стекло прямо перед собой.

– А честно?

Парень поднял на неё глаза, там было столько всего пона-

мешено! Тоска, безнадёжность, ярость, боль, обида на весь мир, отнявший у него здоровье и лучшую часть жизни...

– Выходи.

Кажется, Стрелку не понравилось, что его разгадали.

– Что?

– Выходи, я сказал! – парень наклонился и толкнул дверь на пассажирском сидении. Он и бы и Машу с удовольствием вытолкнул, но она была крепко пристегнута.

– Вот ещё, никуда я не пойду! Ты же меня до дома довезти обещал!

– Я ничего не обещал!

– А я уже настроилась, так что вези!

– Это последний шанс.

Слово «последний» вызвало мурашки на коже шатенки, но она не пошелохнулась.

– Сама напросилась!

Фанат захлопнул дверь с таким хрустом, что девушка испугалась за её сохранность. Или свою.

Ключ в замке зажигания, поворот и понеслась! Как он гнал, как летел на желтый, как заходил на скорости в повороты под девяносто градусов, как тормозил перед самым носом впереди идущих машин! Вся жизнь пронеслась перед глазами Маши за время поездки, длившейся не меньше вечности!

Наконец, скорость стала падать, движение выровнялось, и при торможении девушка перестала упираться руками в подушку безопасности. Остановились. Маша зажмурилась,

пытаясь сориентироваться. Кто-то коснулся её руки, слегла потрепал её, тяжелую, похожую на плеть.

– Жива?

– Ты же видишь, что нет.

Маша опасливо подняла веки. Увиденное её обескуражило. Стрелка не было, рядом был Женя, улыбающийся, словно вышедший из пожелтевшей фотографии на полке.

– У меня голова закружилась, а тебе смешно?! – негодовала она.

– Нет, ничего, – а сам так и заливается.

– А вот сейчас я выйду! – рассердилась его попутчица, отчаянно стараясь освободиться от ремня, отчего её русые волосы приобрели хаотичный вид. Когда непокорный инструмент всё-таки поддался, Стрелок уверенно, но одновременно нежно вернул его на место.

– Всё, больше не смеюсь. Дальше поедem тише.

Маше потребовалось время, чтобы прийти в себя. Молчали. Женя вёл быстро, но при этом предельно аккуратно.

– Можно вопрос? – робко поинтересовалась зеленоглазая девушка.

– Давай, – как обычно, после подобной присказки в её исполнении, Стрелок напрягся.

– Как мы стали друзьями?

Водитель поперхнулся.

– Ты же знаешь, что у меня нет друзей. Короче, с некоторых пор нет.

– А кто по-твоему настоящий друг?

– Он останется до конца, что бы ни случилось, – начал игру фанат.

– Это всё?

– Ну, на него можно всегда положиться, особенно, когда тяжело, – продолжил он.

– И?

– Он понимает без слов, – до Жени начало доходить значение сказанного.

– Так какой вывод? – настала пора ухмыляться Маше.

– Сурово, – резюмировал Стрелок. – Как ты поняла?

– Ты не настолько сумасшедший, чтобы напившись врезаться в дерево просто так. Можешь спокойно слушать, не рано?

– Продолжай.

– Должна быть причина. Это как вынос от ворот, лишь бы куда-нибудь подальше в противоположную сторону. Это от бессилия.

– Всё верно. У меня не получалось сесть за руль, это было...

Маша показала всем своим видом, что требует человеческого завершения фразы.

– Жутко. Что потом – ты знаешь. Но как ты поняла, что у меня получится?

– Я говорила, что ремень безопасности придаёт мне уверенности?

– То есть?

– Я была твоим ремнём безопасности.

Немного о чудесах

Клуб перестраивался не только по ходу сезона, но, можно сказать, на ходу. Важная роль в этом процессе отдавалась психологам.

Маша как всегда рьяно взялась за новые обязанности, она выстроила для себя целую стратегию, которой стремилась следовать. Ее ядром стало делегирование полномочий, известное понятие из социальной психологии и психологии управления. Проще говоря, психолог закрепила Александру за наиболее многочисленной, но, на ее взгляд, наименее проблемной группой – спортивной школой, Аню – за молодежкой, а себе оставила основную команду.

Это решение пришло не сразу, Маша не имела стопроцентной уверенности, что ее ассистентки справятся, но также она сомневалась и в собственном успехе, поэтому справедливо рассудила, что их шансы приблизительно равны. Во всяком случае, это предполагало быть увлекательным приключением. Как известно, Христофор Колумб плыл открывать Индию, может, и Америка новоиспеченного психолога тоже ждалась своего первооткрывателя.

Маша писала Стрелку, любопытствующему о причинах именно такого, по его мнению, странного распределения обязанностей:

«У Саши соответствующее образование, она отлично учи-

лась, поэтому знания у нее есть. А опыт придет».

«Так она же детей поубивает».

«Сейчас такие дети, что еще неизвестно, кто кого. Кроме того, думаю, мальчишки любят четких людей с немного черным чувством юмора».

«Сурово. Ну, посмотрим. А что насчет Ани? Она же не работает с людьми».

«Аня хороший теоретик и диагност, нам как раз это и надо в молодёжке: качественный мониторинг. Кроме того, я читала ее развивающие программы. Они достойные. Если что-то удастся реализовать, это будет здорово».

«Непобедимый оптимизм».

«А то! Что насчет формирования психологии победителей?»

«В последнее время не так много наград... Не считая кубка, конечно. Мы решили создать на базе мини-музей, где будут самые большие реликвии, редкие фотографии, автографы. Может, даже оформим так конференц-зал, чтобы каждое совещание, короче, проникаться атмосферой... Или сделать клубный уголок с цитатами... Идей много».

«Если помощь нужна – говори. Поможем».

«Понял. И все-таки не верится».

«Во что?»

«Что мы подружились».

«Разве мы не могли подружиться?»

«Откровенно говоря... нет».

«Видимо, чудеса все-таки случаются»)).».

Маша едва успела поставить скобочки, как в дверь уверенно вошел Вячеслав Иванович. Примечательно, что даже в спортивном костюме он выглядел скорее как модель с рекламного постера, развенчивая таким образом миф о типичном «физруке» в представлениях о тренере.

– Мария, – начал он без дополнительных прелюдий. – Вы знаете, что у нас в клубе нехватка нападающих. Мы подтягиваем молодежь, ищем резервы. Нужна ваша помощь. Я слышал, что вам и ранее приходилось сталкиваться с щекотливыми ситуациями... Если вдруг травмы, дисквалификация или еще что...

«Волнуется», – заключила Маша.

– Присядем на диван? – предложила она.

– Пожалуй.

– Так в чем дело?

– Надо поставить на ноги одного нападающего.

– Подождите, так у нас вроде в лазарете нет сейчас форвардов...

– Он не тренируется в главной команде, работает с молодежкой. Он способный. Но сначала травмы, а потом еще что-то. Не заиграл одним словом, на нем крест поставили, даже продать не смогли. А теперь он наш последний шанс, пока я кого-нибудь из полузащитников не подтаскаю.

– Вячеслав Иванович, вы имеете в виду Дога?

– Да. Рад, что вы его помните.

– Мне про него недавно говорила Аня, он отказался пройти психологическое тестирование. Я к тому, что не смогу вернуть ему в короткие сроки хорошую физическую форму. Если он совсем растренирован...

– Он не безнадежен, форма – это наша проблема. Верните ему хотя бы немного уверенности. Я не очень верю в чудеса, но сейчас нам поможет только чудо. Или хороший нападающий.

Воротынцев не жаловался на то, что клуб не сделал необходимых усиления, на то, что от него ждут результатов в кратчайшие сроки, а некоторые – ждут первой же ошибки, чтобы наброситься с обвинениями в никчёмности. Но все это настолько отчетливо читалось во взгляде нового главного тренера, что не требовало дополнительных пояснений.

– Сделаю всё, что в моих силах.

– Посмотрим, что будет завтра.

– Из-за нападающего?

– Да, у нас на острие будут новички. Салаеву, конечно, горы по колено, но опыта на этой позиции маловато...

Маша участливо смотрела на собеседника. От этого проникающего внутрь взгляда собеседнику стало не по себе.

– Ладно, это уже наши проблемы. Разберитесь с Догом. Пожалуйста.

– Что ж, этот момент должен был наступить: у нас первое серьёзное задание от тренера, цена вопроса очень высока,

поэтому не будем мешкать, – Маша проводила небольшое совещание с ассистентками в своём кабинете. Она расположилась на кресле, а Аня и Саша – на диване.

– Перед нами задача – повысить уверенность футболиста, обеспечить его психологическую готовность к выступлению в основе.

– Насколько срочное дело? – уточнила Аня.

– Десять баллов по шкале до десяти.

– Ясно. Что мы про него знаем?

– Он давно в команде, больше года не играл в основе, сначала был в молодежке, потом в первом дивизионе, потом снова вернули, но не играет. Родом из Африки. Прилично говорит по-русски.

– Я так понимаю, за физическую форму отвечаем не мы? – поинтересовалась Саша.

– Не мы.

– Тогда чего хотят от нас?

«Как странно слышать подобное, совсем недавно я задавала такие же вопросы психологу, а теперь оказалась по другую сторону баррикад», – подметила про себя Маша.

– Мы должны убедить его, что он сможет играть.

– А он сможет?

– Хороший вопрос. Плохо, что я не задала его Воротынцеву.

– Саша, не углубляйся в экзистенциальные проблемы, давайте думать, как действовать, – вернула тему разговора в

прежнее русло Аня.

– Мне никогда не приходилось влиять на судьбы людей, кажется, я выхожу из зоны комфорта... – призналась Александра.

– Ничего, глаза боятся, а руки делают. У меня такой план. Нам надо собрать побольше информации о том, что мешает Дугу играть, что отвлекает его от игры и убрать эти факторы, параллельно воздействую на него с целью повышения уверенности. Начать надо с беседы с футболистом...

Ассистентки психолога переглянулись.

– Я могу проанализировать активность футболиста в социальных сетях, я уже подписана на его микроблоги, по правде говоря, другие игроки у меня тоже на карандаше либо в друзьях, либо по подписке. Дай мне два часа – составлю тебе отчёт о том, чем он занимается в свободное время, которого у него немало.

– Когда ты успела?

– Психология – наука о жизни, а у многих сейчас жизнь в социальных сетях и микроблогах, а не в реальности.

– Разумно, – отреагировала Аня.

– Прекрасно, – поддержала Маша.

– А еще перечитаю, что пишут про него в интернете, интервью, всё, что найду.

– А я проанализирую всё, что у нас на него есть, всю информацию, начиная с момента первого просмотра и заканчивая последними исследованиями, за исключением, конечно,

но, того, от которого он отказался.

По тому, как девушки рьяно бросились выполнять свою долю работы, Маша поняла, что с подопечным придется беседовать именно ей. Рьяно – это сказано образно: Аня, как всегда, размеренно покинула кабинет, настолько погруженная в свои мысли, что едва не стукнулась лбом о дверь; Саша как всегда грациозно заняла место перед клавиатурой и стала отбивать красным маникюром одной ей понятный ритм.

Чтобы создать более подходящую обстановку, Маша пригласила Дога в бывшую архивную.

Девушка привыкла, что существует несколько типов клиентов, то есть – несколько типов людей. Вот некоторые из них, которые чаще всего встречались ей на профессиональном поприще. Одни при встрече с психологами открыты, даже чересчур, они буквально изливают потоки своих явных и мнимых душевных мук в уши покорного слушателя – психолога. Они плачут, смеются, задают вопросы и сами же на них отвечают, а иногда (весьма часто) совершенно не воспринимают того, что им говорят в ответ, слушая на самом деле только себя.

Есть второй тип – агрессивно закрытые. Они, чувствуя опасность собственному комфорту, при разговоре с психологом начинают нападать, огрызаться, строить из себя что-то, могут демонстративно уйти, нагрубить, всячески отказываться от посторонней помощи под предлогом отсутствия проблем.

И с первым, и со вторым типом можно работать, они хотя бы как-то могут вербализовать свои переживания, чего нельзя сказать о третьем типе – пассивно закрытых. Из этих слова не вытащишь, они настолько в себе, что это их разрушает изнутри, к таким ключики еще придется поискать...

К какому же типу относится Джефф Дог?

Черные косицы, собранные рядами, уходящими назад, отчего на голове прослеживались дорожки безволосья. Маша определила, что его голова походила поле с рядами скошенного сена, это было ведение из детства, подступившее внезапно. Скорее всего, нападающего смутило, что на его макушку смотрят непростительно долго.

Видимо, немой вопрос предполагал нечто вроде: «Вы хотели меня видеть?»

– Как ваши дела?

Джефф мнёт пальцы и отводит глаза в сторону.

– Cool.

Маша долго прокручивала у себя в голове целую кучу банальных вопросов, чтобы завязать разговор и преодолеть неловкость от необходимости вступать в такую щекотливую беседу. Но в итоге решила преступить сразу к делу.

– Тренер хочет, чтобы вы играли.

Безучастие.

– Cool.

– Он считает, что вы сможете принести пользу команде.

Кивает. Как будто избавиться хочет, чтобы отстала поскорее. Он плохо знал Машу.

– Вы ему не верите?

Впервые оживился.

– Нет, – неожиданно сказал он на приличном русском.

– Почему?

– Я же не дурак, как говорится у вас, у русских, меня «записали»?

– Списали, – поправила Маша.

– Списали, – с забавным акцентом повторил за ней Дог.

– Я знаю, что вас несколько раз выставляли на трансфер, и про молодежку, и про первый дивизион.

– Тогда чего вы от меня хотите? – неожиданно резко развернулся он.

– Чтобы к вам вернулась уверенность.

Джефф опустил глаза, а потом поднял их снова. Там было столько боли, растерянности, обиды, злости, что Маша почувствовала: где-то там внутри рана, и она кровит.

Форвард, даже не попрощавшись, бросился вон из кабинета. Только косицы промелькнули, да дверь с силой захлопнулась. Из окна было видно, что он опрометью выскочил из холла на улицу, явно намереваясь покинуть базу. Это означало, что он может наделать глупостей. Благо, у нее в команде был специалист по глупостям, которые один знаменитый психоаналитик окрестил регрессией.

– Коллеги, ну, что там? – поинтересовалась Маша, когда психологи собрались на экстренное совещание. – Кто начнет?

– Ты, конечно, – как всегда, не задумываясь над правильностью формулировки выпалила Александра. Несмотря на признание всех трех, описанных Фрейдом, частей личности, сама ассистентка периодически действовала в обход Супер Эго. – Я хотела сказать, тебе, как психологу, следовало бы начать, – поправила она.

– Хорошо, только информации не так много: зажатый, закрытый, обиженный... раненый что ли...

– Это как? – рациональное сознание Ани отказывалось принимать такую расплывчатую формулировку.

– Как будто у него что-то болит... – и, предвосхищая вопрос, добавила, – не нога или рука, а где-то глубже...

– Сказала б я, что у него болит. Да совесть его мучает, что за его зарплату половину его страны неделю кормить можно!

– Саша, не преувеличивай, я, конечно, могу высчитать точно, но процент явно будет находиться в пределах одного, – уточнила Анна.

– Девушки, давайте ближе к теме. И с конструктивными комментариями, пожалуйста. Я к тому, что он будет зализывать рану, которую я разбередила... Осталось только выяснить, где он это будет делать и вытащить его как-нибудь оттуда.

– Вытаскивать человека против его воли – это непрофес-

сионально, – робко высказалась Аня.

– Погоди, мне кажется, я начинаю понимать план Маши. Чтобы разрушить его психологическую защиту, мы нападём, когда он будет наиболее уязвим, а потом сразим его нашим психологическим внушением?

– Во-первых, Аня, времени подводить клиента к осознанию несовершенства его бытия у нас нет. Во-вторых, Саша, это тебе, слово «нападём» мне не нравится, да и над внушением ещё стоит подумать, но суть ты уловила верно. Только где его берлога?

Первой слово взяла Саша.

– Судя по его активности в социальных сетях, свободное время он проводит в компании друзей-легионеров из разных клубов, они частенько посещают кинотеатры, как нестранно, баню, матчи, один пафосный клуб часто фигурирует, бегают иногда...

– Что с семьей? Он же женат? – последние слова были обращены к Ане. Девушка кивнула.

– Про семью почти ничего. Иногда фото с девочкой, милая такая, с кудряшками... Не лады у них, наверно, счастливых семейных фото нет. Хотя, и у меня их на странице нет, может быть, это не показатель...

– Что-то еще?

– Я не знаю, может это неважно...

– Говори, будет видно.

– У него очень мало хештегов, да и просто подписей почти

нет. Скрывается что ли, или некому рассказать?

– Саша, спасибо, очень ценная информация.

– Аня, что скажешь?

– Судя по показателям, его психологическое здоровье и социальное благополучие были значительно лучше до того, как он стал футболистом нашего клуба. Все предсказуемо, я тут график распечатала: самооценка падает, уровень притязаний все также высок, требовательность к себе, честолюбие.

– Что со значимыми ценностями?

– Среди ведущих семья, работа, друзья, это как у статистического большинства. Из интересных – свобода и независимость, счастье других.

– А он точно честно отвечал? Не очень-то мне верится, что для него настолько важно «счастье других», – засомневалась Саша.

– Это же бланковая методика, стопроцентной уверенности у меня нет.

– Все равно спасибо, это ценное замечание. А теперь давайте думать, куда может отправиться человек, у которого фрустрированы две важнейшие ценности?

– Ты думаешь, с семьей все-таки проблемы?

Маша на секунду задумалась.

– Да, но я проверю. Просто не припомню ни на одном последнем банкете, чтобы он был с дочерью или с женой.

– Если бы это был русский человек, я бы не сомневаясь сказала, что в клуб напиться и забыться. Но тут может быть

другой менталитет... – высказала свое мнение Саша.

– Не люблю гадать... – замялась Аня.

– А гадать – это когда какая вероятность? – подколола ее Саша, а брюнетка будто бы и не заметила.

– Когда меньше пятидесяти. Но я тоже склоняюсь к клубу.

– Что за клуб такой? – спросила Маша.

– Сейчас покажу, – девушки подошли к монитору компьютера Саши. – Элитный закрытый клуб с сомнительной репутацией. Идеальное место, чтобы зализывать раны или налижаться. Тебя туда не пустят.

– Меня? – усмехнулась Маша. – Нас, – добавила она.

– Я не могу, меня всегда угнетали замкнутые пространства, кишачие деградирующими личностями, – Александру даже передернуло.

– На меня тоже не смотри, я особо по клубам не ходила, даже не знаю, что там делать...

Видя, что Маша нахмурилась, ассистентки добавили:

– Дай нам время, мы соберемся, но не сейчас.

– Время, время... Где же мне его взять?

В голове у Маши назрело несколько вопросов, ответы на которые должны были помочь выстроить стратегию работы с Догом. Тут классическая беседа не пойдет, нужен нестандартный ход... Застать его врасплох, взять с поличным... А что потом? Неизвестно. Но надо попробовать, а там видно будет. Девушка закрылась в архивной и думала, окно было

открыто, горячий ветер порывами проникал внутрь, подчиняя себе тюль занавесок и снова уходил в никуда.

Вопрос первый – куда направится Дог. Вопрос второй – как дела у него в семье. Вопрос третий – как пробраться туда, где утоляет ночами свои печали нападающий. Кто может ответить на эти вопросы? Кто знает о членах команды больше других?

Маша набрала номер, вызов сбросили. Набрала еще раз.

– Что-то срочное? Я как бы в душе, – с шутливой грозностью предупредил Егор.

– На базе в душе?

– Какой интимный вопрос! Да, на базе.

– Хорошо, спущусь через пару минут.

– Я... – начал было противиться голос в трубке, но Маша его прервала на полуслове, отключившись.

Действительно, в ближайшее же время она уже стояла у нужной двери, благополучно перейдя в соседнее крыло, прильнула к стене и от нетерпения листала последние набранные номера. Внезапно дверь открылась. Из нее показался Егор с мокрой головой, отчего по его спине периодически сползали полоски капель. На бедрах у него красовался полотенце, выгодно подчеркивая статность фигуры. Замечательно сложенный, высокий, в меру спортивный, он всем своим видом наглядно демонстрировал, что находится в прекрасной физической форме. Как назло, на уровне глаз Маши находились подернутые загаром ключицы, а не глаза собесед-

ника.

Довольный произведенным впечатлением, Егор не удержался и хмыкнул, чем вывел девушку из небытия.

– Вам что, халаты перестали выдавать?

– Тебя что-то конкретное смущает?

– Меня – нет, а кого-нибудь еще очень даже может смутить.

– Но здесь только ты и я, причем ты не девушка. Ты психолог, – чересчур рассудительно заключил он, пытаясь скопировать интонацию собеседницы.

– Спасибо, что напомнил.

– Так что за срочность?

– Я могу говорить прямо, без прелюдий и бесед о твоём настроении?

– Да говори уже! – смилостивился он, смахнув несколько капель со лба.

– У Дога все в порядке в семье?

– У него и спроси.

– Вот сама не додумалась! Так что?

– Я так слышал, что жена ушла от него и дочку забрала.

– А ты не знаешь, где он... как бы это сказать... возвращает душевное спокойствие?

– Маша, не лезла бы туда, – веселость спала, когда Егор понял, к чему все идет.

– Значит, ты что-то знаешь?

– Он в клубе одном зависает, там еще из наших Жоазиньё

когда-то пропадал на ставках. Место, мягко говоря, гиблое. Не суйся туда.

– Я же не девушка, я психолог, меня не жалко, – подколола его девушка.

– Я серьёзно. И тебе так просто туда не попасть, там нужна клубная карта.

– Она есть у кого-нибудь из наших?

– Кроме Дога и Жоазиньё? У Березина, может быть, он там как-то выступал.

– Березин...

– Да, но его нет в стране, ты же знаешь. Обещай, что не сунешься туда одна!

Маша поднялась на цыпочки и стерла пальцами ручеек на щеке голкипера.

– Может быть.

Уже вечером психолог сидела у себя в квартире на диване и занималась тем, что получалось у нее лучше всего – сомневалась, что в науке окрестили более солидным словом «анализировала». Позвонить Березину или нет? Неудобно как-то... он же предлагал работу, спрашивать, что говорить тогда... Уйма мыслей. Тут еще и Поля снует туда сюда, распихивая по квартире свои вещи, явно всем своим видом намекая, что хочет поделиться переживаниями. Наконец, Маша поняла, что больше абстрагироваться ей не удастся.

– Поругались?

– Даже и не спрашивай!

«Ага, не спрашивай! Я бы с удовольствием!» – улыбнулась про себя шатенка.

– Ну и что там?

Полина присела к Маше, откинув голову на спинку дивана, что наводило на мысль о душевном разговоре.

– Я не знаю, Маш, отчего я такая неправильная?

– В смысле?

– Почему у меня все не как у людей?

– С этого момента поподробней.

– Помнишь, я как-то нашла у тебя стихотворение, «Исповедь цветка», по-моему... Так вот, я встречаю человека, тянусь к нему, расцветаю, можно сказать, всей душой тянусь... А он, этот человек, как там у тебя сказано: «Зеленое сердце мне изрешетит»... И исчезнет потом. И ничего не останется. И только сквозь землю потом провалиться хочется. Чтобы сил набраться. Чтобы снова расцвести. И так по кругу.

– Так Гоша никуда не исчезал, насколько я знаю.

– Он не исчез, исчез тот образ, который я себе придумала.

– Но это, как грубо не звучит, уже твои проблемы, а не его...

– Ну, спасибо, утешила, ничего не скажешь!

– Зато правда, – Маша обняла подругу. – Ничего, может, все еще наладится. Расскажешь мне как-нибудь все по порядку.

– А ты как?

– Да вот, все про Березина думаю.

– А ты ему так и не ответила?

– Нет.

– Смотри, там у него скандал приключился с болельщиками, ты не слышала? То ли он сказал что-то, а не так поняли... Одним словом, чуть ли не байкот ему объявили. А он даже не играл еще.

– Ты откуда знаешь?

– Да об этом на всех сайтах подряд пишут. Ну, конечно, ты же не подписана на «желтую прессу»!

– Это правда?

– Да, – Поля отодвинулась и посмотрела в глаза соседке. – Ты что-то задумала?

– Да. И этот скандал очень уместен. Я закроюсь на кухне ненадолго?

Маша тщательно расчесалась, сменила затрапезную футболку на нечто более приличное, коротенькие шортики переодеть не стала, резонно полагая, что собеседнику будет достаточным видеть ее по пояс, даже нанесла на губы прозрачный блеск. «А вдруг он не в сети? Вдруг не возьмет? Что тогда делать? Это единственный шанс!» Несколько раз открыла и закрыла ноутбук. В итоге открыла искомое приложение и обнаружила, что Березин в сети. Это был тот знак, которого девушка боялась и ждала одновременно.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – с экрана на нее смотрело немного растерянное лицо Дмитрия.

– Не ожидал уже вас увидеть, – по всей видимости, обиженно отозвался он.

– Я тоже рада вас видеть. Вы все еще заинтересованы в моих услугах?

– Надумали все-таки? – искривил губы он.

– Если вы уже работаете с другим специалистом, я пойму, – блефовала девушка. Она даже в мыслях не могла себе допустить, что Березин найдет какого-то другого психолога.

– Что заставило вас передумать? – допытывался форвард.

– У меня было время определиться, взвесить все... Только у меня будет одно условие...

– Так, кажется, с этого и стоило начинать, – оживился ее собеседник. У Березина в который раз была новая прическа: с одной стороны волосы коротко выстрижены, на них просвечивался какой-то узор, на другую же стороны спадали бережно уложенные пряди.

– А у вас мило! – оценила девушка кусочек квартиры, видимый для нее в экран монитора.

Хоть Березин и пытался спрятать улыбку, было понятно, что это ему не удастся полностью.

– Вы от темы не отходите. Что за условие?

– Вы договоритесь, чтобы меня пропустили в один закрытый клуб.

Дмитрий изумился до такой степени, что схватился за го-

лову.

– Вы хотите сказать, что столько времени отказывались принимать мое предложение, а теперь согласились, только чтобы иметь возможность потусить в раскрученном клубе?

– Так, я не понимаю, вы соглашаетесь или отказываетесь?

– Скажите, что вам нужно в этом клубе, тогда я подумаю.

В этом был весь Березин: он всегда любил сам вести игру. Что ж, иногда игра на контратаках оказывается не менее результативной, так что можно ненадолго и сбавить во владении мячом.

– Мне нужно вытащить оттуда одного нашего футболиста.

– Вы хоть понимаете, как мне паршиво сейчас? Вы так рьяно отказывались со мной работать, когда мне особенно нужна была помощь, вы понимаете, что я две недели из этой чертовой квартиры не выходил? А теперь вы соглашаетесь, чтобы помочь футболисту, который даже в основу не проходит? – вспыхнул Дмитрий.

Что тут можно сказать?

– Квартира у вас, как я уже отметила, очень даже ничего, про эти две недели у вас будет возможность подробно рассказать на сеансах. А насчет футболиста, вы верно догадались, о ком пойдет речь. Я согласна на ваши условия по оплате, думаю, два сеанса в неделю по часу будет вполне достаточно. Время будем варьировать, потому что у вас будут тренировки и матчи.

– Будут ли?

– Будут. Решайте.

Так они и смотрели друг на друга через экран монитора: он из богато обставленной гостиной в квартире-студии, расположенной в элитном районе Берлина, а она из скромной кухни в типичной хрущевке на окраине вечно куда-то спешащего города.

– Только у меня тоже будет условие.

– Какое?

– Мы будем общаться на «ты». И еще, обещай хотя бы прочитать договор, прежде чем будешь его подписывать.

– А ты закажешь для меня столик в клубе или как там это делается?

– Да, только одна туда не ходи. Хотя... может, тебе и полезно будет окунуться в эту атмосферу, может быть, вырастешь, наконец...

– Я не сенегальский защитник, чтобы быть двухметрового роста.

– Засчитано. Хотя я и не про этот рост.

Тут дверь кухни открывалась.

– Простите, что прерываю вашу беседу, но очень пить хочется, – прокомментировала свое появление Поля.

– Кто это?

– Подруга моя.

– Ее лицо мне знакомо.

– Нас Паша знакомил, – мимоходом бросила брюнетка. –

Чижов.

– Ты на него не обижайся, у Дмитрия плохая память на девушек, – подколола футболиста Маша.

– Возьми ее с собой.

– Куда? – заинтересовалась Поля.

– В элитный клуб.

– Мне ничего не хочется. Но если надо составить компанию, то можешь на меня рассчитывать.

– Ты уверена? – уточнила психолог.

– Более чем, пошла искать нам платья. Там же, наверно, дресс-код?

– Вот, сразу чувствуется опыт, – одобрил Дима.

– Как обычно: каблуки повыше, юбки покороче? – крикнула девушка уже из комнаты.

– Да, – отозвался он. – И макияж поярче, передай ей. А вообще, место там не для таких, как ты. Туда ходят оторваться по полной. С коктейлями поаккуратней и лучше не курить, что предлагают.

– Какая похвальная забота. Я тебе ребенок что ли?

– Скоро ты будешь официально моим психологом, я не могу допустить, чтобы с тобой до этого момента что-нибудь случилось.

–Ну, спасибо. Как нас туда пропустят?

– Назовешь моё имя. Я когда-то сделал им неплохую рекламу, они передо мной в долгу, – ухмыльнулся Дима.

От сквозняка захлопнулось окно, и Маша была вынуждена встать, чтобы его прикрыть.

– Классные шортики, – не упустил случая вставить свои пять копеек форвард.

«Черт, – подумала Маша, – как у меня получится поддерживать с ним нормальные клиентские отношения?»

– Пойду собираться, – намек на конец беседы.

– Ладно, я пришлю инфу, когда надо будет подписать контракт.

Он будто бы хотел что-то сказать, но почему-то упорно молчал.

– Рад тебя видеть.

– Не знаю, к чему это приведет, но это взаимно.

Поля не нашла в своем гардеробе подходящих вещей, поэтому приехала Наташа, у которой можно было найти платья на любой случай жизни, она же помогла с внешним видом, прическами.

– Ох, девочки, завидую я вам, так давно не была в клубе, нет, конечно, с мужем мы ходим, но так, чтобы с подружками, отдельно... с удовольствием составила бы вам компанию, Миша у бабушки как раз... – сокрушалась блондинка. – Все-таки так утомительно сидеть в декрете...

– А по мне – не жизнь, а малина: любимый муж, никаких рабочих будней... – приговаривала Поля, накручивая локоны. – Знаете, что я решила?

– Еще нет, – отозвала Маша, подкрашивая губы в цвет спелой вишни.

– Я решила больше не влюбляться.

– Это еще почему?

– Да устала я от этого всего. Ищешь человека, встречаешь его, узнаешь, влюбляешься... Душу ему открываешь, себя отдаешь. Делишь с ним утро, вечер, ночь... И сначала все хорошо: цветы, улыбки, один на двоих попкорн... А потом однажды он перестает тобой восхищаться. Будни. Компьютер. Дежурные вопросы. Слезы. Разговоры ни о чем... И ты уходишь. А потом снова поиски, встречи. Я устала.

Вы знаете, я даже целое пособие могу написать про первое свидание. Да, вот сами посмотрите. На первое свидание нужно надевать красивую, но удобную обувь, ведь ты не знаешь, придется ли тебе ступать как герцогине или уносить ноги как вору-карманнику. Хорошо бы дома подкрепиться, потому что неизвестно, будет ли твой новый знакомый настроен на совместный прием пищи или предпочтет исключительно пешие прогулки.

Прекрасно было бы иметь с собой воду, деньги, само собой, заряженный телефон, зонтик, в конце концов. Одеваться надо вроде как празднично, но в той же степени комфортно. И больше улыбаться – парням нравятся улыбчивые девушки.

А вообще я не люблю первые свидания: на них человек очень редко бывает самим собой.

Чего вы молчите?

– Заслушались, – призналась Наташа, она сидела с Машей

на диване, точнее – полулежала у нее на плече. – Знаете что, я с вами. Только Кириллу позвоню, чтоб не волновался.

– По-моему, мы чересчур разделись...

– Не слушай Машу, она всегда так говорит, – подмигнула Полина молодой маме.

– И, кажется, мы вышли поздновато...

– Час ночи – детское время для тех, кто хочет оторваться, – брюнетка обогнала подруг, смеялась, размахивала мерцающим клатчем.

– Она точно не пьяна? – шепнула Наташа.

– Точно. Хотя... Кто говорил, что пьянит только любовь счастливая? У несчастной любви градус тоже ого-го!

Стояла темная позднейюльская ночь, девушки выбрались из такси в новом районе «для бедных», как его окрестили местные. Навороченные многоэтажки обступили торговый центр, на плазменный экран которого, кажется, ушло столько энергии, что можно было бы осветить несколько кварталов. На улице было немногочленно: несколько подростков демонстрировали свою взрослость, обкладывая трехэтажными словечками виртуальных «друзей» и «подруг» за якобы разрушенную жизнь, о которых даже не вспомнят через несколько дней. Несколько курящих таксистов расположились в засаде, ожидая скорой наживы, да еще подтягивающаяся «золотая молодежь», которой после «утомительного» дня как раз хватало сил на то, чтобы испытать до конца ча-

шу горечи брэнного бытия в тшательно начищенном бокале и заглушить душевную пустоту монотонным одурманивающим битом.

Клуб имел отдельный вход, находящихся в отдалении от остальных, поэтому девушкам пришлось еще немного пройтись.

– Наташа, скажи же Маше, что с такой траурной миной она не пройдет фейс-контроль!

– Правда, улыбнись, пусть это будет просто хороший вечер! – подбадривала подругу блондинка.

– Хорошо, – выдохнула Маша, досчитала до десяти, выпрямилась и игриво улыбнулась.

– Какой у нас план? – поинтересовалась Поля.

– Мы проникаем в клуб, дальше вы развлекаетесь, а я разыскиваю Дога и вытаскиваю его как-нибудь оттуда...

– Расплывчато получается, – покачала головой Наташа. – Вдруг он еще не пришел?

– Тогда подожду его... На танцполе, – вроде бы более беззаботно отозвалась девушка, чем успокоила подруг.

Охранник при входе пропустил их без проблем, стоило им назвать, того, кто бронировал столик. Уже через пару минут девушки могли созерцать себя в зеркале дамской комнаты в полный рост. Они походили на женскую поп-группу: блондинка в коротком черном бархатном платье с открытыми плечами, брюнетка в облегающем красном платье на одно плечо и шатенка в пастельно-розовом, струившемся по

фигуре.

– Ну что, пойдём посмотримся?

Даже мимолетного взгляда хватило Полине, что составить впечатление.

– Да, это не университетская дискотека или вечеринка на катере в Геленджике... Размах, конечно, чувствуется!

Общее пространство делилось на два самостоятельных – красное и ультрафиолетовое. В первой располагались уединенные лаундж-зоны, ограниченные ниспадающими вниз сверкающими полупрозрачными занавесками, стрип-зоны, где на диванчиках открывался вдохновляющий вид на прелести танцовщиц и танцоров (где, собственно и был заказан столик, любимый у Березина, по словам официантов). Здесь же располагался бар.

Второе пространство включало в себя танцпол, много разбросанных столиков попроще, несколько «vip-room», все в шикарной обстановке с декором в стиле хай-тек. Звук, от которого уши закладывало, оригинальные ремиксы в которых совершенно терялся оригинал. Блеск, мерцание. Горьковато-сладкий дым, от которого закладывает горло и щиплет в глазах.

Девушки остались на танцполе, а Маша вернулась в красный зал за свой столик, резонно полагая, что лечение раненой души удобнее начинать в одной из гламурных коморок именно в этой части клуба. К ее удивлению, их столик не пустовал.

– И что ты здесь делаешь?

– Ну, я же тебе говорил, чтобы ты сюда одна не ходила, – расплылся в ухмылке Егор, приглашая девушку сесть. – А тут, знаешь ли, ничего... – парень не многозначно кивнул в сторону уже успевшей оголиться танцовщицы, а потом и во все замер, как бы созерцая прелести ее фигуры. Девушка ладонью развернула его голову к себе. Она почувствовала, как голкипер вздрогнул от ее прикосновения, но виду не подал.

– Ты тут, чтобы стриптизерш разглядывать или мне помогать?

– Дай подумать. Какой сложный выбор!

Маша поглядывала по сторонам.

– Дога ищешь?

– Ага, – отозвалась девушка.

– Он там, – парень кивнул в сторону одной из элитных коморок с диванами цвета налившейся вишни, едва проглядывавшими сквозь переливающийся занавес.

– А ты откуда знаешь?

– Кирилл проверил, он же хорошо в этих местах ориентируется.

– А он откуда знает? – изумилась девушка.

– Наташа сказала, он же не мог ее сюда одну отпустить.

– Что вы заладили, по-моему – нормальное место!

– Знала бы ты, что творится вокруг...

– И что, например, – провоцируя, одними уголками губ

улыбнулась Маша.

– Ты действительно хочешь знать? Загляни в любую из этих комнат, да хоть к своему клиенту загляни, хотя там все спокойно, там Пашка.

– И Чижов здесь??? А он...

– Ему Березин сказал. Боится за своего психолога, бывшего психолога... Или? – стал догадываться Егор. – Ты не говорила, что продолжаешь его консультировать... Так можно?

– Я сегодня с ним первый день пообщалась, мы даже контракт еще не подписали...

– Надо выпить, – с досадой выдал голкипер и даже привстал, но тут же сел. – Жаль, я не пью, – иронично посетовал он. – Скажи, я иногда думаю на досуге... Вот если бы у меня было другое имя, может быть, у меня был бы шанс?

Ох, уж эти лукавые полуулыбки!

Маша привычным движением поправила прядь, чтобы выиграть время.

– Можешь не отвечать – это была шутка.

Девушка только хотела сказать, что не в имени дело, но так и не успела.

– Так ты пойдешь к Дугу?

– Да, надо идти, пока он еще в трезвом уме.

– О, это ты глубоко заблуждаешься, – сверкнули серые глаза.

– А ты куда? Не пойдешь со мной?

– Хочешь, чтоб сходил? Я же капитан, поэтому здесь, могу

сходиться...

«Так он здесь, потому что капитан...» Почему-то больно резануло по сердцу, пришлось глубоко вздохнуть.

– Я сама справлюсь.

– Зови, если что, а я пойду Ахмеда и Опала разыщу, а то они куда-то пропали, Ахмед наотрез отказался тут тусить.

– Отвечай сразу, ты всю команду на уши поднял?

Парень только пожал плечами.

– Так получилось, – заявил он, вынужденно наклонившись совсем близко к собеседнице – музыка заглушала слова.

– Ты же знаешь, что ты красивая?

Хорошо, что в мире оттенков коралла и бордо не так заметно, когда краснеешь.

– Нет, ты же не так часто это говоришь!

Теперь пришла пора смутиться и футболисту.

– Я бы мог говорить это чаще, – многозначно улыбнулся парень и покинул столик.

Маша не хотела идти в этот пресловутый «vip-room», что она там забыла, но делать было нечего. Она поднялась,правила платье, поправила улыбку и по возможности гордо зашагала к занавеске, не успела ее отодвинуть, как психолога опередила какая-то тень, тень неслась так, что только кудряшки она успела рассмотреть. Видимо, Фил тоже был втянут в историю. Но самое удивительное ждало ее впереди: в одно мгновение занавески раскрылись и несколько парней,

среди них девушка успела разглядеть и Дога, кинулись в направлении второго зала, того, где танцпол, Маша поспешила за ними, но обувь не позволяла ускориться в должной мере.

Девушка услышала какие-то странные звуки, резкие, похожие на хруст, потом кто-то закричал. Танцующие столпились у края, ей пришлось продираться к самому центру, чтобы понять, в чем дело. Наконец, в двадцатый раз извинившись, она оказалась у края людской массы. Перед ней предстала поистине гоголевская картина: по одну сторону стояли ее футболисты, у кого-то была разбита бровь, кто-то порвал рубашку, за их плечами, робко поглядывая, затаились Поля и Наташа, охранники, на всякий случай, держали заслон. По другую сторону столпилась мужская компания, тоже хорошенько потрепанная.

И первых, и вторых спешно выпроводили из заведения через черный выход, тот самый, что был скрыт от посторонних взглядов и выходил на «задник» торгового центра.

Сидели на том, что было: каких-то ящиках, выступах здания, ступеньках. Ахмед и Кирилл еще жаждали отмщения и не могли полностью прийти в себя. Егор смеялся над прошедшим, Философ потирал ссадину, Опалов задумался, а Дог разместился прямо на земле, опустив голову вниз.

– Как ты согласилась с ним танцевать?

– Я же не знала, что он будет приставать, это же просто танец!

Кирилл не удержался от выяснения отношений. Егор по-

пытался сгладить углы.

– Наверно, ты редко говоришь Наташе, что она красивая, от этого порой бывает много бед.

Маша поняла, что эти слова обращены и к ней, а может быть, только к ней.

– И дыр, это же была Армани, – Чиж продемонстрировал прореху размером в кулак в своей дизайнерской рубашке.

Футболисты рассмеялись.

– Завтра тренировка...

– Уже сегодня!

– Уже сегодня тренировка... Пора расходиться, – подытожил Егор. – Ты с нами?

Он обратился к Дугу. Тот впервые поднял голову. Маша не очень разбиралась в стадиях алкогольного опьянения. Но когда-то ее учили, что есть стадия грусти... Это был странный с поволокой взгляд. Что творится там, в твоей голове? Может быть, выходят пары алкоголя? Или там творится маленькое чудо?

Дог кивнул. Расспрашивать его не стали.

– Пашка, довезешь?

– А девушки?

– Девушек я сам подброшу.

Чиж хотел еще что-то сказать, но Поля уже уцепилась за руку голкипера и всячески демонстрировала, что с бывшим возлюбленным ехать не собирается.

– Чудно это как-то, когда парни за тебя дерутся... – меч-

тательно изрекла Поля, пристегиваясь.

– Хватит чудес на сегодня, поехали домой! – заключила Маша и тоже пристегнулась.

Превратности судьбы

Звонок раздался среди ночи. По количеству пропущенных, сонная, Маша с трудом сообразила, что ситуация важная, если не критическая. Чтобы сам президент клуба звонил ей среди ночи, да еще столько раз – такого еще не было, ей вообще на ум не пришло ни одного даже близко стоящего рядом случая. Значит, что-то случилось.

Эх, а так хотелось выспаться...

Как всегда, прежде чем звонить, психолог попыталась проанализировать, где она допустила оплошность, но, как назло, не могла припомнить достойного косяка со своей стороны.

Все шло своим чередом: Дог потихоньку набирал форму, молодые Иван и Антон прогрессировали, Андрей вливался в команду. С ним, бесспорно, могло выйти недоразумение. Он вообще по мнению Саши – одно сплошное недоразумение. Благо, ее не было при первичном тестировании, психологу ассистировала Аня.

Он всячески демонстрировал незаинтересованность, пару раз откровенно зевнул, отвечал иногда совсем невпопад.

– Надеюсь, на футбольном поле он внимательнее, чем на собеседовании. Процентом на 90... – заключила Аня.

– И приятнее в общении процентов на сто, – добавила ее начальница.

Не очень уживчивый человек. Маша не рекомендовала брать его в команду, отмечая, что это может негативно сказаться на коллективе в целом. Но ее не послушали: из-за конфликта с другой командой он достался клубу дешево, почти даром, что было сродни живительной мази на ранах в бюджете в преддверии старта еврокубкового сезона.

... Зазвонили снова. Поля не выдержала и приоткрыла один глаз.

– Ответь уже! Или мелодию на звонок поставь поприятнее...

– Да? Добрый вечер, – «кстати, интересно, сколько времени?»

– Извините, но времени на любезности нет. Одного нашего общего знакомого обвиняют в нанесении тяжких телесных повреждений, у нас завтра матч, будет скандал. Его пока не нашли. И не идентифицировали. Вы вылетаете через четыре часа.

– Ясно.

– Вы не хотите спросить, кто это?

– Я догадываюсь.

Было три часа ночи. На раскачивания времени почти не оставалось. Поля помогала Маше паковать чемодан. Квартира походила более на вещевой хаос, нежели на упорядоченную вселенную. Нужно было ничего не забыть и все учесть.

– Ты же за границей не была ни разу! – кричала брюнетка

из ванной. – Возьми с собой свою Александру, она задаст этим немцам жару!

– Саша борется с «синими китами», там дело серьезное.

– Что еще за киты такие и чем они плохи? По мне, прекрасные животные. Если смотреть на них со стороны.

– Эти «животные» склоняют детей к суицидам, а в интернете детям бывает одиноко, поэтому они легкая добыча, – пояснила Маша, замерев на мгновение, не зная, какую пижаму выбрать – красивую или теплую.

– Тогда ей лучше остаться, если кто-то и наведет там порядок, так это твоя суровая ассистентка. Не смотри на меня так, ты бы тоже навела, но своими методами. Хотя я ее только по твоим рассказам знаю. Что ты думаешь, бери красивую! Вдруг, свидание.

– Ты права!

– Неужели?

– Конечно, я же не на свидания ходить еду, так что, беру теплую.

– Возьми с тобой Аню, она умная, с ней тоже не пропадешь.

– Относительно Ани распоряжений не было, придется самой справляться, – девушка сгребла в косметичку принадлежности. – Буду смотреть по ситуации.

– Пиши или звони, если что. Ты уверена, что это Стрелок?

– Да, это Женя, кто же еще...

– Разберись в ситуации.

– Постараюсь.

Уже в аэропорте Маша вспомнила, что не отменила консультацию с Березиным. Ожидая вылета, она проверила меседжеры и поняла, что ее клиент онлайн, что, кстати, было весьма удивительно для столь раннего часа.

«Сегодня встречу провести не получится, по делам клуба срочно вылетаю в Германию».

«Куда именно?»

«В Берлин».

Надо же, Березин стал задавать уточняющие вопросы, а не только о себе говорит. Где бы это записать...

«Отлично».

«?»

«У меня там квартира, она уже давно, купил, когда на операции ездил».

«Ты это к чему?»

«Остановись у меня, я все равно сейчас с командой, так что квартира свободна».

«Спасибо, конечно, но это неудобно...»

«Тебе что, Кротов снял люкс в пятизвездочном отеле?»

Он что, думает, я брезгую его скромными хоромами?

«Нет».

«Тогда в чем дело?»

А в чем дело? Пусть и правда человек хоть раз в жизни сделает доброе дело.

«Хорошо, как мне туда добраться?»

«Тебя заберут. Скинь номер рейса».

Вот так Маша сэкономила на такси и ночлеге. День начинался явно удачно. Вот только Березин... что ему в голову вдруг взбрело помогать? Ладно, не до него сейчас.

Это пленительно и страшно – смотреть на взлетающие самолеты. Может быть, мы все немного самолеты: нас отчаянно тянет к небу, причем каждого – к своему, при этом мы отчетливо понимаем, что однажды одно такое небо может нас погубить. Но мы все равно летим...

Или играем в футбол, когда врачи запрещают. Или наносим удар левой в челюсть, зная, что последует возмездие. Или ввязываемся в лабиринты отношений и потом с трудом оттуда выпутываемся. Небо у каждого свое.

Лететь было около трех часов. Говорят, первый полет определяющий – человек либо влюбляется в это чувство свободы, либо решает для себя, что больше на такую авантюру не подпишется. Маше в полете нравилось все: и смешные команды стюардессы, и волшебный вид земли из иллюминатора, и своевременный перекус. Не нравилось только ощущение беспомощности. Это странно, когда от тебя ничего не зависит, когда ты полностью полагаешься на другого человека или команду людей. Что делать в такой ситуации? Варианта два: или же переживать и накручивать себя, или же получать удовольствие от вынужденной безмятежности. Маша склонялась ко второму.

Только какая тут безмятежность, когда Жене грозит лет пятнадцать, не меньше. Или все это неправда, стечение обстоятельств. Мог ли Стрелок нанести сопернику тяжкие телесные? Мог. Наносил ли? В этом придется разобраться.

Я изучала немецкий язык. Конечно, мой уровень владения оставляет желать лучшего, но такой уж я неправильный человек – непременно влюбляюсь в то, чему посвящаю свое время. И душу. Особенно душу. Не могу я работать без души, такая вот вредная по нашей жизни особенность. Вот и в Германию я влюбилась. Совсем чуть-чуть. Как влюбляются в пейзажи гор, на которые никогда не станут подниматься или в морские глубины, которые также вряд ли удастся покорить.

Но вот она, Германия, прямо за окном! И не просто Германия, а самое ее сердце – Берлин, об этом можно было только мечтать! Музейный остров, Рейхстаг, Курфюрстендамм, Александерплац, Бранденбургские ворота... Все это я не увижу, потому что надо вытаскивать Стрелка. Ох, а как же хочется туда, затеряться среди прохожих, попробовать фирменных колбасок...

Стоп. Надо сосредоточиться. Надо добраться до квартиры Березина и подумать, Кротов уже должен скинуть материалы, может, Аня с Сашей чем-то помогут, хотя Саша вряд ли, ей не до этого.

И все-таки сразу чувствуется, что у Берлина мужская энергетика. Какой-то он brutальный что ли, он не размерен-

ный и жеманный, а какой-то очень собранный, будто дай ему волю и он раздавит тебя своей мощью. Или обнимет. Мне больше нравится второе.

Притормаживаем. Ну-ка, посмотрим, что у Березина за хоромы. Дай угадаю, какая-нибудь квартира-студия с минимальной обстановкой в центре города в наикрутейшем и шумном районе...

Реальность частично опровергла мои предположения. Оказалось, что в доме всего 3 этажа, причем первый у них за этаж не считается, несколько подъездов, кирпичный, с белой отделкой в районе балкона. Очень даже уютно выглядит со стороны. Не очень подходит под ритм и наполненность жизни Березина. Хотя чем-то напоминает его загородный дом. Надо взглянуть на обстановку, тогда сразу пойму, любит он это место или нет.

Вообще, зря согласилась. В отеле меня бы все не отвлекло так, как тут. Кого я обманываю... Мне приятно, что могу хоть немного заглянуть ему в душу.

Открываю дверь ключами, любезно переданными мне консьержем. Как я и предполагала, это квартира-студия. Первый этаж делится на гостиную зону в спокойных тонах и отделенную от нее барной стойкой красно-белой кухонной зоной. Много небольших встроенных светильников по потолку сливаются в причудливом узоре. Приятная обстановка. И, видимо, Дима не шутил, когда говорил, что в отъезде – порядок был почти образцовым. Единственное, на жур-

нальном столике какая-то бумажка. Или записка. О, да это совершенно новый уровень заботы – пароль от Wi-Fi.

Там еще второй этаж, но времени нет, надо начинать действовать, а то уже сил нет, надо восстановить картину произошедшего. Тут данные от Кротова, заметки Ани из сети.

Итак, вчера вечером в город прибыли наши фанаты для посещения выездного матча в Еврокубке. Прибыли организовано, на автобусах в составе порядка 300 человек. Заселились по хостелам. А потом вышли на разведку. Как писали местные газеты, многие русские ребята оказались подкаченными, спортивными, часть из них была замечена в местных питейных заведениях. Публика восхищена и взволнованна одновременно прессами наших ребят под черными майками и стальными бицепсами, которые под одеждой не спрячешь. Занятно. Думаю, наши болельщики в хостелах распугали всех посетителей.

Вроде бы все шло мирно. Но ближе к полуночи началась драка, прямо на улице. Это зафиксировали камеры видеонаблюдения. Наши были в меньшинстве, меньше десятка, немцев значительно больше. Кто стал ее зачинщиком – неясно. Немцы утверждали, что русские грубили, русские – что немцы выкрикивали фашистские лозунги. Как бы там ни было, наши ребята оказались на голову сильнее, лупили друг друга (это слово подходит лучше всего) знатно. Все бы ничего, но когда приехала полиция, то обнаружила лежащего на земле немца без сознания в тяжелом состоянии, нападавшего за-

держат не удалось, но на записи был виден крепко сложенный молодой человек в капюшоне с опознавательными знаками ультрааса. И теперь на его поиски брошены все силы полиции. Эта информация из открытых источников.

Ладно, крепко сложенный парень, они все такие почти, комплекция такая и рост, как у Стрелка, но, как говорится, не пойман – не вор. Может, это вовсе не Женя. Но Кротов не будет беспокоиться по пустякам...

По мессенджеру мне выслали любительскую запись, один из наших фанатов записал, она со звуком, хотя неподготовленным ушам лучше смотреть без него – такое разнообразие нецензурной лексики не каждый сможет вынести. Снимали с близкого расстояния. Потасовка. Одного немца захватом опрокинули на землю. Потом к нему, уже лежащему наклоняется парень. Что он там делает, не видно – снимали со спины. Сирена. Под возгласы: «Валим!» народ начинает растекаться в разных направлениях. Окликают того, что склонился над немцем. Тот подходит, но не сразу, будто сомневается. Камера пытается выхватить лицо, но сигнал обрывается.

Надеюсь, этой записи у полиции нет. Если немец не придет в себя, они все автобусы перевернут, ему не выбраться отсюда. Опросят свидетелей, может, еще были камеры. Где Женя? Хоть бы его еще на чем-нибудь не взяли! Он же мне обещал!

Ладно, это эмоции. Надо думать, что можно сделать. Что именно я смогу. Девушка без связей, без особых средств

и без толкового знания языка. Еще перед отъездом Кротов сказал, что мне неофициально будут помогать из нашего консульства. Кстати, встреча через два часа, а надо еще посмотреть по карте, где это.

Заботы о Березине и его душевном мире отступили на второй план перед осознанием всей тяжести сложившейся ситуации, поэтому размещусь прямо в спальне, так проще. Наверху, кстати, кроме нее оказалась еще небольшая тренажерка. Как это похоже на Диму. Ему всегда надо быть в форме.

Большая кровать, плазма внушительных размеров, зеркальный шкаф-купе, полочки, на полу мохнатый ковер шоколадного цвета – вообще все спокойно, светло и довольно минималистично. Смотреть по сторонам некогда, надо бежать.

Благо, местечко оказалось неподалеку, тоже в центре, небольшое кафе, в рабочее время оно оказалось полупустым. Прошла, заняла свободное место, жду. На ломаном немецком заказала чашечку кофе. Интересно, кто будет мой помощник в столь щекотливом деле? И что мы будем делать? Импровизировать.

Что-то мой коллега задерживается, кофе уже попила, руки трясутся на нервной почве. Матч уже совсем скоро. Ночью автобусы отправляются обратно. Как вывезти отсюда Женю? И как его найти?

Хоть бы путный человек попался!

– Ну, здравствуй.

Ох, почему у меня мечты всегда сбываются так нелепо? Передо мной стоял, стряхивая с глаз челку, один из самых дорогих для меня людей, с которым мысленно я уже попрощалась – Костя.

– Мягко говоря, неожиданная встреча, – едва выдавила я от изумления.

– Это да, – сказал он, присаживаясь. Почему-то виновато улыбнулся так, что на щеках появились ямочки. Маша, соберись, это не поездка, а сплошное испытание! – Я опоздал. Приехал поездом. Из Чехии.

– Как скучно мы живем! Присаживаем в кабинетах и слушаем бесконечные истории, пока кто-то ненароком путешествует по Европе.

– Да уж, ненароком, – отозвался мой кареглазый сосед, не почувствовав иронии.

Мы смотрели друг на друга и старались быстрее отвести глаза. Я не осталась с его семьей на праздник после выпускного вечера. Он не писал и не звонил мне с того самого дня. Если у судьбы есть сценарист, то я взяла бы у него автограф.

– Пойдем лучше прогуляемся?

Да, так будет проще, хотя бы в глаза можно не смотреть.

– Идем.

Еще одна мечта сбылась – я гуляю по Курфюрстендамм – одной из самых красивых улиц Берлина. Много сувенирных

магазинчиков, лавок, торговые центры, все как положено. И красивый парень рядом. Чужой парень. Коллега.

Я рассказала, что знала об истории со Стрелком, а Костя – о том, что он подрабатывает при российском консульстве в Чехии, а сегодня его срочно перебросили сюда, чтобы помочь частным образом – никто из серьезных людей здесь светиться не хочет. Конфликты никому не нужны.

Наконец, мы решили остановиться, пока Костя покупал нам знаменитые карри-вурст, я заняла нам столик неподалеку. Парень шел с тарелками и над чем-то посмеивался.

– Эти немцы что-то плохо понимают по-английски. Весь мир понимает, а они нет.

– У нас с ними больше общего, чем кажется.

Колбаски оказались изумительными.

– Что будем делать?

– Для начала надо выбрать общую стратегию.

Вот уж эти парни, всегда у них все сводится к витиеватым фразам.

– То есть?

– Надо решить для себя: мы укрываем преступника или спасаем невинного.

– А что это меняет?

– Все. Если мы думаем, что Стрелок виновен, то нужно не допустить, чтобы его поймали и вывезли в нашу страну в ближайшее время. Если считаем, что не виновен, тогда можно и сдать, рассмотреть все обстоятельства дела, побесе-

довать с потерпевшим, искать доказательства невинности.

– А можно считать его невинным, а действовать, как в первом случае? Не очень-то я доверяю местным законам, да и настроениям народа тоже.

– У того парня черепно-мозговая травма, он не приходит в себя.

– Это, конечно, печально, я не спорю, но ты же смотрел видео, там была потасовка, это несчастный случай.

– При условии, что Стрелок не добил немца, когда наклонился над ним. Он может умереть.

У меня аж кусок в горле застрял.

– Этого не может быть.

– Ты уверена?

– Нет, но я так думаю. Стрелок не убийца. И вообще, у Жени кризисная стадия осталась позади. Да, он нарушил обещание не участвовать в стычках и это его не красит. Но добивать лежачего... Нет...

– Тогда к чему сложности, можно все сделать по закону, прийти в полицию...

– Это лишнее, на него всех собак повесят, биографию поднимут... Нет, его закроют, у него только все налаживаться стало.

Карие глаза поглядывают на меня как-то странно. А потом улыбаются.

– Ну, я же юрист, должен был предложить.

– Если бы сверху рассчитывали на официальное решение,

нас бы не вызвали. И вообще, может быть, это все-таки не он, лица-то не видно...

– Не он, значит... Ну, ладно. Думаю, тебе стоит это увидеть.

Костя достал телефон, включил какую-то видеозапись и передал мне. Я сразу узнала обстановку и героев – еще совсем недавно смотрела почти то же самое, только немного с другого ракурса снимали. Вот фанат поднимается, нерешительно подходит и заглядывает прямо в камеру... Человек смотрит странно: испуганно, встревоженно, потерянно? Как бы там ни было, я узнала его. Это был Стрелок.

Мы завершили трапезу и отправились неспешно вперед, даже не задумываясь о направлении движения. Перед нами периодически возникали смешные уличные памятники, много медведей в различных ипостасях, промелькнули львы берлинского зоопарка, но мы как будто ничего не замечали.

– Надо что-то делать, – откровенно говоря, меня смущало Костино спокойствие.

– Сколько до матча?

– Пять часов.

– Нормально.

– Ты это к чему?

– Успеем что-нибудь придумать. Надо найти Женю до матча, после него могут быть беспорядки, там будут готовы, активистов повяжут.

– Откуда ты знаешь?

– Были прецеденты.

– Он не берет трубку, в сети его нет, друзья отвечают, что не видели его с вчерашнего дня. Как мы сможем вдвоем его найти в этом огромном городе, да еще и вывезти домой?

– Ты думаешь, тебе не повезло со мной? Ждала кого-то покруче? – Костя обогнал меня, и, шагая спиной вперед, лицом ко мне соответственно, ждал, что же я отвечу, теребя лямки рюкзака.

Задумалась. Костя... Может быть, ты лучшее, что встречалось на моем пути. Но тебе это знать необязательно.

– Твоя компания меня вполне устраивает. Просто я переживаю за Женю.

– Вношу предложение: давай делать то, что у нас получается лучше всего...

– Я бы с удовольствием, но тут люди кругом, а я воспитанная девушка...

Несмотря на мой смешливый тон, парень поперхнулся и, кажется, покраснел.

– И что же у нас получается лучше всего?

– Заморачиваться и заниматься самокопанием.

Неожиданно.

– Да, сверхспособности у нас, мягко говоря, средние. Мы предлагаешь разрулить эту ситуацию, просто прогуливаясь по сентябрьскому Берлину?

– Почему бы нет. У нас нет статуса, особых полномочий, баснословных денежных средств.

Трудно поспорить.

– Нам нужно действовать по алгоритму. Что есть у любого алгоритма?

– Ты меня спрашиваешь?

– У него есть начало.

– Ну, историю мы в общих чертах знаем. Правда, со слов очевидцев и через третьи руки...

– Да, что мы знаем точно?

– Что у Жени неустойчивая психика, он был на месте событий и теперь куда-то пропал.

– Давай начнем с того, где он может быть.

Я развела руками.

– Давай подумаем. Он в незнакомом городе, в чужой стране, да еще и в шаткой ситуации.

– Ты думаешь, что не так уж и много мест, где он может быть?

– Да.

– Подожди... Ты считаешь, что он не пропадал?

– Вполне возможно, его просто покрывают. И правильно делают. Среди фанатов свои законы. Он вместе с другими ребятами. Это надо проверить. Мне нужна твоя помощь.

– Что я могу сделать?

Мы нашли лавочку, Костя достал ноутбук и стал наводить свои магические постукивания. Каким-то образом он собирался отследить местоположение телефона Жени, мне же поручил проверить сети фанатов, может, есть недавние посты с

указанием локации. В чатах и группах было несколько публикаций, ни на одной Стрелка не было, но места мне определить удалось.

Наконец, Костя повернул ноутбук, мы сравнили положение: мой темноокий ангел оказался прав.

– Мы знаем, что он с другими фанатами, что это нам дает?

– Мы можем найти их, я побеседую с Женей и если он действительно добил того парня, я сама приведу его в участок.

– Может, ему там сейчас и безопасней, чем где бы то ни было: они же выглядят почти одинаково и держатся вместе. Мы же знаем, где они будут.

– На стадионе.

– Именно. Я на всякий случай буду отслеживать траекторию.

– Я тебе говорила, что ты находка?

– Совсем недавно ты хотела променять меня на Джеймса Бонда.

Я изобразила вселенское раскаяние.

– Итак, мы предположительно знаем, куда он направляется. Следующий шаг, мисс?

– Вернее, фрау. Нам нужно попасть на матч и не допустить, чтобы Женя засветился на беспорядках, если они будут. А потом как-то незаметно переправить его домой.

– Прекрасная идея. Я пока куплю нам билеты в гостевой сектор, как нам лучше его переправить.

– Хорошо.

Пока Костя снова предался своей компьютерной магии, я присела рядом и задумалась. Все бесполезно, если его уже опознали и вычислили, тогда у нас практически нет шансов. Его возьмут при проходе на стадион. Если же его не подозревают или же только вышли на след, но бездоказательно, тогда спасти ситуацию можно. Как?

– Костя!

– Да?

– Ты всегда отвечаешь утвердительно, прежде чем услышишь вопрос?

– Только тогда, когда спрашивают уникальные личности вроде тебя, – парень едва уловимо расплылся в улыбке, отчего на щеках промелькнули мои любимые ямочки.

– Как ты думаешь, видео слили в сеть?

– Не думаю, снимали наши, какой им резон светиться.

– Хорошо. В общем, исходя из того, сколько времени у нас остается, выхода два: если Женю арестуют на входе на стадион, то придется придумать новый план. Если мы успеваем, тогда действовать предлагаю так... А, еще третий вариант: если он скажет, что добивал того немца, то мы сами отведем его в полицию.

Костя поднял глаза от монитора.

– Ты действительно сможешь так поступить?

– Надеюсь, что не придется проверять.

На гостевом секторе было довольно свободно. Нижние ряды занимали ярые поклонники команды, выше разместились сочувствующие, их оказалось прилично – человек пятьдесят. Это были люди, в основном мужчины, оказавшиеся за границей и скучающие, зачастую бессознательно, о своей родине настолько, что готовы были поздним вечером в рабочий день прийти на матч не самой известной российской команды, к тому же впервые за долгое время выступающей в Еврокубках.

Подобралась разношерстная компания, мелькали флаги России и клуба, в целом обстановка была праздничной: в воздухе витал запах пива и раздавался будто раскаты грома голос диктора по стадиону. Среди болельщиков гостей выделялась одна пара: девушка в платье в цветочек и кожаной куртке сидела рядом с парнем в очках, шляпе и щегольском свободном плаще. Весь первый тайм девушка поглядывала по сторонам, иногда что-то шептала своему соседу. Тот, в свою очередь, казался совершенно равнодушным к происходящему на поле, зато весьма увлеченным своим компьютером, от которого почти не отрывался. Потом он спрятал ноутбук в рюкзак, склонился к девушке, пару минут они что-то обсуждали.

В перерыве парень встал, ушел минут на десять, вернулся немного взъерошенный, застегивающийся на ходу, с двумя бокалами пенного, к которым ни он, ни его спутница так и не притронулись. Теперь болельщик устремил свое внимание

на ход матча, несколько раз даже всплеснул руками. Очевидно, он оказался не совсем удовлетворен боевой ничьей в гостях.

Пара не стала дожидаться вместе с преданными фанатами выхода игроков к трибунам, отчего им удалось спокойно покинуть стадион. При этом они направились не прямым путем в город, а окольными путями на платную парковку. Там парень сел в автобус с клубной символикой, девушка убедилась, что он сел, помахала ему в окне и зашагала в сторону остановки с рюкзаком наперевес.

Выдохнуть я смогла только, закрыв за собой дверь обители Березина. Черт, ну и тяжелый же рюкзак у Кости, как он его таскает, ума не приложу! Интересно, сработает ли наш план? Время покажет. Через три-четыре часа узнаем. Уже совсем поздно для меня. Бесконечный день. Полежу немного, пока Костя не пришел. Надела свою любимую пижаму в виде медвежонка, стянула плед с кровати, спустилась вниз и удобно устроилась на диване. Не засыпается, мысли так и носятся в голове. Это отходняк. Кажется, знобит. Если Косте не удастся сегодня прийти, оставлю его вещи внизу, завтра самолет.

Мой ангел-хранитель... Почему у нас с ним не заладилось? Чего мне в нем не хватает? Чего не достает ему? Интересно, так бывает, что у тебя есть ангел-хранитель, а ты предназначен в помощь кому-то третьему? Или в защиту.

Или в награду... Кажется, небеса сами не всегда могут разобраться в треугольниках судьбы, чего уж тогда взять с простых смертных.

Странный скрежет... Это открывают дверь. Ключом. Или отмычкой? Содействие подозреваемому – это что, тоже статья? Спрячусь под пледом. Зажигается свет...

– Так, мне что не рады?

Ох, уж эта самодовольная улыбка, видимо, домашняя заготовка.

– Я, конечно, хотел сделать себе сюрприз, но не думал, что он произведет такое сногшибательное впечатление.

Услышав голос Березина, я потихоньку выбираюсь из-под пледа.

– Я тут... отдыхаю, – как можно более спокойно попыталась ответить я.

– Оно и видно, – футболист бросил спортивную сумку и начал движение в мою сторону.

Он был как обычно... притягательный. Ухоженный, лощеный, будто сошедший с обложки глянцевого журнала. Таких вешают в постерах над кроватями, он бы с успехом мог сниматься в какой-нибудь подростковой драме. Или в каком-нибудь фантастическом сериале. Его персонажа не смогли бы убить – фанатки со всего мира грудью бы встали на защиту кумира. Что-то я разошлась.

– Подвинься.

Я убрала ноги, хотя, замечу, в квартире были и значительно более удобные места, куда можно было бы приземлиться, не заставляя меня менять комфортной позы.

Дмитрий самоуверенно плюхнулся на диван.

– Ты, кажется, должен быть в отъезде...

– Да, я как бы в отъезде и есть, завтра с утра должен быть на месте.

– Так ты проехал столько, чтобы побыть здесь несколько часов и вернуться?

– Ну, да.

– Неужели причиной этому моя скромная персона?

– Причиной этому моя скромная персона, а не твоя.

В этом весь Березин!

– У нас же пропала консультация, я тут и подумал, что можно один раз провести очную встречу.

Только этого мне не хватало! Я тут сижу, трясусь, чтобы меня полиция не схватила, а он о своих проблемах!

– Я так понимаю, у меня нет выбора. Когда в прошлый раз в твоём доме я сразу же не ответила согласием, ты меня потом выгнал.

Темно-синие глаза вспыхнули. Сейчас меня засыплет пеплом. Еще мгновение, и скажет что-нибудь резкое. И выставит меня за дверь.

– ... Красивая пижама, – сказа он, выждав паузу. – И вообще, рад видеть тебя ... целиком.

Как это он сдержался?

– А мне приятно видеть, что у тебя счастливый вид.

– Прямо-таки счастливый?

– Ну, более-менее.

– Чай, кофе?

– Чай, если можно.

Дмитрий отправился на кухню. Ее подсветка создавала особую атмосферу, будто зачарованная, я выключила остальной свет и забралась на барный стул.

– Прости за грубость.

– Один мудрый человек мне сказал, что люди не всегда говорят грубости или делают глупости, потому что они плохие, иногда им просто бывает тяжело. Или больно.

– Кто же этот мудрый человек?

– Мой психолог.

– Что же еще хорошего он говорит?

– Что если хочется сказать одновременно и приятное, и что-то резкое, то надо сначала сказать приятное, подождать реакции, а уже потом, если желание не пропало, высказать все остальное.

– Надо записаться к нему на прием.

Березин говорил все это, стоя ко мне спиной, заглядывая в шкафчики, холодильник.

– И как у тебя с желанием высказать, что накипело?

– Оно поубавилось, когда я увидел твою пижаму во весь рост.

– Правда, забавная? Там даже хвостик есть.

Дмитрий поставил передо мной тарелку с пирожными. Он с трудом мог скрыть улыбку. Вскоре на столе появились бутерброды и чай.

– Эти пирожные делают неподалеку отсюда, их готовят только здесь, – пояснял Березин, разливая чай. – Чай зеленый, надеюсь, ты пьешь.

– Да, пью. Ты же составишь мне компанию?

Пока напиток остывал, выбрала себе самый красивый бутерброд.

– Как твое дело, удалось разобраться?

– Я могу, конечно, нагрузить тебя своими заботами, но оно тебе надо? Тебе завтра возвращаться в команду, будет непростой день... Кстати, очень вкусно.

– Спасибо, что напомнила про завтра. Просто мой психолог говорит, что нужно проявить интерес к личности другого человека, если хочешь завязать диалог.

– Еще немного и я возненавижу этого психолога! Если это из-за приличий, то я переживу отсутствие твоего интереса.

– А если мне и правда интересно?

– Твоему психологу стоило бы пояснить тебе о побочных эффектах. Задавая подобные вопросы, надо быть готовым, что тебе ответят, придется слушать. Если я тебе расскажу, то ты будешь соучастником, ты думаешь, почему я под одеялом спряталась? Думала, это полиция.

– Не, ну, замаскировалась ты, конечно, профессионально – он кивнул на мою пижаму-медвежонка. – Заинтриговала,

рассказывай.

– Если вкратце, в потасовке между нашими фанатами и немцами пострадал один из них, весьма серьезно. В этой заварушке участвовал один из работников нашего клуба. Чтобы его не втянули в этот конфликт, а еще хуже, чего доброго, не посадили, мне нужно было его найти и безопасно вернуть на родину.

– И как же вы его нашли?

– Мне дали помощника. Мы проанализировали ситуацию, узнали, что фанат будет на стадионе, пришли туда, во время перерыва мой напарник и тот, кого спасали, поменялись одеждой и местами. Фаната я вывела и посадила в клубный автобус, там ему должны были помочь с оформлением билета на самолет, так быстрее всего выбраться. А мой напарник инструктировал лидеров фанатского движения о правилах поведения в случае провокации или задержания.

Если все пройдет хорошо, то Женя будет скоро в самолете. Если нет – то помочь ему будет трудно.

– Что он такого сделал?

– Его обвиняют в нанесении тяжких телесных повреждений, пострадавший в больнице.

– Он действительно это сделал?

Что-то Жени давно нет, Костя, кажется, давно ушел. Ох, только пять минут прошло! Наконец-то! Показался плащ. Женя, вот он, осунувшийся, но на свободе и живой! Кладу

ему свою руку на его. Горячая. Как же нелепо он смотрится в этой шляпе и очках!

– Я обещала себе, что если ты действительно добил того парня, то я сдам тебя полиции.

– Так почему, короче, ты здесь?

– Чтобы спросить тебя.

– Ты же знаешь ответ.

– Да. И поэтому ты поедешь.

– В полицию?

– Нет, домой.

– Он его не добивал. Там или несчастный случай или что-то еще, разберемся по приезду.

– Ты так в нем уверена?

– Да.

– Странно... Ты ради него такой путь проделала... Ради меня никто ничего подобного не делал...

В приглушенном свете синева глаз приобретала антрацитовый блеск.

– Чтобы помочь тебе, я пошла наперекор единственному парню, который когда-либо признавался мне в любви, и в результате его потеряла, рисковала работой, карьерой и душевным спокойствием. Достаточно?

– Парень приревновал тебя ко мне, потому что я известный, богатый и талантливый футболист?

– Нет, потому что ты бабник, – рассмеялась я.

– Что может быть плохого, если девушки тянутся ко мне, а я к ним? По-моему, это нормально. Хуже было бы если бы ко мне тянулись парни. Я, конечно, человек цивилизованный, но тут чего только не насмотришься, – улыбнулся нападающий.

– Все было бы ничего, если бы он не был такой замечательный.

Березин опустил голову, будто что-то разглядывает.

– Лучше, чем я?

– Странный вопрос. Как я могу вас сравнивать? Ты мой клиент, а он – бывший парень и друг. С тобой у нас денежные отношения, а с ним – личные.

Березин резко встал, уперся руками в столешницу так, что я могла видеть только его спину. А чего он злится? Сам же предложил выстроить наши отношения исключительно на денежной основе.

– Я перечислю тебе оплату за сегодняшнюю встречу.

– Даже не думай, это не консультация, а просто беседа, тем более говорила в основном только я.

– А я думал, со мной можно разговаривать только за деньги, – съязвил он.

Кажется, на самом деле Березину хуже, чем он хочет показать. Странное дело, когда Дмитрию плохо, то мы становимся ближе, как только ему становится лучше, между нами снова разверзается бездна. А ведь когда-нибудь мы во всем разберемся, и надо будет его отпустить... Какой же он забав-

ный, когда злится!

– Можно мне еще чаю. Пожалуйста.

Березин выждал паузу, потом молча включил чайник, подождал, пока тот напряженно заурчит, и все так же безмолвно забрал мою кружку.

– А у тебя как дела?

– Это же не консультация. Спрашиваешь из вежливости?

– Мне действительно интересно, – Дмитрий передал мне кружку. – Спасибо.

Березина что-то внутри не отпускало, он никак не мог расслабиться. Надо ему помочь.

– Непривычно видеть тебя вот так, лицом к лицу, что можно протянуть руку и дотронуться до тебя.

– А хочется?

– Что именно?

– Дотронуться.

– Да. Чтобы убедиться, что это не галлюцинация. А то, может быть, ты мне только представляешься. Хорошая такая, качественная подделка.

– А что, может быть, я и есть качественная подделка.

Бойтесь полумрака. Порой он обнажает больше, чем бьющие в глаза софиты.

– Я не решаюсь сделать то, что хочется.

– Почему?

– Это неудобно, странно, и вообще я стесняюсь...

– Ты меня вконец заинтриговала! Давай уже, делай, что

хочешь!

– Можно?

– Да!

Я, не сдерживая улыбки, встала, обогнула барную стойку, подошла к Березину со спины и коснулась пальцами его затылка, опустилась ниже, к плечам, немного помассировала их, чтобы он расслабился, а потом обняла его, прижавшись к щеке. Кажется, парень вздрогнул.

– Я предупредила, что это странный порыв.

– Что это значит?

– Это значит, что я рада тебя видеть. Так что там у тебя?

– Да так, играть хочется. Завтра приступаю к тренировкам по индивидуальной программе. Наверно, я забыл, как это, – доказывать, что ты на что-то способен.

– Ты боишься, что не сможешь набрать форму?

– И это тоже.

– А еще чего?

– Я боюсь того, что все напрасно.

– В смысле, все?

– Футбол, эти постоянные попытки... Может, давно стоило сдать и пойти другой дорогой.

– Так. Видимо, тебя все-таки подменили. Березин, которого я знала, никогда бы так не сказал, футбол – это то, чем он жил.

– Вот именно, Березин, которого ты знала.

– Ты хочешь сказать, что я тебя совсем не знаю?

Очевидно, даже очень талантливым людям порой нужно напоминать об их талантах.

– Конечно, Пушкин тоже мог бы сказать, что писать – это слишком душевнозатратно, или Бьерндален, например, мог уйти из биатлона... Думаешь, тебя одного посещают такие мысли? Периодически они посещают всех. Эти моменты нужно просто пережить. Завтра утром все не будет казаться таким мрачным. Играй, пока можешь, получай удовольствие, а когда перестанешь – уйдешь, вот и все!

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста. Почему не рассказывал на консультациях?

– Это неудобно, странно, – вот хитрец, пародирует меня, – и вообще, я стесняюсь...

Мы переглянулись и обменялись улыбками.

Не знаю, бывает ли у вас такое чувство, что вы в разговоре приоткрыли друг другу душу? Потом дверца может захлопнуться, но это не страшно. С этого момента вам будет нетрудно молчать рядом с этим человеком, как будто вам открыто то, что никто другой больше не знает...

– У меня к тебе странная просьба.

– Давай.

– Можно я тебя сфотографирую?

– Я сейчас не совсем нарядная...

– Мне нравится.

– Раз нравится, тогда фотографируй. Только можно я на

этот раз улыбнусь?

Все-таки мужчины странные существа: всю жизнь гоняются за красотками в шикарных платьях и на каблуках за предельной высоты, а потом просят разрешения сфотографировать тебя в пижаме-медвежонке.

– Насчет твоего парня... Моя бабушка любила говорить, что свою судьбу не объедешь. Если это действительно судьба, то она даст еще шанс.

– Твоя бабушка была мудрой женщиной... Ох, кажется, я заговорила совсем! Спасибо, что отвлек меня от этих мыслей про полицию и прочее... Надо проверить телефон.

– Что там?

– Мой коллега отписался, что сел в самолет, теперь все должно быть хорошо! Надо еще посмотреть, как там после матча, обошлось ли без столкновений.

Березин подошел ко мне и следил за тем, как я листаю ленту.

– Без столкновений все-таки не обошлось. Небольшая стачка между фанатами, нескольких забрали, но вроде бы без пострадавших. Там был Костя...

– Какой еще Костя?

– Мой бывший парень, я именно про него говорила. Представляешь, он оказался моим помощником в этом деле!

– Удивительное совпадение, что тебе дали в напарники именно его.

– Может быть, это судьба?

– Или дело было важнее, чем ты думала, его направили, потому что знали о вашем знакомстве.

– Это вряд ли, – засомневалась я. В судьбу хотелось верить значительно больше, чем в то, что Костя каким-то образом связан с властями.

Пока я мыла чашку, Березин поглядывал на меня со стороны.

– Что?

– Можно мне тоже?

– Что именно?

– Ты такая... мимимишная в этой пижаме...

– И?

– Можно я...

– Да.

Березин обнял меня и притянул к себе так, что будь я не такой крепкой, то точно сломалась бы, уткнулся носом в мой капюшон и замер. Он хотел что-то сказать, но потом просто вздохнул.

Чашку я уже домыла, а он, по-видимому, даже и не думал меня отпустить. Тут в дверь позвонили.

Я с тревогой посмотрела на Диму, он пошел открывать. Секунды растянулись на минуты. Наконец, я услышала голос Березина.

– Это к тебе.

В дверях стоял Костя с букетом ромашек.

Я бросилась к нему, на ходу спрашивая о том, как все

прошло. Парень отделался общими словами, попросил рюкзак, вручил мне цветы, кивнул Березину и поспешил уйти.

Я устремилась за ним, как была, нагнала его у лестницы, благодарила. А он смотрел на меня убийственным взглядом, в котором читалось: «Кто угодно, только не он»...

Так я потеряла Костю во второй раз. Быть может, в последний.

Последняя тайна профессора

Вернувшись домой, Маша проспала практически до вечера. В целом, поездка удалась, вот только Костя... Хотя чего переживать, в мыслях она с ним попрощалась один раз, сможет и второй. Наверно.

Приятно было проснуться от аромата корицы – Поля испекла для подруги шарлотку. Девушки обменялись впечатлениями.

– Ты расскажешь мне когда-нибудь, что произошло у вас с Гошей?

– Это больно.

– Не говори, если не хочешь.

– Надо кому-то рассказать, так будет легче. Было всякое по мелочам, но это без разницы, можно было пережить... Ты же знаешь, что папа тяжело болел. Я никогда не забуду, как ты мне помогала на похоронах.

Так вот, последние дни были очень тяжелыми. Мне очень, прямо позарез надо было, чтобы кто-то был рядом, мы с мамой уже не справлялись... А он работал. Я его жалела, не настаивала приехать. Последняя ночь была особенно страшной. Мы лежали с мамой на кушетке в коридоре. Какая-то медсестра укрыла нас одеялом. Парень из соседней палаты (почему-то ему не спалось), притащил нам свою подушку. Мы уже не могли находиться внутри. Там все дышало... ты

знаешь чем. Это было жутко, жутко страшно! Мы из коридора слушали его дыхание и вот ... звуки прекратились. Мы будто оцепенели, кинулись за врачом, так и не заходя в палату. Мы прижались друг к другу и не отпускали. Мы были такими незащитными, такими раздавленными...

Парень из соседней палаты, тот самый, предложил свою помощь. Он притащил откуда-то пакеты, помог переложить его, потом – собрать вещи. Он сел рядом со мной и говорил о чем-то, сама не знаю о чем. О том, что все мы не вечны, о прочих условностях, которые принято говорить в подобных случаях. Рассказал о проблемах с поджелудочной, причины которых не как не могут установить. Это плохой знак, подумала я тогда. Парень проводил нас до такси, усадил нас, хотя сам периодически вздрагивал от болей. В тот момент я поняла, что хотела бы рядом иметь такого человека.

– И что было дальше с этим парнем?

– Не знаю, я его больше не видела...

– Поля... – Маша бросилась в объятия подруги.

– Я знаю, – отозвалась брюнетка.

– Ну, как там разрешилось с синими китами? Очень хотелось вам помочь, но видишь, как получилось.

– Поймали этого маньяка, – Саша говорила с таким упоением, словно собственноручно прихлопнула надоедливую муху. – Колька молодец, замечательно сыграл! Страшно подумать, что один психопат чуть не довел до самоубийства

несколько человек, пара из них до сих пор в больнице, откачивают.

– Это было смелым решением, обратиться в полицию.

– Ну, а что, от ребят мы его отвадили, так другие дети найдутся. Все-таки Фрейд был чертовски прав – человек по своей натуре безумен: и потому, что разрушает других, и потому, что постоянно попадает на эти уловки.

– Как Аня?

– Ты же знаешь, она мне сразу не понравилась: слишком четкая какая-то. Такая четкая, что кажется мутной. Да и история вся эта с ее переводом... Я только сейчас поняла, какая это была пощёчина. Ты только представь, какая это ситуация неуспеха: еще недавно ты была на коне, престижная должность в футбольном клубе прямо со студенческой скамьи, первые успехи, поездка со звездой команды в Париж... И тут ссылка на бумажную работу без права взаимодействовать с клиентами. Это же такое унижение, как она его перенесла, я бы из гордости уволилась!

– А еще недавно ты о ней так нелестно отзывалась, – улыбнулась Маша.

– Это все издержки профессии, о которых ты говорила. Еще пару месяцев назад я бы даже внимания не обратила, а теперь не могу пройти мимо. Чувствую, что ей плохо, что после всей этой истории она то ли в людях разочаровалась, то ли в себе...

– Что же тебя заставило изменить свое мнение?

– Мы с ней, пока разбирались с этим всем, тесно общались. Ты знаешь мою прямооту и подозрительность. Меня не просто обмануть. Она принципиальная, честная, способная. Если ваш достопочтенный профессор был так умен и пронизателен, как вы говорите, то почему он этого не разглядел? Почему вынудил перевести ее на унизительную должность, убедил в том, что она ни на что не годится?

– Я понимаю тебя и тоже чувствую, что какой-то комплекс после всей той истории остался... Но она не обращалась за помощью. Мы не можем помогать, пока нас не попросили. Так не положено. Нужно дожидаться запроса...

– Не ожидала от тебя это услышать. Мы помогаем всяким зазвездившимся маменькиным сынкам, тоскующим тридцатилетним юнцам и не можем помочь нашей коллеге, достойному человеку?

Дугообразные девичьи брови приняли возмущенное положение.

– Единственное, что мы можем сделать, это поговорить с ней, может быть, наши догадки не верны и она переносила свое положение легче, чем мы думаем. Может быть, она попросит о помощи...

– Так поговори с ней по душам!

– А ты не хотела бы попрактиковаться?

– Нет уж, разговоры по душам – это не мое, сказать что-нибудь прямо, «просветить», так сказать, это запросто, а чтобы делать внимательный вид, выслушивать, задавать уточня-

ющие вопросы... Это все не мое.

Маша поняла, что переубедить коллегу займет больше времени, чем побеседовать самой с Аней. К тому же, ей надо было еще разобраться с братьями (один из них играл хорошо, другого вернули из аренды, но у него периодически чувствовалась неуверенность на поле), Андреем (тот наоборот, качал права по поводу и без) и Философом (тот впал в осеннюю хандру помноженную на кризис смысла жизни).

Но девушка понимала: если предположения ее помощницы верны, то работа для Ани – пытка, каждый день – это борьба с собой, с ощущением собственной безнадежности и необходимостью постоянно соприкасаться с людьми.

Маша нашла ассистентку в комнате релаксации, ее кабинете, девушка работала за компьютером. Надо было как-то завести разговор...

– Скажи, у тебя сейчас много дел?

– Пишу отчет по последней диагностике, через пятнадцать минут буду свободна.

– Я бы хотела с тобой поговорить...

– Слушаю.

– У меня сразу несколько клиентов, ты бы могла заняться Философом? У него осенняя хандра, все преодолеваемо, но нужно несколько встреч, чтобы он выговорился.

– Маша, ты же знаешь, что я не очень-то хорошо работаю с клиентами...

– С чего ты это взяла? Из-за профессора? Пусть он и све-

тило науки, но все же ошибаются!

– Я доверяла его мнению. А он решил меня уволить. Видимо, для этого была причина.

– Расскажи мне подробно, что тогда произошло, мы вместе постараемся разобраться.

– Я не могу об этом говорить.

Аня вся вжалась в кресло, ее будто зазнобило, хотя дни стояли еще теплые. Осень выдалась бесподобной.

– Если я правильно поняла, тебя интересует ответ на вопрос, почему профессор так поступил: было ли дело в твоих профессиональных способностях или в чем-то еще. Правильно?

– Да.

– Тогда давай так, ты позанимаешься пока с Философом, а я постараюсь ответить на этот вопрос.

– Ты же знаешь профессора не хуже меня. Ты действительно возьмешься за это дело?

– Да, возьмусь. Ты очень ценный сотрудник.

– Значит, разговора по душам не получилось?

– Это травмирующее событие, Аня не хочет о нем говорить.

Девушки проводили совещание в своем кабинете.

– Что будем делать? – ждала указаний Саша.

– Надо как можно точнее установить обстоятельства произошедшего, хронику событий, выявить причины, которыми

руководствовался профессор.

– Ты с ним работала бок-о-бок, наверняка знаешь его логику.

– А вот и нет. Его логика порой весьма непредсказуема. Давай подумаем, что мы знаем?

– Аня училась в университете, где преподавал Николай Степанович. Он заметил ее способности, пригласил на должность ассистентки. Первое время она бумажки перекладывала, потом он стал давать ей поручения, все получалось, поэтому, уезжая, он доверил ей самостоятельно работать. Во время его отсутствия из клуба ушел один футболист, которого руководство хотело удержать, Аня махнула за границу с Березиным, они вернулись с опозданием и тот пропустил тренировку. Потом Аню снимают с должности и по тайному согласованию с профессором устраивают ассистенткой к другому психологу без права работать с клиентами. Вроде все изложила? Все-таки жаль, что не удалось поговорить с Аней, методом ассоциаций можно было бы нащупать какую-нибудь зацепку...

– Ты бы еще толкование сновидений предложила, – не удержалась от ремарки Маша. – Есть еще один факт: Аня не хочет говорить об этой ситуации, это тоже показательно. Человеку свойственно жаловаться, обвинять других, а она молчит.

– Такой человек.

– Или что-то другое. В этом надо будет разобраться.

– У тебя есть какие-то версии?

– Да, что-то вырисовывается. Версия первая: профессора не устроили личные отношения на работе и нарушения дисциплины (он, мягко говоря, их не приветствовал). Хотя Аня утверждает, что их не было, но психологу она могла об этом из-за гордости и не упомянуть. Тогда ее профессионализм затронут, но по касательной, только в этическом аспекте.

– Тогда вторая версия, – рассуждала Саша, – число профессиональная: Аня упустила ключевого игрока, не разобралась в ситуации.

– Да, пока это две рабочие версии. Но надо поднять документы. Не хочется об этом говорить, но вдруг у Ани были косяки, о которых она не распространяется. Это маловероятно, но все же.

– Или косяки были у профессора, и он отстранил Аню, зная, что она про него ничего плохого не скажет.

– Пока никакие версии отметить не будем. Надо поскорее с этим разобраться, а то еще много других дел.

– Чем я могу помочь?

– Поищи информацию на профессора, на Аню – в документации, в сети, какие дела вели, что получалось, какие промахи. Одним словом, все, что найдешь, а я побеседую с очевидцами.

Маша знала, к кому следует идти первому, чтобы узнать проверенную информацию. Егора она нашла выходящим с

«разбора полетов» и сразу же увлекла за собой в архивную.

– Я тоже соскучился, но не так же быстро, – подтрунивал он.

Девушка привычно колюче улыбнулась, что так любил голкипер. Эта улыбка предназначалась именно ему. В большинстве случаев.

– Хочешь обсудить игру? Я уже понял, что мы играли недостаточно раскрепощенно, ну, так это был, по сути, наш первый матч на турнирах такого уровня, все будет, я так тренеру и сказал.

Выслушав мысль до конца, боясь продолжения и понимая ограниченность во времени, Маша схватила Егора за руку и усадила рядом с собой на диван.

– Поздравляю тебя с началом еврокубкового пути! Но я отвлекла тебя не из-за этого. Мне нужна твоя помощь.

– Интересно. Я само внимание.

– Ты помнишь Иванова?

– Какого Иванова? Это не самая редкая фамилия.

– Он играл в клубе, перешел года три назад.

– Знаешь, сколько у нас человек за эти годы сменилось?

Дай минуту...

– Подожди, я тебе помогу, найду его фото в интернете...

Вот, посмотри.

– А, Серж, теперь вспоминаю.

– Не помнишь случайно, из-за чего он ушел?

– Из-за чего люди уходят: или из-за денег, или из-за игро-

вой практики, или из-за престижа.

– А он из-за чего?

– Из-за игровой практики. Он кстати, был моим дублером, мы с ним чередовались какое-то время, а потом выбрали меня. Я был молодой совсем, сейчас понимаю, что ему было не очень приятно. Никитосу сейчас тоже непросто, быть вторым номером... Я знаю, что это такое.

– А как отреагировал тренер? Он был заинтересован в Иванове?

– Ты же знаешь Дубинина, по нему не поймешь: он сказал что-то типа «Пусть катится!», на этом разговор завершился.

– А как игрок Иванов был нормальным?

– Ну да, он вполне себе ничего игрок, до сих пор играет, правда не в топовом клубе, но у него тоже капитанская повязка. Еще будут вопросы?

– Да, приблизительно в тоже время Березин уехал с ассистенткой психолога и пропустил тренировку. Сильный скандал получился?

– Димон в то время неплохо куролесил. Да мы все не без греха, всякое бывало, обычно просто старались не выносить сор из избы. У него и до этого случаи были. Тренер с ним поговорил по-мужски, потом эти развлечения прекратились. Скандала особого не было, но без разборок не обошлось, по моему, девушке тогда досталось больше, чем ему. Помню, что меня удивляло. Как ему все сходит с рук, он пропустил тренировку и ему ничего, а девушка была выходная, ей сде-

дали строгий выговор.

– Да, действительно, странно...

– А тебя так и не отпускают проказы Березина?

– Дело не в нем, это другая история.

– Понятно: тайны, скандалы, расследования.

– Именно. Спасибо тебе, – «какие же ясные у него глаза, да и сам весь он светлый. И дело вовсе не в волосах».

– Ты знаешь, что можешь на меня рассчитывать.

– Я тут нашла рекомендательное письмо-представление на имя Ани, его приложил профессор к заявлению на трудоустройство, копия сохранилась в архиве. Там он отзывается о ней очень лестно. Прямо, богиня какая-то, а не претендентка с неполным высшим.

– Это еще больше запутывает ситуацию, – Маша массирует виски, чтобы сосредоточиться. – Профессор был не из тех, кто быстро очаровывается людьми, он относится к людям скрупулёзно. Были ли у него ассистентки до Ани?

– Нет.

– А после?

– Двое мужчин, но они не задержались долго, потом ты.

– Итак, Анин профессионализм сначала покорила профессора, а потом погубил ее?

– Даже не знаю, – отозвалась Саша. – Ты права, это дело сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. Аня молчит. Может, спросить профессора?

– Это невозможно. Я бы и в прежние времена не решилась задавать ему подобные вопросы, а теперь, когда он тяжело болен, это совершенно неуместно. Да он и не стал бы такое со мной обсуждать. Он всегда был за субординацию.

– Может быть, профессор думал, что Аня метит на его место и поэтому ее мягко устранил?

– Не думаю, хотя может быть всякое...

– Что же будем делать?

– Все-таки придется попросить тебя включиться и разыскать Иванова, побеседовать с ним, как он переживал уход, какую роль играла Аня... А я встречу с тренером. Может, он прояснит ситуацию, насколько важен ему был этот игрок.

На том и порешили. Маша созвонилась с Валерием Михайловичем и после обмена новостями аккуратно осведомилась об Иванове. Дубинин рассказал, что недавно снова трудоустроился, что неудивительно, ведь в российском чемпионате хорошие тренеры нарасхват, поэтому ожидаемо кочуют из одного клуба в другой. Затем он припомнил Иванова, сказал, что игрок был крепкий, но не такой яркий, из-за ухода которого можно было бы на себе волосы рвать.

– Я за него даже рад, вот он, до сих пор играет, в клубе его ценят и уважают, а остался бы у нас, так и пропал бы. Все-таки Беговой на голову выше. И в переносном смысле тоже.

Саша связалась с Сергеем Ивановым через социальные сети под предлогом уточнения некоторых данных. Сначала

Сергей удивился вниманию к своей персоне, а потом ему стало даже приятно, что о нем помнят, он разоткровенничался, по его словам, ассистентка психолога произвела на него приятное впечатление, она не давила на клиента, а старалась помочь ему осознать, чего он хочет на самом деле. Сергей и так знал, что хочет играть, слова девушки только подтвердили его мнение. Отпустили его спокойно, ни повышения зарплаты, ни карьерных перспектив, ни иных благ ему сулить не стали, на том и разошлись.

Это запутало ситуацию окончательно. Получается, Иванов был хорошим игроком, но не таким уж ценным, чтобы устраивать из-за него разборки. Если даже тренер не особо переживал, с чего тогда волноваться психологу? Не слишком стабильная версия. Надо еще подумать, побеседовать с Березиным... Но это уже дома.

Дмитрий по тону Маши сразу понял, к чему дело идет.

– У тебя новое разбирательство?

– Ага. Только не думай, что поднимать эту тему мне так уж сильно хотелось бы, но выбора нет. Можешь припомнить вашу поездку с Аней?

– Да, могу.

– Прости за такой личный вопрос, но это действительно важно. Было ли у вас что-нибудь с ней?

Березин усмехнулся.

– Действительно, вопрос личный и не самый приятный для меня.

– Почему?

– Да не было у нас ничего, но говорить об этом как-то не хочется.

Мужское достоинство Березина было ущемлено: ассистентка психолога не только не прониклась глубочайшей симпатией к футболисту, но и думала все время о чем-то своем, постоянно читала.

– Вообще не понимаю, зачем она согласилась на эту поездку?! Ясно же, если тебя приглашает такой парень, как я, да еще и в Париж, то он на что-то рассчитывает, – недвусмысленно ухмыльнулся форвард.

– Определенно, – не без иронии откликнулась Маша. – Можешь поподробней описать, как ты ее пригласил?

– У нас то ли психологическое просвещение было, то ли консультация. Мы разговорились. Я ей сказал, что хочется махнуть куда-нибудь денечка так на два, привести мысли в порядок. Она сказала, что ей это тоже было бы неплохо. Ну, тут я и предложил. Она кивнула.

– А когда вернулись, что случилось?

– Вот взяла бы и спросила меня о каком-нибудь более приятном эпизоде!

– Пожалуйста!

– Ладно. Рейс задержали из-за погодных условий, я пропустил тренировку перед каким-то важным матчем, досталось обоим, ей, почему-то особенно. С другой стороны, это понятно, она же не была звездой команды. Знаешь, сейчас я

это понимаю: у нас в команде тоже есть своя звезда, которая порой позволяет себе лишнее, это раздражает. Но тогда я не заморачивался особо.

– А как профессор отреагировал?

– Я особо не приглядывался, но, по-моему, он был какой-то мрачный. Может быть, это, конечно, из-за нас с Аней, но вряд ли, может свое что-то. А твоя ассистентка... Пусть это меня и не красит, но я не особо переживал о том, что с ней станет, она же меня продинамила тогда.

Березин не был идеальным, но был так обаятелен в своей простоте и прямоте.

– Как твоя индивидуальная программа?

– Дает первые результаты, если так пойдет, вернусь в октябре в общую группу.

– Будет здорово.

– Да уж, но до этого еще пахать и пахать...

Маша рассуждала об услышанном. Может, профессор просто был не в духе, а тут под руку попала она, и было, что ей приписать. Но если посмотреть иначе, то с Березиным подобные истории случались и раньше, большого шока это вряд ли вызвало бы... Мы что-то упускаем... Девушка решила, что физический труд поможет голове проясниться, к тому же она хотела порадовать подругу, поэтому, не жалея зайцев, нарезала обои. Тут ей позвонили.

– Ты просто не представляешь какая новость! Или ты уже

прочитала?

Такое восхищение и такой душевный подъем могли быть только у Егора.

– Что молчишь? Или ты уже прочитала?

– Нет, я не слышала этой сногшибательной новости. Что такое?

– Конечно, ты не слышала, мне самому только позвонили, все узнают завтра! Где ты сейчас? Я должен сказать это тебе лично!

«Что же случилось? Он так радуется, словно сорвал джекпот».

– Я к тебе выезжаю. Напомни, какая у тебя квартира?

Остановить его все равно было уже невозможно. Это то же самое, что пытаться удержать реку в берегах во время половодья.

Не прошло и часа, как в дверь позвонили. Девушка пошла открывать. Про себя она уже смирилась с тем, что приходится постоянно принимать гостей в неподобающем виде. Сейчас она вообще была в косынке, спортивных штанах и старой рубашке, с тряпкой в руках.

Егор, кажется, даже внимания не обратил на ее, мягко говоря, скромный вид. Он прямо у двери кинул пакеты, с которыми пришел, подхватил Машу и закружил ее по квартире. Особо развернуться ему было негде, потому что мебель была отодвинута, но он все равно умудрялся, пока девушка окончательно не запротестовала.

– Да что с тобой такое?

– Меня вызвали в сборную!!!

– Как? Правда! Ого!!!

Теперь уже девушка сама бросилась в объятия новоиспеченного сборника.

– Это круто! Я за тебя очень-очень рада, словами не передашь! Ты же об этом так мечтал!

– Да, все верно!

– Я уже представляю, как ты будешь петь гимн, выходя на поле. Слова-то выучил?

– Я их знаю. Только на поле вряд ли удастся быстро выйти. В сборной есть основной вратарь, мне придется ждать своего шанса. Помнишь, я рассказывал про Иванова? Так вот, я буду в похожей ситуации, но все равно это просто невероятно! Отметим? Я тут кое-что прикупил...

– Отметим, отнеси на кухню. Я тут сюрприз для Поли делаю, ей нужно привнести в жизнь что-то новое...

– И ты решила переклеить обои?

– В общем и целом, да.

– Гениальное решение!

– Я слышу нотки сарказма.

– Нет, ну что ты, план действительно гениальный! – крикнул он с кухни. – А я-то думал, что у вас слон ненароком потоптался или ураган прошел...

– Очень смешно. Тебе придется подождать, пока я закончу.

– Это долго?

– Прилично, хоть за шкафом клеить не буду, то окно, то балкон, то дверной проем, но на стены все равно уйдет несколько часов.

– Может, стоило нанять кого-то?

– Вот еще, буду я кого-то нанимать для поклейки стен в съемной квартире! И так сойдет, тем более обои широкие и сразу на стену клеятся. Хотя, можешь не ждать и рассказать эту новость кому-нибудь еще, – подколола Егора Маша.

– Так не пойдет, я с тобой хотел, ты столько для меня сделала... Давай я сделаю тебе подарок и вызову бригаду, они за час справятся.

– Вот что, бригадир, нечего командовать в моей квартире!

– Строго говоря, она не твоя, – уточнил голкипер, за что получил в бок. – Ну, ладно, ладно. Давай я тогда тебе помогу.

Маша осмотрел парня с ног до головы. Джинсы – это пол беды, но вот пиджак и рубашка...

– Ты уверен?

– Так точно! – отсалютовал Егор.

– Тогда снимай пиджак, я отнесу его на кухню. Теперь дай мне руку, – девушка закатала один рукав рубашки. – Теперь другую, – следом пошел второй.

– Там в прихожей тапочки, надень, пожалуйста!

Потом девушка попросила Егора наклониться и завязала ему на голове платок.

– Другое дело!

– Я смахиваю на пирата.

– Счастливого пирата, – поправила Маша. – Ты знаешь, что делать?

– Обижает! Думаешь, мы в детстве не клеили обоев?

– На всякий случай, мы промазываем стену, а потом прикладываем и разравниваем полотно.

– Есть, босс! Сегодня я согласен на все!

– Знаешь, а ведь ты находка для меня...

– Безусловно, я догадывался... А почему?

– Потому что не придется залазить на стол, с твоим ростом ты и с табурета достанешь.

– Если очень постараться, я и так почти достаю...

– Давай без фанатизма!

Говорят, чтобы понять человека, надо съесть с ним пуд соли. Или поклеить обои. Второе только на слух звучит проще. Тут тоже надо приноровиться и к делу, и к другому человеку. В итоге Маша не могла не признать, что в четыре руки работать значительно эффективнее, чем в две.

– Не знаю, какие божественные силы послали мне тебя сегодня, но я им очень благодарна!

Девушка с парнем присели прямо поверх старой шторы, призванной защитить диван от пыли.

– Не смотря на все мое уважение к тренерскому штабу сборной, возводить его в божественный ранг преждевременно, – улыбнулся Егор своей обезоруживающе открытой улыбкой.

Девушка поправила ему сползший на глаза платок, а потом несколько секунд смотрела на молодое, будто подсвечивающееся изнутри лицо. Пауза затягивалась.

– Ты разобралась в своем новом деле?

– Пока только сильнее запуталась.

– Могу я чем-то помочь?

– Даже не знаю. Можно попробовать. У тебя хорошая память на детали... Ты не замечал ничего странного за профессором в то время, когда уходил Иванов, может быть, за несколько месяцев до или после?

– Надо подумать... Это было довольно давно... Хотя мы в то время работали с профессором, я как раз стал выходить на свой уровень, но была нестабильность, периодически были срывы... Мы тесно общались.

– Было в нем что-то необычное?

– Как будто у вас, психологов, бывает что-то обычное?

Маша сделала вид, что обиделась, а потом рассмеялась.

– И какое же ваше авторитетное мнение? – нарочно серьезным голосом осведомилась шатенка.

– Он был какой-то ...

– Странный, мрачный, озлобленный?

– Нет, счастливый.

– Как это, счастливый?

– Почти как я сейчас, что ты, не знаешь, как это – быть счастливым?

– С чего ты взял? Знаю, конечно.

– Чего тогда спрашиваешь?

– Просто некоторые футболисты говорили о том, что он был мрачным.

– Мрачным он стал уже потом, как вернулся из поездки, после всей той истории с Березиным и его ассистенткой. Таким и ходил довольно долго, пока не появилась ты.

– Какая у тебя поразительная наблюдательность!

– А то!

– Знаешь, что я думаю?

– Боюсь даже предположить.

– Это ты каким-то образом вывела профессора из его сложного душевного состояния.

– Едва ли стоит ставить это в ряды моих заслуг... Поймай! – Маша уцепилась в руку Егора.

– Что?

– У меня есть догадка, она очень маловероятная, но ее надо проверить! Мне завтра надо сделать три вещи и, возможно, я раскрою эту тайну!

– Что еще за тайну такую?

– Почему профессор сослал Аню в ассистентки без права взаимодействия с клиентами.

– Тьфу ты. Я думал, это что-то важное.

– Для тебя это, может быть, и не представляет важности, а у нее вся жизнь наперекосяк пошла!

– Беру свои слова обратно, – капитулировал сероглазый парень перед напором девушки.

– Завтра все решится. Отдохнули, и хватит. В последний бой? – Маша стащила с дивана в шутку упирающегося Егора и они принялись за работу.

– Видимо, до пакетов очередь не дойдет...

– Скорее всего. Я постелю тебе на диване.

На следующий день Маша с удвоенными усилиями принялась за реализацию намеченного плана. Она дала указания Саше найти и пообщаться с выпускницами Николая Степановича, а сама еще раз переговорила с Дубининым.

У Валерия Михайловича Маша интересовалась о том, когда профессор узнал о болезни. Бывший тренер не желал поднимать эту тему, но из-за уважения и благодарности к работе психологов, рассказал, что узнал о болезни приблизительно в то же самое время, в которое развернулась и история, занимавшая девушку.

Саша связалась с однокурсницами Ани. По их словам, та была бойкой студенткой, «затычкой во всех бочках», очень умной, крайне любопытной, постоянно что-то уточняющей, берущей дополнительные задания. Некоторые над ней посмеивались, большинство же – уважали.

Психолог и ассистентка проверили еще раз на всякий случай документацию за прошедшее время. Как оказалось, никаких проступков за Аней не числится.

Затем девушки стали наводить справки на Светлану Сергеевну, она оказалась женой одного из акционеров клуба.

Это вполне себе могло объяснять ее бездеятельность, так волновавшую Марию когда-то. Почему она ушла практически след в след за профессором? Может быть, поняла, что теперь прикрывать ее некому и надо будет действительно работать? Хотя тут налицо и семейные обстоятельства: ее мужа перевели в другой город.

Так отдельные паззлы потихоньку начали складываться в единую картину. Психолог позвонила на свою кафедру, узнала кое-какие подробности там. Оставался только третий шаг. Мария направилась в кабинет к Ане.

– Добрый день. Как продвигается работа с Философом?

– Я изучила его досье. Скоро первая консультация.

– Отлично. Как ты оцениваешь полноту своей подготовки к ней?

– Процентов девяносто.

– Хороший показатель, – психолог кивнула и хотела уже покинуть кабинет, но передумала.

– У тебя такая интересная особенность – считать в процентах. Откуда она у тебя?

– Как и большинство всего остального – из детства. Мама была бухгалтером, да и математику я всегда любила.

– Ясно...

Маше надо было набрать побольше воздуха.

– Аня, ты же с самого начала знала, почему профессор так поступил.

– Это не могло быть правдой. Я хотела это услышать от

незаинтересованного человека.

– И все-таки это правда.

Аня познакомилась с профессором, когда он был в зените своей славы: его работы цитировались, слова разбирались на цитаты, студенты слушали его, затаив дыхание, издания и телеканалы наперебой приглашали выступить в качестве эксперта. Казалось, он добился всего, чего хотел. Можно сказать, расслабился и жил в свое удовольствие.

Пока не появилась она. Дотошная, въедливая студентка, не только слушающая и дословно конспектирующая, я подвергающая сомнению каждое слово, постоянно задающая вопросы, что-то вечно уточняющая. Ей во всем нужно было докопаться до сути. Чрезвычайно работоспособная, начитанная, проницательная. Сначала на занятия в ее группу он ходил как на исправительные работы, про себя вздыхая и проигрывая в уме десятки вопросов, которые без труда могла произвести на свет головка его неутомимой студентки. Он пытался сначала шуткой отделяться от самых каверзных, но она лишь затаивалась, не отступая. У нее была удивительная, крайне ценная для научного деятеля черта – умение из общих посылок выводить оригинальные следствия. В целом она казалась созданной для научной работы, ее точность, вдумчивость, последовательность могли заткнуть за пояс не одного научного светила. На человека она смотрела тоже как на книгу, которую нужно сначала прочитать, а

потом понять и проинтерпретировать. Она и сама была редким, букинистическим экземпляром.

А потом профессору стало интересно, он должен был признаться себе, что совсем окостенел и уже несколько лет не порождает свежих идей. Эта странная девушка заставляет его постоянно мыслить. Набравшись храбрости, он предложил быть ее научным руководителем.

Анна отреагировала спокойно, как будто такой исход весьма закономерен. На основе совместного исследования и полученных результатов они написали статью, которую профессор считал одной из лучших своих работ. У него снова стали появляться идеи, на многие из них его наводила эта серая мышка, ничем внешне не примечательная лягушка, которая по мановению волшебной палочки превращалась в царевну, стоило ей только заговорить.

Чем больше они общались, тем больше общего между ними находил профессор. Иногда к психологу в голову закрадывалась мысль, что будь он в ее возрасте и встретить в тот злополучный (или счастливейший в его жизни?) день в библиотеке ее, а не свою будущую жену, то его жизнь обернулась бы совершенно иначе. Они бы понимали друг друга, поддерживали, тянули за собой, словно Пьер и Мария Кюри. Может быть, они однажды даже получили бы свою Нобелевскую премию по психологии... Что уж совсем сомнительно, ведь такие не выдают. Альфред Нобель, изобретатель динамита, видимо не верил в силу более мирных способов разрешения

конфликта.

Они вряд ли поссорились бы на почве денег или из-за времени, отдаваемого науке. Почему жизнь так несправедлива? Почему они не встретились лет сорок – сорок пять назад? Николаю Степановичу снова захотелось быть молодым. Он и чувствовал себя таким – лет двадцать пять, не более. Но зеркало каждое утро возвращало его к реальности, да и паспорт не давал усомниться...

Между тем, курс, читаемый им, подошел к концу. Надо было найти повод видеться с Аней чаще. Только как? Он решил, что ему очень бы пригодилась на работе такая смышленная ассистентка. Кротов не сразу пошел навстречу. Но Николай Степанович умел убеждать, а жалование на новую должность отводилось весьма скромное.

Это был рискованный шаг. В глубине души профессор надеялся, что более близкое знакомство с девушкой обнажит перед ним ее несовершенства, а получилось, что оно еще больше высветило ее достоинства. Анна не боялась рутины, приняла на себя большую часть работы по обработке сырых данных. Работоспособная, старательная. О такой ассистентке любой психолог может только мечтать.

Постепенно Николай Степанович стал доверять ей работу с людьми, с клиентами. И здесь у нее получалось. Она не производила впечатление подушки, куда можно выплакаться, или коршуна, который вцепится в горло и выбьет признание. Анна более всего походила на личный дневник, куда

можно было бы записать самое сокровенное, не боясь, что тебя осудят или превратно истолкуют. Но профессор чувствовал, что эта легкость решения всех его задач является показной, что за ней скрыта большая душевная работа. Он впервые за долгое время стал кому-то доверять...

Поэтому Николай Степанович отправился на конференцию с чистой совестью, искренне жалея, что девушку нельзя было взять с собой. Он сделал ей подарок, единственный за все время их знакомства. Это была книга Э. Фромма «Искусство любить». Слишком сентиментальный жест для расчетливого пожилого видавшего виды человека. Но психолог прекрасно знал, что наука не терпит условности, поэтому у него есть шанс. Отчего бы не попытаться? Книга была только началом. К ней прилагался ряд вопросов, отвечая на которые, надо было находить на нужной странице ответы, выбирать подходящие буквы. В итоге получилась бы фраза.

Еще сядя в такси по дороге на вокзал, он мысленно представлял, как она открывает книгу, как проводит тонкими, нежными пальцами по ее страницам, как одобрительно улыбается находчивости профессора...

Но в поезд Николай Степанович так и не сел. Волнения, столь не свойственные ему, тяжело сказались, как потом выяснилось, на угнетенном болезнью организме.

Его срочно госпитализировали. Вскоре констатировали неутешительный диагноз. При оперативном вмешательстве можно было продлить жизнь на несколько лет, но благопо-

лучный исход давали лишь в пятидесяти процентах случаев. Николай Степанович знал, что судьба насмехается над ним, и эти пятьдесят процентов, которые спасут кому-то жизнь, станут для него роковыми. Он подписал отказ, получил рекомендации и распорядок проведения плановых диагностик.

Еще будучи в больнице, профессор горько пожалел о том, что оставил девушке книгу. Его дни сочтены, сколько лет он еще протянет? А ее жизнь только начинается. Как смотреть ей в глаза? Это будет настоящая пытка, значительно хуже всех этих трубок и капельниц вместе взятых.

Вернувшись в клуб, он быстро узнал об истории с поездкой, и это окончательно разрушило его и без того шаткое душевное равновесие. Куда смотрит молодость? Березин – пустышка, хоть смазливая и талантливая. Психолог собрался с силами и почти простил девушку, проявив, как он считал, великодушие.

Но видеть каждый день Аню он больше не мог. С этим надо было что-то делать. Поэтому Николай Степанович под предлогом нарушения дисциплины перевел ее к Светлане Сергеевне, своей давней должнице. Он знал, что там Анна сможет спокойно заниматься научной работой, не отвлекаясь на прочие пустяки. Его единственным условием было, чтобы девушка не работала с клиентами. Он убеждал себя, что таким образом дает ей время для выполнения научной работы: данных хоть отбавляй, ей не придется думать о куске хлеба, да и консультации отвлекать не будут. Из нее выйдет

хороший ученый.

А может быть, дело было в другом. Профессор почему-то убедил себя, что футболисты непременно будут влюбляться в ассистентку психолога. Николай Степанович не выдержал бы ее счастливых глаз. Конечно, однажды это случится. Но не так скоро и не здесь.

Он и не подозревал в пелене тумана влюбленности, что Анна, будь она шоколадом, то была бы не молочным, массовым и самым любимым видом, а скорее горьким – редким и на большого ценителя.

В итоге получалось прекрасно – вроде бы Анна близко, устроена, занимается наукой, но, с другой стороны, он избавлен от муки видеть ее ежечасно и в окружении молодых и успешных мужчин.

Не зная всей подоплеки, и видя лишь внешнюю сторону произошедшего, Анна искала причину в себе и в профессоре, виня обоих. Ее положение было действительно унижительным: будто сослали в штрафбат. Прямого разговора профессор всячески избегал, напустив на себя строгий вид. Аня хотела уволиться, устроиться на новую работу, но ей почему-то отказывали. Она не знала, что и тут имела место рука профессора. Остаться в чужом городе без постоянного заработка, поступая в аспирантуру – такой роскоши девушка позволить себе не могла и после нескольких откровенно неудачных попыток она смирилась. Вот так Анна оказалась зависимой переменной в эксперименте, о котором даже не

подозревала.

– Как ты догадалась? – в глазах девушки стояли слезы.

– Должность ассистентки придумали специально для тебя, последнее время профессор казался особенно счастливым. Я читала одну из ваших статей, она прекрасна. К тому же профессор все переводил в проценты, как и ты. Мы перенимаем манеру значимых для нас людей. Я думала, что ты переняла манеру профессора, но, как видишь, все наоборот. На кафедре знакомые рассказали, что тебя не стали брать по просьбе Николая Степановича. Если бы Березин припомнил название книги, мы бы разобрались значительно раньше. Аня, во всем, что произошло, твоя вина минимальна. Профессор просто узнал, что болен, и хотел отдалиться от тебя.

– Я не могла поверить своим глазам. Он подарил мне книгу... До этого ничего подобного не было. Ее название меня немного смутило. Очень смутило. Но это же психологическое произведение. Я сложила все буквы и получила вопрос.

– У меня есть право спросить, какой?

– Да. Вопрос звучал так: «Есть ли у нас шанс?»

– Ты была поражена?

– Да, мне нужно было разобраться в себе, в ситуации. Тут Березин с его предложением. Я перечитала книгу несколько раз, проверила отгадку – все верно... Если он действительно любил, то почему не сказал, не спросил, не поговорил?

– Профессор – непростой человек, тебе ли это не знать.

– Но это было подло. Я чувствовала себя виноватой, разочаровавшей его...

– Что бы ты ему ответила?

– Я?

– Да. Если мое любопытство неуместно, можешь не отвечать.

– Ты же знаешь, я не люблю лжи. Я бы ответила: «Нет».

Вот так Маша узнала, что в жизни бывает больше одной любви и что даже самое сильное чувство может оказаться безответным.

Перелом

Трудно сказать, в какой момент это произошло. Это случилось незаметно, буднично, будто бы само собой. Так пропадают с крыш сосульки, поддавшись улыбке весеннего солнца, так хорошеют девушки и мужают парни. Так и психологическая служба превратилась в важный винтик успешной работы команды.

Результаты игрового коллектива стабильно шли по восходящей, поэтому заявление Воротынцева о лидерстве в чемпионате перестало казаться безосновательной фантазией крайне уверенного в себе человека. Чувствовалась несыгранность, иногда мелькали детские ошибки, но в игре появилось что-то такое, что приковывало к себе и заставляло болеть за такую команду.

У ребят горели глаза, они боролись до последнего, и всезнающая статистика безапелляционно констатировала, что второй тайм команда проводит лучше, чем первый, а по игре в компенсированное время она и вовсе лучшая в лиге. Причем россыпи голов не было, но и потери очков там, где по статусу их терять не стоило, практически не наблюдалось.

Тем удивительнее было то, что в кабинет психолога выстроилась целая очередь из желающих посетить психологическую консультацию. Так как Маша последние несколько дней посвятила помощи Ане, то список за это время только

увеличился. С Андреем надо было поработать и без его желания, потому что он периодически позволял себе вольности. С Иваном и Антоном следовало бы поговорить отдельно, потому что между ними какая-то черная кошка пробежала. Осеннюю хандру Философа удалось перебросить на Аню, ей будет полезно пообщаться с живым человеком. Но самое удивительное, что даже Дог и тот записался. Ему-то что надо? И так вроде бы недавно во всем разобрались! Тут еще и Кирилл... ему тоже надо о чем-то проконсультироваться. И хорошо бы разобраться, наконец, с Женей, восстановился ли он после всей той истории?

Надо на это всё смотреть, как на резерв для роста. Иначе никак. С кого бы начать? В тайм-менеджменте советуют начинать с самых сложных случаев, поэтому Маша решила разобраться с Салаевым.

Проанализировав свой ежедневник, Маша поняла, что встречается только на индивидуальных консультациях с большинством из футболистов не реже раза в две недели, это при том, что в дни матчей сеансы не проходят, да и у самой Маши в неделе было два выходных. Получается, что в каждый свой рабочий день девушка беседовала с футболистом и, как правило, не одним. Каждому находилось, чем поделиться, о чем рассказать. Немного особняком стояли новички, которых приходилось теревить от случая к случаю, но девушка уже небезосновательно предвкушала, что и они вскоре пополнят ряды сторонников психологической помощи.

С одной стороны, это было утомительно, потому что у Маши у других занятий хватала, но с другой – это было признание важности проводимой работы.

– Саша, что мы знаем про Салаева?

– Это личность, типичная для представлений фрейдистов, то есть такая, у которой Ид явно превосходит по силе Цензуру.

– А поточнее?

– Говорит, что думает и действует, как хочет.

– Тогда это образец не для фрейдистов, а для гуманистов: самоактуализирующаяся личность, которую пытаются поработить общественные цепи-отношения.

– В принципе, между этими двумя противоположными типами не так много различий, разница только в том, откуда они берут свою энергию...

– Хорошая мысль, может быть, она мне пригодится в работе с Андреем. Буду смотреть на него не как занозу, а как на самоактуализирующуюся личность.

– Полагаю, это будет непросто, – отозвалась Саша. Сегодня у нее были новые сережки: объемные, с черными черепами. Они выглядели особенно эффектно, когда девушка поправляла их угольного цвета маникюром.

– И все-таки, что мы еще про него знаем?

– Андрей Салаев, 25 лет, игрок группы атаки, воспитанник провинциального футбола, за свою профессиональную карьеру сменил несколько клубов. Славится неуживчивым

характером.

– Есть информация, споры какого характера приводили к его уходам из клубов?

– В одном клубе его откровенно не устраивала зарплата, требовал ее повышения, часто дает провокационные интервью, где может грубо высказываться об одноклубниках и тренерском штабе, в другом клубе произошел инцидент с иностранцами.

– Поподробнее?

– По слухам, тренеры разрешили иностранцам выйти на тренировки на несколько дней позже, это привело его в крайнюю степень возмущения, может быть, были еще какие-то подобные случаи.

– Понятно. А с нашими как ладит?

– Вроде ничего, но порой норов проявляет. Я недавно шла случайно по коридору и слышала, как он разговаривает с Егором на повышенных тонах.

– Полезная информация. Почему он так себя ведет? Гнев, неумение проявлять агрессию, внутриличностные конфликты, особенности характера?

– Я не знаю, надо разбираться.

– Ладно, разберемся.

– Кстати, ты помнишь ту историю?

– Какую?

– Ну, когда он с друзьями гульбанил после вылета со сборной из какого-то турнира?

– Это был он?

– В том числе.

– Можно?

– Да, проходите.

Аня заранее заняла место на кресле, одном из двух в кабинете, подходящих для сидения, а не лежания, все другие представляли собой мешки для релаксации; успокаивающий ковер, выполненный в технике «звездное небо» был отключен, шторы не задернуты. Поэтому вид у помещения был довольно будничным, а не такой магический, каким представлялся Философу во время занятий.

– Вы хотели поговорить с психологом?

– Да.

– Тогда проходите, присаживайтесь. Меня зовут Анна.

– Сергей, – на автомате отозвался парень. – Простите, вы наверняка знаете, как меня зовут.

– Верно, – ответила девушка, поправив очки. Она была в джинсах, рубашке, не изменяя своему образу, который дополняли самодельные фенечки на руках. – Я вас слушаю.

Парень замешкался. Похоже, он волновался, это успокаивало Аню. Говорят, что учиться заново ходить не так-то просто. Учиться заново разговаривать с клиентами тоже наука не из простых.

– Вас никогда не занимал вопрос о том, что наше существование бессмысленное? От этой безрадостной мысли спа-

сает только одно: если бы хоть один из ведущих параметров во Вселенной имел значения, хоть сколько-нибудь отличные от существующих, то жизни не было бы в принципе, да и нас с вами... Может быть, мы часть какого-то загадочного плана?

– Антропный принцип. Вы же наверняка знаете, что он имеет две трактовки. И только одна из них гласит, что все в мире устроено таким образом, чтобы предвосхитить появление человека. Вторая менее оптимистична.

– Да, согласно второй, вероятность появления человека была ничтожно мала, мы не более чем случайность, недочет каких-то высших сил...

– Хочется верить в первую трактовку.

– Определенно.

Философ выдохнул.

– Вас настолько тяготит устройство мироздания, что вы решили обратиться к психологу?

– Не совсем. Просто человеку, который задумывается об устройстве мира, легче понять человеческую душу.

– На мой взгляд, это заблуждение. Вы зря полагаете, что человеческая душа устроена проще, чем Вселенная. Недаром же человека сравнивают с микрокосмосом.

– Склонен довериться вашему мнению. А что вы думаете насчет теории синегрии?

– Я считаю, что она дает оптимистический взгляд на природу человека, предоставляя ему свободу выбора.

– Но количество возможностей ограничено.

– Но при этом право выбора остается.

Аня подспудно, как всегда, мысленно анализировала происходящее. «Видимо, за время отсутствия моей практики что-то изменилось и консультации превратились в обмен мыслями по сложным экзистенциальным вопросам, не относящимся непосредственно к психологии. Я люблю факты, конкретность, а тут такие тонкие материи... Хорошо, что я сдавала философию и историю науки, а то моя первая консультация стала бы последней. Надеюсь, он не будет просить у меня доказательств какой-нибудь апореи Зенона или, чего доброго, обратится к дихотомиям Иммануила Канта...»

А Философ принципиально не открывал душу людям, которые даже близко не знакомы с ключевыми понятиями современной постнеклассической картины мира. Аня приятно удивила его, даже поразила. Такой девушке можно было рассказать о своих переживаниях. Точнее, такому психологу.

Он поправил очки, что делал всегда, пребывая в состоянии плохо скрываемого волнения.

– У вас бывали минуты, когда вам не хочется ничего?

– Совершенно ничего?

– Да.

– Бывали, но довольно редко.

– А у меня в последнее время довольно часто.

– Вас что-то не устраивает в вашей жизни?

– Наверно, да...

Надо заметить, что на этой консультации подобралось два совершенно уникальных человека: психолог, которая пыталась отнести услышанное к какому-нибудь известному ей психологическому факту или закономерности из учебника. И клиент, представляющий свою жизнь как череду сменяющих друг друга произведений разных жанров. Он витал в облаках, она же стремилась твердо стоять на ногах. Воздух и земля. Два по-своему странных человека. Наверно, именно поэтому им было особенно сложно, но при этом так интересно друг с другом.

– Я могу быть с вами откровенна?

– Безусловно.

– Абсолютное большинство людей чем-то недовольны в своей жизни. Так что, вам не приходится претендовать на уникальность переживания.

– Вы обрубаete на корню всю мою инициативу, – впервые за всю беседу философ едва заметно улыбнулся. – Но ведь каждого не устраивает что-то свое?

– Резонно. Так что же не устраивает вас?

– Меня не понимают... Мне не с кем поговорить...

– И все? Для этого и работает психологическая служба.

Кажется, Аня наконец нащупала почву под ногами.

– То есть, я могу приходить сюда и обсуждать возникающие у меня вопросы?

– Да. Только хочу вас сразу предупредить: многое из того, что вас интересует, неоднозначно и для меня, я не смогу дать

вам готовых ответов. Мы можем постепенно разбираться в этом вместе.

– Хорошо... Давайте попробуем. Как вы относитесь к такому расхожему мнению, что у человека ближе к тридцати должен быть сын, дом и дерево где-то на заднем дворе?

– Дайте подумать и все взвесить, – Анна редко выдавала скоропалительные решения. – Вам интересно мое мнение или мнение научного сообщества?

– Хотелось бы услышать ваши суждения.

– Наличие сына в обыденном сознании предполагает существование семьи, а наукой установлено, что семейные люди в целом дольше живут и меньше болеют. Так что, это разумно. Что касается своего дома, то он символизирует безопасность, комфорт, что также положительно сказывается на качестве жизни. Если говорить о дереве, то, на мой взгляд, это элемент, без которого при желании можно обойтись. Но это наш вклад в общее, это тоже по-своему ценно...

Анна скорее считала по внешним признакам, нежели почувствовала, что Философ не понимает ее приземленных трактовок. Или не хочет принимать.

– То есть, народная мудрость во многом права? – уже откровенно огорчился он.

– Как сказать. В науке главным критерием истинности, что мне особенно импонирует, является практика. Поэтому, как ни были бы хороши суждения, если на практике они не достигают результата, то смысла в них никакого нет. Вот ка-

кова главная задача человека перед самим собой?

– Это дискуссионный вопрос...

– Безусловно. И все же приблизительный ответ есть: мы должны самореализоваться в жизни и быть счастливыми. Вот наша основная задача с точки зрения психологии. Если дом, дерево и сын ведут к этому, то пусть они будут. Если же нет – можно найти что-то другое. Но эта формула проверена самым строгим экспертом.

– Жизнью?

– Именно.

– Вы поглядываете на часы... Время консультации вышло?

– Да, и прошло оно как-то совсем незаметно...

– У меня осталось еще много вопросов. Я могу прийти снова?

– Да, конечно. Приходите.

Маша ожидала Андрея в бывшей архивной, перебирая произвольно пальцами комбинации на фортепиано. Она не сразу заметила, как в кабинет вошли.

– Ну, и? Вы вызвали меня, чтобы я послушал вашу музыку? У меня есть дела поважнее.

Андрей был русоволосым парнем с немного нависающими над глазами надбровными дугами, отчего его лицо молниеносно превращалось из ясного в хмурое, стоило ему чуть заметно свести брови. Всей своей позой он напоми-

нал борца, готового в любой момент атаковать противника. Это внутреннее состояние тонуса, напряжения особенно ярко передавалось в поворотах головы и чеканных движениях рук. Или волнуется. Он, в отличие от большинства, с работой психолога знаком постольку поскольку.

Девушка закрыла инструмент и присела на кресло, жестом пригласив форварда расположиться на диване. Она демонстративно молчала, выдерживая паузу. Андрей пытался сделать скучающе-вызывающий вид, глядя мимо психолога, будто засмотревшись на что-то интересное в окне. Маша не проронила ни слова. Парень достал телефон и уставился в него, но надолго его не хватило – терпение кончилось.

– Что вы на меня так смотрите? Думаете, у меня нет дел поважнее, чем сидеть тут с вами?

Психолог только вдумчивее посмотрела на него. Это устрашающее чувство, когда на тебя смотрит психолог и молчит. Будто сканирует. Будто знает про тебя что-то постыдное, такие тайные мысли, которые мы не хотим афишировать.

– Да скажите уже что-нибудь! – не выдержал он.

– Скажите, зачем вы здесь?

– Как зачем? Меня бы здесь не было, если бы меня не вызвали.

– Тогда подумайте. И при следующей встрече ответите на этот вопрос.

– Это все?

– Да, спасибо, можете идти.

Чтобы ему, Андрею Салаеву, кто-то разрешал, когда нужно уходить, да еще какая-то девчонка, это же уму непостижимо! Он вальяжно поднялся, буркнул себе под нос: «Ноги моей здесь не будет!» и захлопнул за собой дверь.

Вернувшись в кабинет, Маша увидела записку от Саши, где было размечено время на прием футболистов, жаждущих увидеться с психологом. Нужно было успеть побеседовать со всеми, потому что многие разъезжались по сборным, у остальных будет в запасе пару дней передышки. Маша еще раз похвалила себя за правильный выбор ассистентки: над дверью красовалась надпись, отпечатанная нордическим шрифтом, отчего смотрелась она особенно убедительно, даже грозно. Фраза эта была короткой: «Входящий пусть скажет», зато на двух языках – русском и английском. Таким креативным способом Саша хотела ускорить работу Марии, чтобы клиенты сразу переходили к делу, сама же она отправилась в детскую академию, посмотреть, все ли там в порядке.

Иван и Антон, братья-близнецы, показались ей забавными: мальчишки мальчишками, а строят из себя! Но позитивные, светлые какие-то. Все у них в отношениях наладится. Конечно, Ивану хотелось бы догнать брата, который уже и за сборную заигран был, пусть и не таким ярким получился дебют, а он только-только вернулся из аренды. Но все будет хо-

рошо: Воротынцев видит в нем потенциал, значит, даст время.

Ей вспомнилось, как в одном из интервью ребята гордо рассказывали о том, что они слушают «только топ». Это было не только отношение к музыке, но и к жизни: опасное течение. Ведь не всегда модно то, что хорошо, полезно и свою голову иметь на плечах. Многое единичное, уникальное, редкое таится где-то в глубине, а не лежит на поверхности.

С другой стороны, они молоды, может быть, и Маша была такой несколько лет назад. Девушка задумалась... Нет, не была.

Кирилл рассказывал об отношениях с Наташей. Его жена неожиданно нагадано захотела пойти на работу. И пусть Миша уже подросток, но ему еще нужно внимание...

– Или тебе, – добавила Маша.

– Я вообще не о себе, – загорелись карие глаза напротив.

– Чего ты боишься?

– Я? Я ничего не боюсь.

– Хочешь, чтобы я угадала.

– Ну, попробуй.

– Боишься, что уведут твою красавицу, как Березин когда-то?

– Что ты такое говоришь? Нет, конечно!

Пауза.

– Все-таки нет.

Еще пауза.

– Или?

– Не очень справедливо сравнивать свою жену с предыдущими девушками, это же разные люди. Ты знал, кого брал в жены, Наташа не из тех, кто усидит в четырех стенах. Все же копится, как в водоемах весной. Как бы и у нее не случилось... половодье. Как у тебя когда-то. Что ты смеешься?

Эта чуть заметная усмешка могла бы ускользнуть от кого угодно, но не от Машиного взора.

– Недаром же вы нашли друг друга.

– Ты хочешь сказать, у нее начнутся красные карточки?

– Вполне могут.

– Понял. Подумаю.

О том, что перелом в сознании футболистов состоялся психолог окончательно поняла, когда в дверь вошел Дог. Он был не из тех, кто привык расхаживать по кабинетам психологов, а тут сам вызвался. Что с ним? Форму набирает, режим соблюдает (вроде бы), даже на замену стал выходить, игровую практику получает. В кубковой игре наверняка в основе будет. Сам футболист молчит. С Женей сегодня разобратся уже не придется. При Саше щекотливые темы с ним обсуждать не хочется – засмеет бедного парня. Хотя с каких пор Стрелок стал бедным?

«Я уже столько всего успела передумать, а он все молчит!».

– Вы что-то хотите сказать?

Очевидно, футболисту не хватало решимости.

– Посмотрите, пожалуйста, что написано над дверью?

Глаза нападающего округлились, будто Маша предложила ему выпрыгнуть из окна или повеситься. Может быть, дело в шрифте?

– Читайте, это Александра постаралась, но мысль там верная.

– Не могу.

– В смысле, не можете? – может быть, у него слабое зрение, а он это скрывает от врачей? Стоп. Это маловероятно.

– Не могу.

– Вы что, читать не умеете? – спросила девушка с улыбкой, но Дог нахмурился и весь сжался.

– Это правда?

Футболист кивнул.

– По-русски? По-английски? Вообще?

Парень снова кивнул.

Как получилось, что игрок известного футбольного клуба не научился читать. Дислексия? Педагогическая запущенность?

– Мы что-нибудь придумаем.

Хромая обезьяна

Полина удивилась, когда узнала, что я согласилась приехать. Она совершенно резонно заметила, что нужно уметь оставлять прошлое позади и даже привела пример из жизни, как мастерски она вышвырнула из ворот сознания Пашу.

Я не стала ей говорить, что антресоли нашей души не бесконечны, и туда нельзя безгранично сваливать ставшие ненужными (или неприятными) вещи. Однажды все это барахло обрушится на ничего не ожидавшую голову и мало не покажется. Как нельзя бесконечно держать взаперти собаку: с ней нужно либо гулять, либо отдать в хорошие руки...

Я бы много чего могла сказать, но не стала. У Поли сейчас непростой период. Ей только моих нравоучений и не хватает. Впрочем, так ли я права, как думаю?

Несколько дней назад мне написал Димка, тот самый Димка, с которого по сути и началась вся эта история. Человек, причинивший мне много боли. И много радости. Радость причиняют так же, как и боль, не спрашивая. Он не спрашивал.

Димку скоро забирают в армию, ему хотелось повидаться. Мы почти не общаемся, только поздравляем друг друга с праздниками. Если он так написал, значит, я ему действительно нужна. Кроме того, я все еще перед ним в долгу. И дело даже не в плохих парнях, от которых он меня спас. Он

спас меня не только от них.

Я когда-то сказала, что не люблю зиму – это ложь. Я ее не принимаю, потому что она напоминает мне о Димке и о самом счастливом месяце в моей жизни. Я стараюсь не думать об этом времени, потому что в голове обязательно появится и все остальное. И снова будет кровить, хотя давно пора бы перестать.

Сижу в поезде. За стеклом проносятся леса в оттенках золота, янтаря, вина и малахитовых залежей. Осень в этом году просто волшебная – теплая, яркая, будто сошедшая с фотографий в календарях...

Сборные играют, поэтому мне удалось вырваться ненадолго. Ночью поезд. К родным, скорее всего, не попаду. А может, черт с ними, с лишними волнениями? Мамин фирменный чай с шиповником – лучшее лекарство от болезней любого происхождения.

Посмотрим.

В психологии есть такое понятие – «хромая обезьяна», это что-то, что не выходит из головы, если стараешься об этом не думать. Чем больше стараешься, тем больше не выходит. Может, и мне пора сменить тактику?

Ну, что ж, хромая обезьяна, добро пожаловать в мой скромный мирок. Надеюсь, тебе здесь понравится.

– Ты всегда такая?

Димка вызвался провожать меня после одной из игр. Во-

первых, нам было по пути, а во-вторых, он чувствовал перед собой ответственность за мою безопасность.

– Какая такая?

– Замкнутая, молчаливая.

– Наверное, да. Это плохо?

Мы брели по аллее в парке, падал мелкий снег, мягкий, приятный. Лапы елей закутались в снежные шапки, редкие фонари бережно рассеивали снег, людей вокруг почти не было.

– Знаешь, чего мне больше всего сейчас хочется?

Я остановилась и выжидающе посмотрела на него. Помню снежинки в его волосах, блеск глаз в полутени...

– Хочется тебя растормошить.

– Это как?

– Заставить тебя улыбнуться, например. Вытащить тебя.

– Откуда еще вытащить?

– Изнутри. Ты как будто где-то там глубоко прячешься.

– Откуда ты это знаешь?

– Я это чувствую.

– Весомый аргумент.

Пришлось отряхнуть сгрудившиеся на меху капюшона звездочки.

– Это как конфета. Хочется развернуть обертку и посмотреть, какая начинка.

– А может, просто коробку перевернуть. На обратной стороне обычно бывает описание.

– Ты думаешь?

– Ага.

– Давай попробуем. Встань-ка вот сюда, ближе к фонарю, а я посмотрю.

Димка обошел меня с другой стороны и тут послышался довольный смешок. Слишком поздно догадалась, к чему все идет: мгновением ока я превратилась в подобие сугроба, будто на меня спустилась целая снежная лавина с соседнего дерева. Никакой лавины, конечно, и в помине не было, но припорошило снегом меня изрядно.

Видимо, мое лицо не передавало ликования.

– Да, не сработало. Ничего, у меня много способов. Давай-ка отряхнемся.

Димка заботливо убрал с меня снег, а я так и стояла молча, не зная, негодовать мне или рассмеяться.

Это был первый человек, который проявил такой неподдельный интерес к моему внутреннему миру, моей начинке.

– Тебя хоть разозлить-то можно?

– Если очень постараться.

– Ну, хоть что-то человеческое.

– Как видишь.

– А если что-то идет не так, ты наверняка убегаешь?

– Ну, не прямо убегаю... Спокойно ухожу...

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Ты должна учиться бороться и давать сдачи. Вот дай мне

сдачи.

Может, я плохой физиономист, но всеми своими жестами парень показывал, что я должна его ударить. Это не по мне.

– Тебе что, мелочи насыпать?

– Смешно. Ты же понимаешь, о чем я. Я тебя снегом засыпал. И ты ответь.

– Наши силы не равны. Это заведомо проигрышная ситуация.

– Если бы все рассуждали так, как ты, то спорт давно бы уже запретили. Давай!

– А как? – робко уточняю я.

– Вот, возьми, – он скатал приличный снежок, а потом передал его мне. – Я немного отойду, а ты постарайся попасть в меня.

Моя нерешительность забавляла его.

– Так достаточно или размахнуться посильнее?

– Маша, и с таким замахом ты хочешь войти во взрослую жизнь???

– Сейчас, я настроюсь и прицелюсь!

Димка уже умирал со смеху. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я, с усилием размахнувшись, попала этому проказнику прямо в яблочко, а точнее – в район переносицы.

– Ай! – вскрикнул он.

Я бросилась к Димке, отвела его руку, защищающую глаз. Подумаешь, немного досталось...

– Жить будешь.

– Хороший удар.

– Какой учитель, такой и удар.

На моем лице расплзлась улыбка.

Димка задержал на мне свой взгляд. Я беззвучно спросила его: «Что?»

– Улыбайся чаще, тебе очень идет.

Пару минут спустя мы лежали на снегу, делая снежных ангелов. Немногочисленные прохожие поглядывали нас с недоумением.

– Ты ненормальный! – констатировала я.

– Как будто нормальные люди существуют.

Эта фраза заставила меня полуобернуться.

– Представляешь, я грешным делом относилась себя к этой группе.

– Ты такая же ненормальная, как и я. Может быть, даже больше. Просто еще не знаешь об этом.

– Если это комплимент, то очень оригинальный.

– Сама посуди: норма – это быть, как все. Тень, не больше.

И вообще, мы слишком хотим быть нормальными.

– И какими же нам, по-твоему, надо быть?

– Счастливыми.

Мы стали почти каждый день возвращаться домой вместе. Тот, кто раньше освобождался, поджидал второго. В этот раз ждать была моя очередь.

– Мы с тобой не договорили.

Многообещающее начало разговора. О каких своих несовершенствах я узнаю на этот раз?

Было уже темно. Наши зимы такие: либо еще темно, либо уже. Третьего не дано.

– Давай пакет.

– Он не тяжелый.

– Давай, тебе говорят! Так-то лучше.

Пришлось повиноваться.

– Ты же психолог, подскажи, как узнать закрытого человека?

– Я не закрытый человек, я интроверт.

– Одно и то же. Ну, так что, я жду ответа.

– Извольте. Все, к чему прикасается личность, несет ее отпечаток. Сергей Леонидович Рубинштейн.

– Прямо-таки все?

– Да.

– Вот у тебя наушники... Музыка тоже несет отпечаток личности?

– Конечно, если ее выбрал сам человек.

– Тогда дай послушать!

– Это же личное!

– И что?

Я замялась.

– Там все такое ...

– Грустное?

– Задумчивое и мелодичное.

– Как и ты сама. Почему-то я не удивлен. Что делать, придется слушать.

Нехотя я поделилась одним наушником. Включила первое, что попало. Мы как раз подходили к парку. Играл Эд Ширан, «Photograph».

– Под эту песню надо танцевать.

– Ты шутишь? Мы на улице, холодно и ...

– Ты от меня никуда не денешься, у меня твой наушник и пакет. Давай поставим его вон на ту лавочку...

Парень потащил меня в сторону, я отпиралась сначала, а потом он все-таки увлек меня за собой.

– Я не очень умею танцевать.

– Сразу видно, что тебя не воспитывала бабушка из интеллигенции со старой закалкой. Это даже не ритм вальса, так что, не парься. На медляках вообще париться не стоит, пусть парни волнуются. Руки мне на плечи положи.

– Так?

– И прекрати переспрашивать каждый раз. От того, как ты положишь руки, мир не перевернется.

Как же он ошибался!

– Расслабься. Мы начнем медленно. Хорошо. А теперь чуть быстрее. Скоро припев. Готовься.

Мы танцевали в пустом парке под светом фонарей и в хороводе редких снежинок.

– О чем эта песня?

– О том, что любовь, с одной стороны, ранит, а с другой – заставляет почувствовать себя живым.

Вместо ожидаемого острого комментария он сказал лишь:
– Поставь на повтор.

Он заставил меня встать на коньки. В буквальном смысле слова – заставил. Сказал, что я не смогу спокойно смотреть в глаза своими детям, когда они будут спрашивать у меня: «Мама, а ты умеешь кататься?», а я буду стыдливо отводить взгляд и вскоре полностью потеряю доверие и уважение своих отпрысков.

То ли отпрысков стало жалко, то ли себя, но вот я стою на коньках и боюсь пошевелиться. Минут десять, не меньше, у меня уходит на то, чтобы привыкнуть к новой обстановке. Димка уже круга три-четыре намотал.

– И долго ты будешь прохлаждаться? Замерзнешь совсем!

Я подняла на него умоляющий взгляд, просящий оставить меня в покое.

– Все придется делать самому! – притворно возмутился он, взяв меня за руки и потихоньку покатив. Не успела я еще обвыкнуться, как он, встав рядом со мной с обратной от бортика стороны, увлек за собой вперед, голова не поспевала за ногами и надолго меня не хватило. Запнувшись на ровном месте, распласталась на льду, заработав синяк на пол колени.

– Жива?

– Ага.

Перепугался за меня, хоть виду и не показывает.

– Странные вы создания, девушки!

– Ты это к чему?

– К тому, что тебе и правда, может быть, лучше начать с бортика.

Назад мы уже возвращались под светом фонарей.

– Ты все про каток, каток... Тут вон, весь тротуар сплошной лед!

И правда, как бы у нас не работали коммунальщики, а гололедица такая, что нужно быть еще тем акробатом, дабы удержать равновесие.

– Бабушка рассказывала, что в пенсионном фонде старушки жалуются: некоторые успели себе руку сломать, кто-то – даже ногу, все это, пока шли за положенной государством выплатой. Вот такое общественное падение на склоне лет!

– Ага, там хорошо, под горку как раз, еще и узко!

Пока рассуждала, сама споткнулась.

– Ты как там, держишься, или?

– На ногах? Держусь пока.

– Если что, могу помочь.

– Нет уж, спасибо, сама управлюсь.

– Ты все про каток думаешь? Да не покалечу я тебя. И вообще, можешь подойти поближе, я не кусаюсь. Обычно.

– Обычно. Это вдохновляет, – говорю я и в очередной раз поскальзываюсь.

– Да уж, все приходится брать в свои руки. Даже не спорь. Я промолчала. Это было приятно – чувствовать свою руку в его руке, пусть даже в перчатках. Интересно, чувствовал ли он то же самое?

Мы сидели, укутавшись в пледы, подпевая песни под гитару и делясь любимыми стихотворениями. Литературно-музыкальная гостиная традиционно проводилась вечером после занятий в аудитории, закрепленной за психологической службой, отчего там были объемные с мягкими сидениями стулья и ковер, создающий уют. Обстановка была камерная, еще и свечи горели кругом. Я периодически поглядывала на Димку, волновалась, нравится ли ему тут, все-таки он поклонник подвижной, ритмичной музыки и поэзии не длиннее трех четверостиший...

Но, оказалось, есть что-то, что объединяет вне зависимости от личных убеждений и пристрастий. Это что-то на уровне архетипа, исторической памяти. Как песни о войне, от которых наворачиваются на глаза слезы, хотя это было так давно, и мы не могли видеть ее живьем.

Красивое всегда трогает, если за красотой есть что-то еще. Душа, например. Я читала стихотворение Э. Асадова «Я могу тебя очень ждать», одно из моих самых любимых, положенное, кстати, на музыку.

Димка охотно подпевал песням под гитару, чем откровенно удивил меня.

– Мне довелось побыть вожатым в детских лагерях, прекрасное время! Эти песни... спасибо, что напомнила о нем, – шепнул он мне. – И твое стихотворение...

– Что же с ним?

– Ты знаешь, что поэзия не мой конек.

– Слышала, – подтруниваю над ним я.

– Но и среди стихотворений иногда бывают хорошие.

– Только иногда? – улыбнулась я.

– Когда ты была серьезной, мне нравилось больше, – подколол меня Димка.

Потом, когда все уже разошлись, парень не торопился. Это удивило меня.

– Ты же играешь на фортепиано?

– Да, немного.

– Давай найдем инструмент, и ты мне что-нибудь сыграешь...

– Ты же знаешь меня, я могу только что-нибудь грустное или романтическое.

– Пойдет, у меня настроение как раз такое.

Заглянула ему в глаза. Не я ли причиной тому?

– Ну, пойдём, – намеренно свободно согласилась я, хотя пальцы предательски дрожали. Они всегда у меня начинают дрожать в самый неподходящий момент. Но Димка думает о чем-то своем и не замечает.

– Я видел его в одной из аудиторий в другом корпусе, пошли!

Вот оно, красное, лакированное, пока еще закрытое. Сажусь, Димка, опираясь на корпус, готовится внимать.

– Что ты сыграешь?

– Мне нравятся сейчас мелодии из фильмов.

– Я так понимаю, не из триллеров.

– Я предупреждала.

– Знаю, играй. Хочется послушать, хоть это пускай будет даже очередной саундтрек к вампирской саге.

– Как ты угадал?

– Что, правда? Да, я такой, сообразительный.

Ответила ему снисходительной улыбкой. Это был «Meadow». Он слушал, затаив дыхание. А я, кажется, не дышала.

– Я хотел с тобой поговорить...

Неужели это бывает именно так? Ищет повод, чтобы остаться наедине. Музыка. Вечер. Что-то еще. Может быть, счастье?

– Есть одна девушка, которая мне очень нравится...

– И?

– Я ей совсем не нравлюсь.

– Откуда ты знаешь?

– Я ее спрашивал.

Облом. Резкий диссонанс рвет уши.

– Прости, отвлеклась.

Продолжаю играть, а внутри все клокочет. Кто она? Где она? Красивая ли? Насколько она ему нравится?

– И что ты хочешь от меня?

– Ты же психолог...

– Почти. Я еще и первый курс не успела закончить.

– И все-таки...

Настучать бы ему по голове, чтобы соображать стал: человеку рядом больно, очень больно. Мои мысли передавались пальцам.

– Какая трагическая мелодия!

– Очень, – согласилась я.

– Она приехала недавно, перевелась в наш университет.

Одним словом, что мне сделать, чтобы ей понравиться?

Так и подмывало сказать, что та девушка, которая не разглядела его, либо совсем слепая, либо с запросами выше человеческих возможностей. И в том, и в другом случае лучше держаться от нее подальше.

– Можно я не буду отвечать?

– Почему? Я думал, мы друзья... Не знаю, с кем еще можно об этом поговорить, парням такое не скажешь...

Перешла на «River flowers in you». Как легко человек, с которым ты мысленно построила дом, воспитала кучу детишек и засадила гектар плодовых деревьев, с неистовостью ребенка топчет твои песочные замки.

И все-таки он мне очень дорог. И я дам ему совет, который считаю самым лучшим.

– Будь собой.

– И?

– Все.

– Как, все?

– Так, все.

– Поясни.

– Что тут объяснять. Ты не сможешь всю жизнь кого-то из себя строить или будешь мучиться от этого. Или в конце концов твоя сущность прорвется и девушка разочаруется.

– А если я настоящий ей не нравлюсь?

– Пусть встретит того, кто ей понравится.

– Я этого не хочу.

Убираю пальцы от инструмента.

– Ты хотел узнать мое мнение, оно такое.

– Всегда сомневался в пользе психологии. Она постоянно пускает дело на самотек там, где надо бороться до конца, – рассердился он.

– А ты хотел получить от меня волшебную палочку или цветик-семицветик? Такого в жизни не бывает.

– Почему сразу цветик-семицветик?! Упражнения какие-нибудь, еще что-то...

– По мне, в таких отношениях должна быть искренность, вместе должно быть лучше, чем по одиночке...

– Я хочу подышать, – заторопился он. – Ты идешь?

– Нет, иди, я еще поиграю.

– Точно? Время уже позднее.

– Да, иди.

Я дала ему уйти. Он оставил меня одну. Провожать меня стало некому.

Теперь мы пересекались только по всяким общественным делам после учебы, где-то раз в два-три дня мы могли обменяться улыбкой или перекинуться парой слов. Я уже видела Веронику, долго думала, что делать. А потом решила последовать тому совету, что дала Димке. Я не строила козни, не пыталась остаться с ним наедине, вымолить к себе какие-то чувства... Я старалась прислушаться к себе. Заниматься тем, что мне интересно и поддерживать его, где только смогу. Впервые в жизни я боролась за то, что мне дорого, действительно боролась. Только своими методами.

После конкурса стихов, где я читала собственное стихотворение, Димка подошел ко мне. Конечно, он пришел поболеть не за меня, но не поздравить не мог.

– Молодец, было круто.

– Спасибо, особенно ценно это услышать из уст такого ценителя поэзии, как ты, – рассмеялась я.

– С каких пор ты меня стала подкалывать? Мир явно катится не туда.

– А может быть, он катится именно туда, куда нужно?

– Может быть... Я вот что хотел предложить, у нас в группе в социальной сети нужен журналист, чтобы о мероприятиях писать. Думаю, у тебя бы получилось...

– Спасибо за высокую оценку моих скромных талантов. Я посмотрю, как у меня будет со временем.

– Обещай хорошенько подумать!

– Ладно.

Так я стала вдобавок ко всему еще и спортивным обозревателем. Правда, теперь видеться с Димкой мы стали чаще. Мы подтрунивали друг над другом, ничего личного, никаких свиданий, да и наедине мы почти никогда не оставались.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды на вечеринке не увидела их танцующими вместе. Ее руки обнимали его, голова лежала на плече. Они выглядели очень счастливыми...

Я тоже с кем-то танцевала. Честно говоря, не знаю, как я передвигала ногами, они казались чугунными, видимо, у меня был хороший партнер. В тот момент я решила, что мешаю чужому счастью, что, возможно, ей, а не мне суждено купить с ним в ипотеку квартиру, поливать орхидеи и водить ребенка на занятия по английскому. Ей, а не мне. Чтобы отступить, тоже нужны силы. До этого у меня был душевный подъем, такое состояние, что можно свернуть горы, переплыть океаны и покорить космическое пространство... А сейчас я не могла поднять и руки. Обнимаю своего спутника крепче и опускаю на плечо голову. Надеюсь, песня будет длинной, и я успею прийти в себя.

– Привет. Тебя не было на последних тренировках...

– Я решила, что тренировки посещать необязательно, можно сразу переходить к соревнованиям.

Я была изумлена, когда увидела Димку у подъезда своего дома рано утром, собравшись идти на пары.

– С чего бы это? – поинтересовался он.

– Много всяких дел, ты же знаешь, что у меня много увлечений.

– Как это произошло?

– Что именно?

– Ты была замкнутая, зажатая...

– Ну, спасибо, – улыбнулась я.

– Вот доказательство: было время, когда ты почти не улыбалась.

– Мне просто повезло: в нужное время встретился нужный человек.

– Даже так...

– Ага.

– У вас был красивый номер вчера на игре...

– Спасибо, ваш тоже ничего.

– Слышал, вы много спорили насчет него.

Действительно, некоторые ребята в команде отказывались от концепции, которую я сама придумала в пользу своей, там главную роль играл Чарли Чаплин. При всем уважении к этому замечательному артисту я бы не хотела посвятить именно ему номер про войну, а именно такой была тематика.

– Я боролась как лев, в твоих лучших традициях.

Мы смотрели друг на друга и не могли наглядеться. Очень по нему скучала, так хотелось ему написать, чтобы поделиться мыслями, что-то обсудить, просто узнать, как дела. Но надо держаться. Видимо, ему тоже было приятно меня видеть, потому что он сиял так, как сияют в туристических городах «места удачи» на иных памятниках.

– Хотя бы на сам турнир приедешь?

– Приеду. И буду брать интервью у победителя. Так что, постарайся.

– Теперь у меня еще и дополнительная мотивация выиграть.

И снова мы смотрим друг на друга. И как-то привычно светло на душе...

– Давай я тебя подвезу.

– Нет, спасибо, я уж лучше как-нибудь на своих двоих, так безопаснее.

– Ты что, мне не доверяешь?

– Доверие можно продемонстрировать и другими способами, – парировала я.

– Значит, боишься.

– Страх – это естественная человеческая эмоция.

– Но ты же психолог, что ты скажешь своим клиентам? Да они откажутся ходить к тебе на приемы, как только узнают, что ты никогда не каталась на байке!

Смотрю на него с недоверием. Если Димка что-то решил, то добьется своего.

– Ладно. Шлем есть?

Подготовившись морально, я вдохнула воздух и медленно выдохнула.

– А за что мне держаться?

– За меня.

– За тебя я держаться не хочу.

– Это еще почему?

– Не хочу и все.

– Есть другие причины?

– Предупреждаю, что вцеплюсь в тебя мертвой хваткой.

– Дай подумать... Я согласен.

Это было непросто – воспроизвести в памяти прошлое как можно более точно и непредвзято. Есть светлая грусть, а еще радость от того, что я могу чувствовать. Надеюсь, мне представится шанс пережить это снова. Только хотелось бы другого конца. Пожалуйста...

Ну, что, хромая обезьяна, наш поезд прибывает, куда держим путь?

Второе желание

Я увидела его раньше, чем он меня. Я не спешила выходить. Парень курил и вглядывался в лица торопящихся выпрыгнуть на перрон приезжающих. Худошавый, даже немного долговязый, с резко проступающими скулами, ясными глазам и чуть взъерошенными волосами, он во многом повторял тот образ, который еще совсем недавно блуждал в моей голове. И все-таки казался копией себя, фотографией с неудачно подобранным фильтром... Он всегда говорил, что я замкнутая, но и он – вещь в себе значительно больше, чем может показаться на первый взгляд.

– Думал, ты не приехала, привет, – сказал он, бросив окурок в урну.

– Ты же знаешь, я не люблю толкучки.

– Давай рюкзак.

– Он легкий, – Димка посмотрел на меня требовательно. –

Ладно, держи. – Даш мне сигареты?

– Зачем, ты же не куришь?

– Откуда ты знаешь, мы редко видимся.

Лицо парня искосила гримаса недоверия.

– Давай, я жду.

– Ну, хорошо, бери.

Димка хотел достать мне сигарету, но одной рукой было неудобно, а в другой он держал рюкзак.

– Я сама возьму.

Когда пачка оказалась, у меня в руке, я припустилась бежать по перрону в противоположную от Димки сторону, лавируя между встречающимися и пассажирами.

В воздухе стоял обволакивающий запах осенний листьев, под ногами периодически хлюпали лужицы, а небо проклеивалось голубизной, будто проснулось от дурного сна и открыло глаза.

Наконец, нашла урну, бросила туда сигареты и выдохнула. Теперь надо найти Димку.

– Ты хоть знаешь, сколько они стоили?

Я вздрогнула от неожиданности.

– Надеюсь, не дороже билета на плацкарт?

– У меня твои вещи. Если бы мы разминулись, что бы ты делала?

Разумный довод.

– Все-таки ты сумасшедшая... – констатировал он и впервые за время моего приезда улыбнулся.

– Помнится, кто-то говорил, что не в нормальности счастье или что-то поменялось?

Заставила улыбнуться его второй раз. Мы побрели медленно к туннелю на выход из вокзала.

– Мне, конечно, приятно твое внимание, но ты же прекрасно знаешь, что я могу купить сколько угодно новых.

– Цель была не в этом.

– А в чем?

– Показать, что мне не все равно.

– Наглядно, – оценил он.

– Твоя? – уточнила я, когда мы подошли к машине на парковке. – Неужели четырехколесные взяли верх?

Добротный, хоть и не новый паркетник, безусловно, больше подходил по статусу успешному молодому человеку, но в нем не хватало харизмы и свободы предшественника, которые так шли Димке.

– Да, сменил коня. Тебе нравится?

– У предыдущего тоже были свои плюсы.

– Например?

– Там не было подушки безопасности. Все регулировалось в ручном режиме.

Снова улыбнулся, наверно, понял, о чем я.

– Куда поедем?

– Куда-нибудь.

– Это куда?

– Я здесь, так что, не все ли равно?

– Верно. Тогда поедем прямо, по дороге где-нибудь остановимся, перекусим.

Мы ехали по золотому, сверкающему на солнце провинциальному городу с его спиральями домов всех эпох, витринами близнецов-супермаркетов, вереницами автомобилей и все-таки неспешной красотой.

– Значит, армия?

– Да, пора.

– Это здорово.

– Думаешь?

– Да, многих армия делает мужчинами. Мне один одноклассник рассказывал, что в армии научился мыть пол и заправлять кровать.

– Ты думаешь, люди ради этого ходят в армию, чтобы учиться полы мыть?

– Вполне допускаю эту мысль.

– Или ты думаешь, что мне не хватает мужественности.

– Мне ли не знать, что мужественности в тебе достаточно?

– Я иду в армию не за тем.

– А за чем?

– Мысли в порядок привести.

– То есть, бежишь?

– Я бы сказал, двигаюсь строевым шагом.

– Вряд ли это будет легкой прогулкой.

– Я знаю.

– Иногда смена обстановки идет на пользу.

– Тебе пошла.

– У меня тоже все не так просто, как кажется, но я справляюсь. В целом, – добавила я.

– Я до последнего не верил, что ты приедешь.

– Почему?

– Ты уехала несколько лет назад... Мы не очень хорошо расстались.

– Кстати, из-за тебя я нарушаю данное тебе же обеща-

ние, – серьезно отозвалась я. – Это же не считается?

– Если что, это моя вина, так что, твоя совесть должна быть чиста. Вот то кафе подойдет?

– Вполне.

Димка взял только кофе с пищей, я же решила подкрепиться поосновательней, чтобы избежать неловкости, попросила его рассказать о наших общих знакомых. Он даже оживился, как всегда, с юмором обрисовывал судьбы молодых людей. А я смотрела на него и пыталась понять, что он скрывает, что там внутри, что его так беспокоит. Уже несколько минут в голове крутится мысль, точнее, пока только ее ореол, надо подобрать слова. А ведь все и правда начинается со слова.

Эврика! Я даже хлопнула ладонью по столу от радости. Вот, на что это похоже! Разочарование! Кажется, мое ликование не совсем уместно вписалось в канву разговора.

– Ты думаешь, это смешно, что его выгнали из университета?

– Нет, прости, просто я так проголодалась...

Вроде бы, не заметил.

Только в чем он разочаровался? Что для него важно? Все-таки Вероника? Конечно, эта гипотеза тешила мое самолюбие, но они столько лет вместе. Ладно, Димка, но Вероника не враг себе. Если она была совсем несчастна, то вряд ли бы мучила себя отношениями. Может быть, что-то еще? Но что...

– Кстати, тот парень, с которым ты ворковала на одном из вечеров, долго потом про тебя спрашивал.

– Да?

Вечеров воркования было весьма не много, это тот парень, на которого я облокотилась, когда у меня подкосились ноги.

– Ты ему очень понравилась.

– Что ж, мне лестно, что мое общество ценят так высоко.

Основные темы оказались исчерпанными, но вопросов становилось все больше.

– Я все, ты как?

– Я тоже. У меня предложение...

– Можно я на правах девушки предложу первой?

– Пожалуйста, леди, – изобразил подобие реверанса мой спутник.

– Давай поиграем. В теннис.

Димка явно удивился.

– Настольный, – пояснила я.

– Даже не помню, когда в последний раз играл, но если тебе хочется...

– Просто это единственный вид спорта, в котором тебе со мной будет интересно соревноваться. Ну, хотя бы первые пятнадцать минут.

– Ты такого высокого мнения о моих спортивных успехах...

– Не обольщайся, я просто превосходно осведомлена о собственных спортивных неудачах.

Мы прогулялись до торгового центра и там заказали стол.

– Ты мне хоть правила напomini.

– Хорошо, тут легко разобраться.

Я завязала волосы в хвост, засучила рукава и пожалела о том, что не взяла с собой сменку.

– Ты так готовишься, будто это турнир всей твоей жизни, – сострил он.

– Ты же знаешь, я ко всему подхожу серьезно.

– Ну, давай попробуем.

– А зачем пробовать? Давай сразу на счет.

– Может, все-таки разыграемся немного?

Не хочет передо мной падать лицом в грязь.

– Вот и разыграемся. И вообще, давай сыграем на желания!

– Ты же не любила игры на желания...

– Как же хорошо ты помнишь мои особенности!

– Так мы какое-то время очень тесно общались.

– Ну и, ты согласен?

Если откажется, это конец.

– У меня есть выбор? – он рассмеялся, отвернулся, взъерошил руками волосы. – Просто давно не общался с такими людьми, как ты, мне нужно к тебе привыкнуть. Хорошо. Классически до трех побед?

Мне не хватило совести предложить играть до одной победы, желательно моей.

– Принято.

Другого такого шанса у меня не будет. Через пятнадцать минут он поймет принцип, через полчаса сравняется со мной, а через час игры уроки у него буду брать уже я.

– На подачу?

Игра началась. Первую партию я выиграла в легкую, во второй пришлось потрудиться, третью проиграла в борьбе. Больше отступить было нельзя.

– Не знал, что ты такая азартная, – комментировал Димка, едва доставая шарик у самого края стола. Я видела, как с него постепенно сходила скованность, он словно оттаивал.

– Может, я оттого и не люблю играть, потому что азартная?

– Может быть.

И все-таки следующая партия осталась за мной. Я выдохнула и праздновала победу ярко, в стиле Мартена Фуркада.

– С тебя мое желание. Теперь можно и без счета.

– А как же реванш?

– Какой реванш?

– Надо предоставить мне шанс отыграться на тех же условиях.

Вот что ты будешь делать?! Нет, взять и просто согласиться! Надо же свои пять копеек вставить!

– Тоже на желание?

– Конечно.

Вот это уже плохо. Мало ли чего он захочет? Я не люблю неизвестность, поэтому не люблю играть на желания, ко-

гда они не мои. Надо выиграть, нельзя дать себя обыграть. Предыдущее его желание тяжело мне далось. Но справедливость есть справедливость.

Он играл внимательно и собранно: хотел выиграть, я тоже. Но, видимо, слишком нервничала, поэтому допускала глупые ошибки. Первая партия осталась за ним. Во второй я отыгралась и сравняла счет. Третья снова была за ним, в четвертой я также смогла победить. В пятой партии мы бились за каждый розыгрыш, это был настоящий мини-турнир непрофессионалов, искры летели над нашим столом. Профессор любил повторять, что при прочих равных побеждает тот, кому победа нужна была больше. Выиграл Димка.

Как он ликовал! Чуть ли не прыгал от радости!

– Ты что, расстроилась?

– Да ладно, два желанья, конечно, лучше, но мне и одного хватит.

Я была без сил, вымотанная, измученная. Но беззаботная и счастливая. Он тоже. Как будто гора с плеч.

– Без счета?

– Без счета.

Завершив игру, мы расположились на диванчике в кафешке.

– Было здорово, спасибо! Чье желанье будем исполнять первым?

– Мое, конечно.

– Я почему-то так и думал. Что я должен сделать? Залезть

под стол и прокукарекать? – приподнятое настроение не покидало Димку.

– Не совсем. Расскажи, что с тобой происходит на самом деле, в чем ты разочаровался?

Парень инстинктивно отодвинулся, будто хотел забраться в свой панцирь, только его здесь не было, он остался где-то там, под теннисным столом.

– Думаешь, я не пойму?

– Наоборот, может быть, из моих знакомых только ты понять-то меня и сможешь.

– Тогда в чем дело? И вообще, это же мое желание, так что выбора у тебя все равно нет.

Я откинулась на спинку дивана и видела только его профиль. Может быть, так ему будет проще. В его голове идет борьба.

– Если ты не выполнишь мое желание, то я не выполню твое.

Детский аргумент, но на него он почему-то подействовал.

– Во время студенчества я активно занимался волонтерством, социальным проектированием, даже состоял в молодежном совете при общественной палате. Я не знаю, как это объяснить... – он повернулся ко мне, в глазах было много боли. – Знаешь, я всегда верил, что в мире должна быть справедливость, что есть то, ради чего стоит бороться. Но в жизни так много и несправедливого... Лени, цинизма, жадности, эгоизма, жестокости. Я все это вижу, но не получаю.

ется со всем этим справиться. Как будто бьешься, бьешься в закрытую дверь...

Знаешь, каково это, когда на твоих глазах люди спиваются? Когда детей готовы отдавать бродяжничать, лишь бы раздобыть на стопку? Или когда тяжелобольных бросают прямо в коридоре в окровавленных простынях, отказывая в лишней капельнице, потому что его «уже не спасти»? Или когда чей-то сынок сбивает насмерть женщину, а потом получает условное и радуется жизни?

Это тяжело: видеть постоянно, пытаться бороться...

Вероника понимала, что со мной творится что-то не то и посоветовала найти другую сферу интересов – бизнес, например, ее отцу был нужен помощник...

– То есть, ты сдался?

– Что? Нет... Я просто...

– Поэтому ты не хотел мне говорить? Потому что всегда говорил, что надо бороться до конца?

Он молчал какое-то время.

– Наверное, да.

– Что было дальше?

– Я подрабатывал, с ее отцом мы сработались неплохо. Но на душе спокойнее не становилось, плохо спал, нервничал без повода, начал курить, почти перестал общаться со старыми друзьями, да вообще забросил все, чем раньше занимался, в том числе, и учебу, но там преддипломная практика была уже. Представляешь, мне даже диплом помогали пи-

сать... Вот такой я специалист...

И все-таки я не понимаю... Ты могла попросить что угодно, а потратила свое желание на меня... Зачем?

– Потому что ты редкий человек. И не спорь. Я же тебя выслушала, вот и ты послушай теперь.

У меня профессия такая: я знаю, о чем переживают люди, что им мешает нормально жить. В основном, они сами. Они переживают из-за прошлого, настоящего, будущего, из-за того, кто что сказал или сделал, тысячи поводов. Некоторые искренне переживают за своих близких, да и то, зачастую, они все равно в итоге думают о себе, что с ними станет... Очень мало тех, кому плохо, потому что страдают незнакомые ему люди. В моей практике, хоть она и не такая большая, ты первый.

И я тебя понимаю. Мы похожи больше, чем ты думаешь. Ты не можешь не замечать несправедливость, а я – когда человеку рядом плохо и я могу помочь.

Профессор пытался избавить меня от этой черты, он говорил, что нужно постараться помочь хотя бы одному человеку, а потом уже браться за следующего. И вообще, помогать надо только, если просят.

Но я не про это. Думаю, ты прав: в мире не всегда побеждает справедливость. Точнее сказать, не наша справедливость, ведь она у каждого своя. Согласна, это трудно принять, но с этим приходится мириться. Как приходится мириться и с тем, что не все в этой жизни зависит от нас, на-

шего рвения, усилий. Многое, но не все.

– И как с этим жить?

– Помогать своей справедливости по мере возможности.

Но быть готовым ко всему. Вероника молодец, что предложила сменить сферу деятельности, но в бизнесе с твоими принципами будет непросто. Тебе бы в политику или в полицию. Там таких, как ты, не хватает. Зря ты не поговорил с Николаем Степановичем...

– Он мне чужой человек.

– А я нет?

– Ты меня вынудила, – ухмыльнулся он. – Если резюмировать, я редкий тип со странностями, с которыми в принципе можно жить, но нужно подумерить свой пыл. Так?

– Да, а то перегоришь.

– Может быть, я уже перегорел.

– Ты все еще светишься, не постоянно, но периодами точно, я это вижу. Сейчас, например.

Наши глаза встретились.

– Ты тоже редкая девушка. С тобой можно говорить обо всем на свете: книгах, музыке, фильмах, надеждах, буднях, мыслях. Главное, что с тобой можно говорить просто о мыслях. Такое нечасто встретишь.

Хотела перевести в шутку, но не смогла.

– Спасибо.

– Ты должна знать. Тогда, в гонке были виражи, где можно было хорошо отыгаться, но я не стал рисковать. Я не знал,

как с тобой говорить.

– Помнишь ночь перед гонкой? Как только оказалось, что мы не только в одном блоке, но и в соседних комнатах?

– Это как раз неудивительно, мы же из одного университета, вот нас и поселили. Мои парни тусовались где-то, я был в комнате один.

– Моих девчат тоже не было. Может, это был знак? Надо было набраться сил и постучать бы к тебе? Ты бы открыл?

– Открыл. Подумал бы, конечно, и если бы ты не ушла, открыл. А что бы ты сказала?

– Я бы сказала...

– Ты мне очень нравишься. Ты – самый интересный парень из всех, кого я встречала. Но получается так, как получается. Береги себя. И удачи завтра. Интервью не будет, я его выдумую. Я скоро уеду, наверно. Есть хороший вариант, буду учиться в престижном университете... Спасибо за все...

– *Можно я тебя обниму?..*

– Ты понимаешь, что это могла быть совсем другая история? – спросил Димка.

– Не факт, что бы мне хватило сил сказать именно так. Это я сейчас такая умная и смелая, – улыбнулась я. – Теперь история такая. Вот уже и можно возвращаться домой с чистой совестью.

– Еще нет.

– Как? Разве ты не за этим меня звал? Чтобы разобраться в себе?

– По правде говоря, нет.

– Тогда зачем?

– Помнишь про второе желание? Которое мое?

Я все подняпряглась. Сюрпризы – не мой конек.

– Слушаю.

– Я про то обещание, которое заставил тебя дать. Пусть его больше не будет. И если, можешь, прости меня.

– Это два разных желания. А у тебя всего одно. Ты больше хочешь, чтобы я забыла про обещание или простила тебя?

– Второе.

– Хорошо.

– У меня же будет шанс отыгаться еще раз? – с надеждой улыбнулся он.

– Посмотрим. До вокзала подбросишь?

Мы стояли на перроне, солнце уже пряталось за крыши многоэтажек, новые пассажиры наводнили вокзал, новые лица, новые судьбы. Но нам было не до них.

– Давай я все-таки занесу рюкзак.

– Спасибо, я справлюсь.

– Что-то я еще могу для тебя сделать?

– Все прекрасно. Спасибо за такой волшебный день, – взяла рюкзак, но Димка его не отпускал.

– Ты же знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать?

– Ты тоже имей в виду, если в твоей очередной битве понадобится мое судьбоносное участие, я готова.

– Какой бы битва не была?

– Если ты ввязываешься в борьбу, то обычно оно того стоит.

Я смотрела в его теплые глаза, он не отводил взгляд от моих. А потом он внезапно бережно и нежно обнял меня, как будто я статуэтка из тончайшего хрусталя. Хотела сдержаться, но обняла его тоже.

– Я тебя никуда не отпущу.

– Отпустишь. И в прошлый раз правильно сделал, что отпустил. И что на вокзале не подошел, и что проиграл. Ты не дал мне пустой надежды.

– Ты так в этом уверена... Буду скучать.

– В армии скучать не дадут, – улыбнулась я. – И если хочешь, чтобы Вероника тебя дождалась, обнимай ее почаще, как меня сейчас. И кольцо тоже неплохой аргумент.

Проводник настоятельно просила зайти. Пришлось подчиниться.

– А если все было не так? – крикнул он мне, когда я уже поднималась.

– Что? – пыталась переспросить я, но волны отъезжающих неминуемо увлекали меня за собой в вагон.

Уже у окна я пыталась жестами уточнить у него, что же

Димка имел в виду. Но парень только смеялся моей растерянности. Он указал на меня, а потом сделал из ладоней сердечко, показал на свое сердце и ухмыльнулся. Видя мою встревоженность, Димка снова показал на меня, а потом изобразил улыбку. Ага, будешь тут улыбаться. Поезд тронулся. Покрутила пальцем у виска и показала на него. Он сделал то же самое. Настоящий балбес! Он развел руками. Больше я ничего не увидела – состав унес меня прочь, как и тогда.

И все-таки, что это было?

ПТСР

Было около девяти, когда Стрелок распахнул дверь психологического кабинета. Маша как раз собиралась насладиться чашечкой растворимого кофе со сливками. Ей пришлось в спешке прятать под стол контейнер с бутербродами.

– Ух, – выдохнула она. – Мог бы и постучать. Я думала это из клиентов кто-то или начальство спозаранку проснулось.

Вид у нее был немного взбудораженный, судя по всему, спала она тоже не очень хорошо. Женя отметил это про себя. Он решил, что так сказалось вчерашнее происшествие.

– Кофе будешь?

– Да, давай.

– Присаживайся тогда, – она указала на стул рядом со своим рабочим столом, там обычно располагались клиенты.

– Можно я лучше на диван?

Девушка усмехнулась.

– Да, конечно. Но учти: в этом кабинете просто нет места, чтобы на нем не разворачивалась какая-нибудь драма или исцелялась психологическая травма.

– Понял, – отозвался Стрелок.

Маша почувствовала: с ним что-то не так. Как будто хочет рассказать что-то, но не решается. Нервный какой-то.

– Бутербродики бери.

– Спасибо.

– Ну, как там вчера все прошло? А то твое короткое сообщение: «Все в порядке, она дома», не слишком-то утолило мое любопытство. И мы с тобой вчера не договорили...

– Я, собственно, поэтому и пришел. Из-за твоей вампирши-ассистентки...

– Она пострадала?

– Пострадавшим, наверно, можно считать меня.

– Она тебя что, покусала? – улыбнулась девушка.

– Нет. Короче, она меня поцеловала, – Маша поперхнулась горячим напитком.

– В смысле, поцеловала? Может, тебе показалось? Может, она хотела тебя ударить?

– Сурово. Ты думаешь, я поцелуй от затрешины отличить не могу?

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Просто это все очень странно...

– Что это может быть?

– В любом другом случае я бы сказала, что это, как минимум, симпатия. Но в твоём...

– Вот то-то же. Я места себе не нахожу. Кстати, где она?

– Я ее отпустила на сегодня.

– Хорошо. Ты pomoжешь мне?

– В чем?

– Разобраться, почему она так поступила. Ты же знаешь меня, я с ума сойду, если не узнаю.

– Да, это мне известно. Помню, сколько ты меня из-за мо-

ей улыбки доставал. Но почему ты сам у нее не спросил?

– Потому что она как будто не в себе была.

– Ну, вот и ответ на твой вопрос.

– Но почему?

Маша посмотрела на парня сначала озабоченно, даже с раздражением – у нее столько более насущных дел, чем разбираться, почему ее ассистентка вдруг решила проявить интерес к человеку, которого почти ненавидела. Но вскоре ее взгляд смягчился: Стрелок действительно переживал: его щеки привычно осунулись, а синяки под глазами напоминали Черное море.

– Ладно. Тебе повезло, что ребята еще не вернулись. Давай по порядку. И помни, ты мне обещал рассказать про Германию.

Вчера

– Ты хотела со мной поговорить? – Стрелок зашел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

– Да, спасибо, что пришел.

– Может, в машине? Я тебя отвезу.

– Не могу, жду Полю, она учит читать Дога.

– У него прямо второе дыхание открылось! Смотри, даже язык учить стал. Хотя, он и так неплохо говорит.

– А будет еще писать и читать. Если получится.

Парень косился в сторону стола ассистентки, и девушка уловила это движение.

– Да не бойся ты, проходи, Саша недавно ушла домой.

– С чего ты взяла, что я ее боюсь? Вообще, ничего подобного.

Да, представить, что боец с таким опытом, который был у Стрелка, боится хрупкую полупрозрачную девушку, едва ли ударившую кого-то в этой жизни, было непросто. Но жизнь на то и жизнь, чтобы удивлять.

– Я знал, что ты захочешь поговорить насчет того немца. Женя устроился на диване, Маша присела рядом.

– Так пришел бы и сам рассказал.

– А что тут говорить? Короче, я дал слово.

– Не говорить? Но кому?

– Этого тоже не могу сказать.

– Что это еще за тайны такие!

– Я, правда, не могу ничего сказать. Короче, для тебя так будет лучше.

Маша еще не вернула душевное равновесие после встречи с Димкой, а тут вдобавок ко всему Стрелок со своими тараканами в голове.

– Делай, что хочешь, – махнула рукой Маша. – Убеждать тебя не буду. Думала, что мы друзья. Неужели я не заслужила узнать, что там случилось на самом деле?!

Тут зазвонил телефон.

– Да, я слушаю. Со мной все хорошо, я на работе еще. Какой взрыв? В метро? Да, точно, со мной все в порядке! Пока, передавай всем привет.

Девушка бросила телефон и кинулась к компьютеру.

– Что случилось?

– Взрывы в метро, есть пострадавшие. Сейчас посмотрю в интернете. Твои дома?

– Сейчас позвоню.

– Так, Поля здесь, Аня по другой ветке едет, все равно позвоню. Ребята наши метро не жалуют. Кто еще? Жень, твои как?

– Нормально, мои дома.

– Ужас какой!

– Твои целы?

– Вроде да. Стой. Саша, ей как раз в том направлении было, где взрывы...

– Точно?

– Вроде да.

– Звони.

– Не берет.

– Помнишь, на какой станции она выходит?

– Да.

– Поеду за ней.

– Это безумие, ты ее не найдешь. Я с тобой.

– Нет, ты бери Полю и домой, только не общественным транспортом. И вообще, лучше тут останьтесь.

– Я домой.

– Тогда жди. Я поищу кого-нибудь, чтобы вас подбросили.

«Да кого ты найдешь в такое время? Половина игроков еще не вернулась из сборных, другие давно уже закончи-

ли тренировку», - подумала Маша, но послушалась и стала ждать. Время выбрали удачное - вечерний час-пик. Все-таки в чем-то Саша права: у человека действительно есть темная сторона. И иногда она побеждает.

Появился Стрелок.

- Чиж вас довезет.

- Он еще здесь?

- Да, чудом задержался. Обещай, что поедете прямо домой, и отпишись потом. И... Ты права, я тебе все расскажу.

- Поосторожнее там. Напиши, если найдешь Сашу, я скину тебе домашний адрес. Сообщу, если дозвонюсь до нее. В сети ее нет. Удачи!

Парень кивнул и скрылся.

Как он думает найти девушку? Это же все равно, что искать иголку в стоге сена! Но это Стрелок. У него свои методы, пусть Маша их и не приветствует.

Действительно, у Жени было много знакомых таксистов, он сам иногда по выходным подрабатывал. Часть из них были его приятелями по гонкам или играм, другие - братья-фанаты. Подключившись к системе, он искал, не будет ли запроса на домашний адрес Александры. Такого не было. Он попросил перекинуть ему информацию, если она появится.

В городе царила суета, пробки, привычные для этого времени суток, усилились. Люди в страхе неслись домой, где, как казалось, безопаснее. Жизнь никогда не ценится так ост-

ро, как в моменты, когда ты понимаешь ее конечность. То же самое чувствовал и Женя. Было время, когда ему хотелось умереть. Но сейчас все поменялось. Ему очень хотелось жить. Удивительный парадокс: ценность жизни других людей можно осознать, только признав значимость своей.

Стрелок развозил голосовавших по домам, не беря денег. Он был не один такой. В машины набивалось столько человек, сколько только можно. Вскоре он составил картину произошедшего по словам своих пассажиров, весьма противоречивую. Говорили о десятках погибших, о том, что эвакуацию начали не сразу, что взрывных устройствах были болты и куски арматуры, чтобы причинить максимальный вред. Чем больше Стрелок слушал, тем сильнее начинал переживать за Сашу. На ее адрес так и не поступало заказов, хотя прошло уже достаточно времени.

Если она жива и не вызывала такси, то как доберется домой? Может быть, другой оператор или общественный транспорт? Почему не берет трубку? Как еще ее найти?

Наконец, поступил заказ на ее дом. Стрелок его принял. Он надеялся, что это будет Саша. Сейчас он увидит ее черную шляпку. Она, наверняка, удивится и привычно сострит... Но это была не она. Пожилая женщина с ребенком и две студентки, всем в одну сторону.

Было ближе к полуночи. Женя сидел в машине рядом с Сашиним подъездом, там не отвечали. Он был настроен ждать столько, сколько будет нужно.

И вот он увидел ее, неровным шагом идущую к подъезду, с непокрытой головой, растерянную и беззащитную.

Надо узнать, как у нее дела.

– Ты в порядке? – произнес он, догнав ее у самой двери.

Девушка вздрогнула, повернулась к нему лицом. Он даже не понял, узнала она его или нет.

– Да, я в порядке.

Ключи выпали из дрожащих рук.

Стрелок молча поднял их и открыл дверь в подъезд. Он сомневался, идти ли ему дальше. Но девушка едва не упала, потеряв равновесие, к тому же внутри не оказалось света.

– Я тебя провожу.

Он вызвал лифт.

– Лучше пешком, – засуетилась Саша.

– Этаж?

– Двенадцатый.

– Ты не дойдешь. Давай на лифте. Я с тобой.

Девушка подчинилась.

У двери в квартиру ситуация с ключами повторилась. Парень помог открыть дверь, зажег в прихожей свет. Теперь ему точно пора было уходить. Но девушка безвольно опустилась на пуфик и застыла. Женя все взвесил: ассистентка психолога согласилась ехать с ним в лифте, хотя до этого даже в одном помещении отказывалась находиться, она не шутит, почти не говорит. Не будучи магистром эмпатии, парень сообразил, что оставлять ее в таком состоянии нельзя. Что

скажет Маша?

Он закрыл за собой дверь, разулся сам, помог разуться хозяйке, снял с нее пальто. Девушка осталась в черном кружевном платье.

– Где ты была так долго? Я тебя искал.

– Таксист высадил меня посреди дороги. У меня не было столько, столько он просил.

Вот так некоторые люди наживались на беде. Пока кто-то спасал безвозмездно, другие набивали карманы.

– Контакты его остались?

Девушка забралась на пуфик с ногами и обхватила колени руками, спрятав голову. Если бы здесь была Маша, она бы нашлась, что сказать. Так рассуждал Стрелок. Ему подходящие слова в голову не приходили. Он привык действовать, а не говорить.

– В телефоне в сумке.

Парень выписал себе номера машины и телефон.

– До кровати дойдешь? Выспишься, завтра будет лучше.

Девушка медленно подняла голову, кивнула, чуть шатаясь, пошла в комнату, но сделав пару шагов остановилась. Стрелок, считавший свою миссию выполненной, уже обувался. Он замер.

Тишина длилась мучительно долго.

– Помоги мне, там застежка, – не оборачиваясь, попросила девушка.

Стрелок не сразу понял, о чем его просят.

- Расстегни.

Под платьем обнажилась кремовая комбинация.

- Я пойду, - сказал он и повернулся к двери, в это же мгновение вынужденный гость услышал шорох падающего платья.

Потом он почувствовал, как с него снимают куртку и касаются кожи под футболкой. Парень попытался осторожно высвободиться из плена женских рук, но Саша обезволила его пальцы, покрыв их поцелуями, потом принялась за шею, продвигаясь вверх к мочке уха. Касаясь горячими губами кожи, добралась до его губ. С непредсказуемой для такой на вид хрупкой девушки силой, она припечатала фаната к стене.

Настоящее

- Хм... Даже не знаю, что сказать...

- Поговори с ней, может, она сама все объяснит.

- Очень в этом сомневаюсь. Это же Саша. Не знаю, как к ней с этим вопросом подступить.

Стрелок нервничал и по привычке произвольно потирал пальцами шею, чем привлек внимание Маши.

- Что там у тебя? - девушка отвела руку парня. - О, следы любви! - высокопарно произнесла она, и тут же раздался ее звонкий смех.

- Короче, тебе смешно?

- А разве тебе не забавно?

- Как-то не очень.

– Ладно, все, я выдохнула и успокоилась. Так тебя на какой вопрос ответ интересует? Почему она тебя поцеловала?

– Да.

– На это вопрос я отвечу и без допроса главного свидетеля. Налицо ПТСР.

– Это что еще за фигня?

– Стрессовое расстройство, вызванное психотравмирующей ситуацией.

– Ты действительно думаешь, что стало понятней?

– Как тебе объяснить... Человек действует на основе рефлексов, он отвечает на внешние раздражители своей реакцией. Когда действуют очень сильные раздражители, как в нашем случае – угроза жизни, то это приводит к стрессу. Стресс – это неспецифическая реакция организма на раздражителя.

– Про стресс я слышал. Но на какого такого еще раздражителя?

– На ситуацию, человека – что угодно.

– Подожди. То есть, когда типа тяжело, то что?

– То каждый справляется с ситуацией по-своему. Не всегда адекватно. Примеры привести?

– Давай.

– Напивается и врезается в дерево. Бьет не глядя. Бежит в другой город. Пристает к малознакомому парню.

Женя едва заметно ухмыльнулся.

– Кажется, я начинаю понимать... Но что такое «неспеци-

фическая»?

– Грубо говоря, это значит, что все равно, на какой машине врезаться, в какой город бежать...

– ...И к какому парню приставать?

– И это тоже. Хотя тут все зависит от степени сужения сознания. Осмысленность может сохраняться, а может утрачиваться практически полностью.

– То есть, на моем месте мог быть кто угодно?

– Если мои рассуждения верны, то в общем и целом – да.

– Сурово. И что у твоей вампириши с сужением сознания, как думаешь?

– Однозначно не скажу, надо с ней пообщаться, еще лучше – протестировать. К тому же, я не видела ее вчера. Но если ты говоришь, что вела она себя странно...

– А почему у нее именно такая реакция, не другая?

– Вот этот вопрос сложнее. На этот счет существует много теорий и ни одной общепризнанной и устраивающей меня полностью. Как правило, истоки кроются в прошлом опыте.

– Ты узнаешь про нее?

– Ты понимаешь, что это уже совсем личное и у меня нет никакого права лезть к ней в душу? Как и у тебя – требовать от меня этого.

– Знаю.

Стрелок поставил на столик холодный нетронутый кофе. Маша смотрела на его короткостриженные волосы, резко очерченный профиль, глаза, меняющие оттенки от горного

хрустала до мутной воды в луже.

– Я попытаюсь.

– Ты не обязана.

– Ты тоже был не обязан, – она достала кулон со стреляющим человечком и протянула его Жене.

– Он твой.

– Я знаю. Я тебе его только подержать дала и все. Оденешь мне обратно?

Пока Стрелок выполнял возложенную на него важную миссию, Маша продолжала:

– И вообще, хватит киснуть! Подумаешь, девушка поцеловала. Вот трагедия, разберемся!

– Твой был там.

– Кто мой? Что ты там так долго копаешься?

– А что ты так вертишься? Костя.

– Когда?

– Когда заварушка была с тем немцем.

– Как? Почему он мне про это не сказал?

– Чтобы тебе было проще.

– Не понимаю.

Наконец, с цепочкой было покончено.

– Я возьму бутерброд? – аппетит к Жене явно вернулся.

– Он подошел ко мне почти сразу, сказал, что поможет.

– А ты?

– А я сказал, что сам справлюсь. Я был тогда, как бы это сказать...

Конечно, он не скажет, что ему было страшно.

– В стрессе? – подсказала Маша.

– Точно.

– Ему не удалось тебя убедить?

– Он нашел аргумент.

– Какой?

– А ты не догадываешься? Кстати, очень вкусный кофе.

Немного холодный, правда.

– Не тяни уже!

– Тебя.

– То есть?

– Он сказал, что ты приедешь.

– А ты?

– Я ответил, что тогда и поговорим.

– А он? Да что ты за рассказчик, из тебя слова не вытащишь!

– Это да, с рассказами у меня не очень. Костя интересовался, где я буду. Я ответил: «Ты знаешь». Вот и всё.

– Хорошенькая история. Представляешь, а я-то думала, что он мне помогал, а на самом деле все наоборот.

Объяснилось многое: и почему не уплыло в сеть видео, пересылаемое от одного к другому, и почему вызвали именно ее, и почему Костя так лихо орудовал в поиске информации.

– Ты думаешь, он сильно во всем этом?

– Вряд ли, на побегушках, скорее всего.

– Он не вернется?

– А ты хотела бы?

– Умешь ты ставить вопросы, однако. Ладно, у нас мало времени. Голова не соображает, надо заручиться союзниками.

– А мне что делать?

– Мыть чашку и заниматься своими делами. Будем на связи.

– Если бы революции не было, ее стоило бы придумать.

– О какой из многочисленных революций вы говорите?

– О той самой, семнадцатого года.

– Каковы же ваши аргументы в ее защиту?

– Она дала людям надежду на чудо, на то, что все в наших руках, что вместе можно свернуть горы, если захотеть.

– Или шею.

– Или шею, – повторил Фил. – И все же она научила людей мечтать. А это дорогого стоит. Мне кажется, нам сейчас этого не хватает.

– У вас оригинальный аргумент, – констатировала Анна. – Ладно бы выдвижение равенства свобод, высокие темпы развития сельского хозяйства и промышленности, а особенно – ликвидация безграмотности. Но чтобы мечтать...

– Да, именно мечтать. И воплощать мечты. Простые люди до этого могли только мечтать о возможности получить образование, быть равными и добиваться всего своими собствен-

ными усилиями. Но им и этого оказалось мало... Они мечтали о большем. Вы только представьте, начало двадцатых. Страна растерзана, разорвана, порицаема всеми, отторгнута. А люди мечтают о космосе, о небе... Пишут книги, записываются в аэроклубы, ведут расчеты. Чтобы потом, измученные войной, стать первыми в космосе. Это трудно вообразить!

– Как трудно представить и то, что на оборонных заводах придется производить сковородки.

– Не без этого.

– Значит, вы не поддерживаете мысль о том, что следует сначала разобраться с собой, своей семьей, страной и планетой, а потом уже приниматься за другие миры?

– Нет. Посмотрите, как мы живем. Как белки в колесе, один день похож на другой. Повседневность и суета. А что после? Что останется после нас? Что скажут о нас потом? Что мы изобрели сотни видов бургеров или тысячу способов продать просроченный товар? Что мы могли сутками смотреть сериалы или рубиться в компьютерные игры? Что вы молчите? Поспорьте со мной, возрадите.

– Я бы с удовольствием... Просто у меня самой порой проскальзывает мысль, что все важное сделано еще до нас.

– Мы перестали хотеть прыгнуть выше головы, сделать невозможное...

Глаза парня горели, а легкие пружинки-пряди будто бы кивали, подтверждая сказанное.

– Вы поддерживаете тренера?

– Да, он как раз исключение. Он поставил перед нами задачу, которая на грани наших возможностей, если не выше.

Анна растерялась. Сказать клиенту, что их команда не дотягивает до первого места обидно, но и шапкозакидательство определено было неуместно.

– Можете не молчать так. Я все прекрасно понимаю: у нас не самая звездная команда, с молодым тренером, еще не совсем сыгранная, не самая обеспеченная, откровенно говоря, с финансовыми трудностями. Но у нас есть мечта.

– Может быть, лучше сказать цель? – предложила ассистентка психолога.

– Нет, цель – это слишком близко. Это что-то вполне достигаемое, что-то приземленное. К чему нужно последовательно идти. А мечта, по мне, во всяком случае, что-то очень желанное, что может произойти, а может, и не случиться.

– Как посмотреть. Для вас это, может быть, и мечта. А Воротынцев, похоже, поставил перед собой именно цель.

Беседа проходила в кабинете групповой работы, где специально был организован уголок для консультирования – два кресла и столик между ними.

Анна держала перед собой планшет, там на листах она писала порядок вопросов, которые надо было обсудить. Сначала девушка так подробно планировала беседу, что на нее уходило листов десять не меньше. Сейчас их было всего пять.

Сергей же, беседуя, обычно крутил в руке телефон. Это

его успокаивало.

– Я могу у вас спросить?

– Да, конечно, – светло-карие глаза с любопытством посмотрели на ассистентку психолога. Футболист пытался крутить мобильный, как будто это спиннер.

– Вам что-нибудь дают наши консультации?

Телефон выскользнул из рук и упал на пол. Аня бросилась его поднимать, Сергей тоже.

– Это необязательно, я бы сам.

– И все-таки. Цел?

– Да, вроде.

Они стояли совсем близко.

– Вы не ответили.

– Я не знаю, что сказать.

– Я вас не заставляю. У нас по плану еще три занятия, но если не хотите... – девушка потянулась за своей черной планшеткой, которую оставила на столе.

– Вы не так меня поняли, – он схватил планшетку с другого края. – Я не знаю, как лучше ответить, чтобы наши занятия продолжались. Если я скажу, что все хорошо, вы же можете их прекратить, а мне этого не хотелось бы. Может быть, мне стоит сказать, что нет эффекта, как вы думаете?

Аня переваривала информацию какое-то мгновение.

– Это значит, что наши консультации вас устраивают?

Она отпустила папку.

– Более чем. А вас?

– В смысле?

– Вас устраивают наши беседы?

– Я же психолог, у нас обычно не бывает выбора.

Он грустно кивнул и девушка начала догадываться, что ее прямота истолкована неверно.

– Вы образцовый клиент. О таких можно только мечтать.

Кстати, я не умею мечтать.

– Это как?

– Я люблю четкость, логичность... А мечты, как вы заметили, не совсем четки, не всегда логичны, да и к тому же, зачастую не сбываются, думаю, в семидесяти процентах случаев, если не больше.

Парень положил и телефон, и папку-планшет.

– Если бы все мечты сбывались, то мечта утратила бы ценность. Самые несбыточные мечты одновременно самые сильные.

– Значит, у нас есть шанс.

– У нас?

– У команды.

– Да, у команды.

Тут в дверь постучали.

– Можно? О, простите, у вас консультация, зайду позднее.

– Проходите, мы как раз заканчивали.

Сергей кивнул и прошагал мимо Маши в большой задумчивости, с трудом обогнув ее.

– Что вы тут обсуждали? Вопросы устройства мироздания?

Аня хотела что-то сказать, но психолог ее перебила.

– Я собственно по немного щекотливому делу...

Маша рассказала о приходе Стрелка, предыстории и вчерашней развязке.

– Ты же понимаешь, что это не совсем... корректно, вмешиваться в ее частную жизнь без запроса? Тем более мы коллеги.

– Да. Но разве ты не чувствуешь, что там что-то есть?

– Психологическая травма? Предполагаю. Есть определенные предпосылки.

– Хотя у кого этих травм нет, – добавила Маша.

– Да, но не все психологические травмы проявляются так... ярко.

– Согласна. Я не могу тебе приказать, но могу попросить помочь разобраться. Раз ко мне обратился Женя, то нужно постараться как можно меньше затронуть Сашу.

– Вероятность не велика. Подсчитать?

– Не надо. Давай лучше подумаем, что делать. Если ты, конечно, согласна. Присядем?

– Хорошо, – Саша взяла планшетку и открыла чистый лист. – Начнем с фактов. Первое: Саша любит черный цвет, шипы, металл. Само по себе это не преступление. Но она к тому же поклонница психоанализа, интересуется темой смерти...

– Не очень положительного мнения о человечестве, мягко говоря, – подхватила Маша. – Вчера оказалась в психотравмирующей ситуации. Не пострадала. Однако потом вела себя не типично. Высказала высокую долю расположенности по отношению к человеку, к которому ранее испытывала негативные эмоциональные состояния.

– На какой вопрос мы должны ответить?

– Почему у нее сформировался именно такой тип реагирования. Проще говоря, почему она стала такой.

– Нам нужны гипотезы, – акцентировала внимание Аня.

– Я думала над этим, – Маша заправила выбившуюся прядь. – Давай проанализируем отношения: семейные, дружеские, любовные и деловые. Какие-то из них были нарушены, если не все сразу.

– Предлагаю сузить проблемное поле: деловые отношения не будем рассматривать в качестве значимого фактора, так как личностные и поведенческие особенности были проявлены до активного включения в профессиональную деятельность.

– Согласна.

Подумав, Маша добавила.

– Аня, ты не обязана мне помогать, то, о чем я тебя прошу, не входит в перечень твоих должностных обязанностей.

– Я знаю, – девушка поправила очки. – Ты мне поверила. Хоть была и не обязана.

Девушки разделились. Маша отправилась собирать информацию о своей ассистентке в университет, пытаясь найти значимых для нее людей и сферы деятельности, а Аня на месте анализировала факты из ее резюме и работала с данными в интернете.

Преподаватели, с которыми удалось пообщаться девушке, отмечали добросовестность Саши, ее старательность, ровность в учебе. В целом же, кроме ее внешности, она на их взгляд, ничем не привлекала внимание, не состояла в активе факультета или университета, профкома или какого-то добровольческого объединения.

Маша побеседовала и со своей знакомой по студсовету, одноклассницей Александры. Та не пролила больше света на личность поклонницы Фрейда. В группе она держалась достаточно обособленно, была остра на язык, любила ужастики, вообще все мрачное и устрашающее, в коллективных делах любила быть «за кадром», например, никогда не играла в сценках, зато с удовольствием сидела «на звуке». Иногда, очень редко она уезжала дней на десять. В группе к ней относились хорошо, но после выпуска отношения не поддерживали.

Маша не нашла то, чего искала – людей, которых Саша могла назвать друзьями или группу, которая могла бы пролить свет на внутренний мир девушки.

Аня разыскала школу, в которой обучалась ассистентка психолога, но тут выяснилось, что она находилась на семей-

ном обучении, поэтому много информации тут почерпнуть не удалось.

Получалось противоречие: насколько девушка казалась яркой, самобытной внешне, настолько безликой, заурядной внутри: ни школьных или университетских друзей, ни любовных историй, ни чего-то еще, что могла сделать ее психологический портрет более полным.

В социальных сетях у нее был закрытый профиль, друзей около двадцати, на странице – анонсы песен и фильмов, никаких личных мыслей.

На работу Маша вернулась уже ближе к вечеру.

– Аня, что у тебя?

– Информация явно неполная. Среди друзей в сети нет обучающихся школы, к которой она была прикреплена, или одноклассников. Не могу понять, что их объединяет. Может быть, интерес к кино или музыке, но это гипотеза. Резюме тоже достаточно лаконичное.

– Итак. У нас есть девушка, достаточно закрытая, социально пассивная с минимальным количеством друзей. К тому же, она была на семейном обучении. Что это нам дает?

– Семейное обучение – дорогое удовольствие. Возможно, у нее обеспеченные родители.

– Саша училась на бюджете, а вчера ей не хватило денег на такси.

– В высоком проценте случаев на домашнее или семейное обучение уходят, если есть проблемы с физическим или

психическим здоровьем.

– Психопатологии?

– Как вариант.

Маша задумалась.

– Неужели мы бы не заметили?

– Они могут иметь латентные формы.

– Как нам это проверить?

– Можно посмотреть в отделе кадров медицинскую книжку, там должно быть заключение психиатра и других специалистов. Но сегодня, я полагаю, уже поздно.

Маша посмотрела на часы: действительно, рабочий день уже закончился.

– Тогда завтра с утра сможешь этим заняться?

– Конечно. Были ли вести от Бегового?

Теракт совпал с днем, когда играла сборная. Наша команда встречалась с испанцами и проиграла. Егор стоял в воротах.

– Нет, но завтра после обеда он должен уже выйти, как и другие сборники.

– Может быть, мои наблюдения ошибочны, но он капитал команды, и, судя по психологической литературе, от его настроения во многом зависит успех команды. Хотелось бы достичь поставленной на сезон цели.

– Хотелось бы, безусловно. Я мечтаю увидеть, как ребята поднимут над головой кубок. Но придется хорошенько потрудиться.

– Я тоже об этом ... мечтаю.

Егор не хотел никого видеть. Он лежал на диване, пытаясь заснуть, потом листал новости в интернете, бесцельно переключал каналы, даже не пытаясь вникнуть в суть происходящего. Его дебют в сборной был омрачен пропущенными голами. Он так долго мечтал стоять в воротах, защищая цвета своей страны, что ему трудно было вспоминать моменты ненавистного матча.

На одном канале спорили о политическом статусе соседнего государства («Что, в своей стране проблем что-ли не хватает?»), на другом, кстати, тоже. На следующем – говорили о прошедшем матче, причем в весьма нелестном ключе. Каждое слово как ножом по сердцу. Несколько юмористических программ, от которых, почему-то смеяться не хочется вовсе, песни, похожие одна на другую. И реклама, реклама. Много рекламы. В одном из роликов белозубой голливудской улыбкой во все тридцать два зуба улыбался Березин, рекламируя очередной волшебный шампунь. Парень с презрением отшвырнул пульт. Мысли лезли в голову. Много мыслей.

Но тут в дверь позвонили. Футболист решил не вставать: пусть уходят, но звонок продолжал резать по ушам. Парень распахнул дверь.

– Привет, – в дверях стояла Маша, у нее в руках был пакет. Девушка улыбалась.

– Ты последняя, кого я сегодня хотел бы видеть, – дверь захлопнулась.

Сейчас она уйдет.

Но она не ушла. В дверь снова позвонили.

– Что тебе нужно?

– Ты же заигран за сборную, хотела тебя поздравить...

– Ты издеваешься? Ты матч видела? И вообще, знаешь что, я решил, что в моей жизни слишком много психологии. И психологов. Думаю, мне стоит воздержаться от консультаций.

– Так я не за консультацией, – сказала девушка уже без тени улыбки.

– И прекрасно. Завтра буду на базе, никуда не денусь.

Егор стоял в дверях, а Маша так и не переступила через порог.

– Это все?

– Не совсем, – девушка протянула ему пакет. – Возьми.

– Что это?

– Пирожные.

Прежде чем парень сориентировался, Маша развернулась и скрылась на лестнице.

Оказавшись в квартире, Егор поставил пакет у входа и снова улегся на диван. Так будет лучше. Давно пора. Без нее было спокойнее. И лучше. И проще. Или?

Или. Мгновение спустя он бросился из квартиры вон, стал судорожно нажимать кнопки на лифте, который, как назло,

ехал катастрофически медленно.

Оказавшись на улице, он осмотрелся, кинулся в одну сторону, другую, но Маши нигде не было.

В отчаянии он решил пойти пешком и позвонить девушке, чтобы извиниться. К его удивлению, знакомая мелодия заиграла этажом выше. Маша сидела в оконном проёме. Она казалась озабоченной. Егор сбросил вызов и сел рядом.

Они молчали.

Окно выходило на двор, щедро припорошенный листвой. В осенних вечерах много грусти. Порой кажется, что не только деревья теряют листву. Но и мы сами теряем нечто для нас дорогое...

– Пойдем пить чай? – едва слышно предложил Егор.

– Знаешь, что я сейчас чувствую? – Маша развернулась лицом к собеседнику.

– Могу предположить, – попытался отшутиться парень.

– Я чувствую себя полной дурой. Пришла такая, не позволила, не предупредила. Да еще и с пирожными этими. Тоже дурацкими...

– Ну, насколько они дурацкие, мы еще можем проверить, – улыбнулся он.

– А что чувствуешь ты? – не поддалась его тону девушка.

– Ты действительно хочешь знать?

– Да.

– Я чувствую себя последним придурком. Ты пришла ко мне поздравить, да еще с пирожными, а я захлопнул дверь.

Мне приятно, что ты пришла, правда. Но и бесит жутко.

– Почему?

– Да потому что тебя слишком много. Ты и так в моей голове. Я все думаю, что ты скажешь, когда меня увидишь, об этом матче тоже... Не знаю, как тебе объяснить.

– Я понимаю.

– Сомневаюсь, – усмехнулся голкипер.

– В психологии считается, что для человека огромное счастье, когда он поселяется в голове другого. Он как будто делится частью своей личности и продолжает жить в другом. Это называется персонализацией. Мне приятно, что я вхожу в твою внутриличностную группу.

– Вот как...

– Но ты, видимо, хочешь от меня избавиться.

– Не то чтобы избавиться, я не знаю...

– Кстати, ты тоже живешь у меня в голове, иначе я бы смогла дождаться завтрашнего дня.

Наконец, девушка улыбнулась.

– Так как насчет чая?

– Нет, думаю, не стоит.

– Ну, раз у меня праздник, могу я в качестве подарка сегодня говорить с живой тобой, а не тобой в моей голове?

– Поздно.

– Совсем? Или ты о чем?

– О времени.

– Я тебя потом отвезу.

Маша так внимательно смотрела в глаза футболисту, будто пытаясь проникнуть ему в голову. Парень выдержал ее взгляд и подал руку, призывая встать.

Поднимаясь вверх, Егор рассмеялся.

– Ты не ушла, потому что знала, что я передумаю?

Зеленые глаза искрились.

– Согласись, в подъезде разговаривать теплее, чем на улице.

– Ты, конечно, можешь отказаться от моих услуг, но я бы рекомендовала тебе наоборот походить на занятия, мы поищем для тебя оптимальные копинг-стратегии, – Маша вещала, уплетая сладкое.

– Это что еще такое?

– Подумаем, как лучше справляться со стрессом. Тут у каждого свое. Кому что подходит.

– А тебе?

Они сидели в гостиной на большом бежевом кожаном диване, рядом – журнальный столик, напротив – огромный телевизор.

– У меня несколько вариантов: могу убираться в доме, гулять, читать книги, есть дыхательная техника, тоже помогает. Есть и дневник, где я записываю переживания. И подружки, конечно, мама. А еще у меня есть коробочка счастья.

– Вот с этого места поподробнее.

– Там собраны какие-то мелочи, для других людей это ни-

чего не значит, а для меня... Там, например, есть камень, который я привезла, первый раз оказавшись на море, есть билеты фильмов, музеев, которые произвели на меня впечатления, записки, лепестки цветов и много всякой всячины. Кстати, там есть один интересный экземпляр.

– Какой же?

– Это ручка.

– Ручка?

– Да, обычная шариковая ручка. Та самая, которой я подписала фотографию из твоего кошелька.

– Вряд ли это был для тебя счастливый момент.

– Это была часть поездки, в которую я узнала тебя лучше. Вообще, это была приятная поездка.

Егор чуть приподнял уголки губ.

– Еще чаю?

– Можно. Я хотела тебе сказать...

– Так говори.

– Что бы знал...

– Да говори уже!

– Мне все равно, сколько голов ты пропустишь, думать о тебе от этого хуже я не стану. Главное, чтобы ты из-за этого хуже о себе не думал. Не накручивал себя. Но если ты посвятишь мне какой-нибудь сухой матч или серию, я буду только «за».

Девушка рассмеялась.

– Тебе помочь убрать?

– Не надо, я сам.

– Тогда мне пора, – Маша начала собираться.

– Уже поздно.

– Я вывожу такси.

– Я тебя довезу.

– Не надо, тебе нужно набираться сил. Спасибо за чай.

Парень глубоко вдохнул.

– Сегодня был чертовски тяжелый день, – Егор медлил.

Наконец, он решился продолжить. – Я не хочу, чтобы ты уходила. Но не могу придумать причину, чтобы ты осталась.

Маша посмотрела на голкипера, этого великана. Доброго, такого уверенного, решительного, жизнерадостного внешне и такого противоречивого, чуткого, ранимого внутри. Видимо, у него сегодня, и правда, тяжелый день.

– Давно не смотрела хороших фильмов.

До Егора не сразу дошло. Маша выждала паузу.

– У меня много хороших фильмов скачано, – наконец, до него дошел смысл подсказки.

– Ну, если фильмы действительно претендуют на это звание, я бы составила впечатление. Пожалуй.

– А если сериал?

– Пусть будет сериал.

Маша лежала на диване, укрытая пледом, а парень с подушкой расположился на пушистом ковре ниже. Оказалось, они оба не смотрели последний сезон суперпопулярного се-

риала, где идет речь о борьбе за власть в вымышленном мире. Они обменивались комментариями, шутили.

В какой-то момент Егору показалось, что Маша заснула.

– Почему так получается, чем дальше я пытаюсь от тебя быть, тем ближе ты оказываешься?

Девушка зашевелилась.

– Думал, что ты спишь.

Маша сползла с дивана вместе с пледом, присела рядом с Егором и укрыла их обоих.

– Потому что ты странный человек: когда другим плохо, ты рядом. А когда тебе плохо, то никого не подпускаешь.

– Никого, значит?

– Ну, почти никого.

Утром Маша обсуждала с Аней свои идеи относительно поведения Саши.

– Я вчера беседовала с одним человеком, и он навел меня на одну интересную мысль. Мы все хотим продолжиться в других людях, создать себе будущее, выйти за рамки сознания. А у Саши этого не чувствуется. Словно она пытается наоборот отгородиться от мира. Вот только зачем?

Пока психолог рассуждала, ее ассистентка просматривала документы и, нахмурившись, сосредоточенно стучала пальцами по клавиатуре. Маша уже стала подозревать, что ее не слушают. Но она недооценила Анну.

– С высокой вероятностью, думаю, я установила причину.

– Что там?

– У нее третья группы инвалидности. Стопроцентной уверенности у меня нет, но полагаю, что это существенный фактор.

– Ты уверена?

– Да. Заболевание крови. У нас есть ее прописка. Можно установить поликлинику, к которой она прикреплена и вычислить ее лечащего врача, побеседовать с ним...

– Не надо, так глубоко мы заглядывать не будем. Если у нее серьезное заболевание, то Саша вполне может иметь ограниченный образ будущего, стремление сузить социальные контакты, чтобы обезопасить от потери тех, с кем общается. Объясняется и интерес к смерти, это чистой воды рационализация.

– Но, как писал Фромм, – продолжила ассистентка, – потребность в принадлежности и социальной укорененности никуда не исчезла, а была подавлена.

– Прекрасно, Аня. И подарки профессора принесли свою пользу.

– Ирония или сарказм? Однажды я научусь различать оттенки юмора, – посетовала ассистентка психолога.

– В ситуации стресса произошла разблокировка, так как сознательный контроль был ослаблен, и потребность опредметилась в виде Жени.

– Достойная работа, – одобрила Аня. – Только все это гипотеза. Как ее проверить?

– Я побеседую с Сашей и все пойму. В любом случае, мы можем дать Стрелку объяснение, и он успокоится. Я надеюсь.

Когда Маша зашла в кабинет, Александра была уже там. Как всегда, пунктуальная, аккуратная, собранная, одетая с иголки, вся в кожаной броне цвета вороного крыла. Ничто в ней не выдавало недавно перенесенного волнения.

– Как ты? – поинтересовалась шатенка.

– Готова к работе, – отрапортовала Саша.

– Если надо поговорить...

– А о чем тут говорить? Было и прошло.

– Хорошо.

– Я набросаю программу для тренинга по преодолению стресса...

– Стресса? – перебила ее психолог.

– Да, стресса перед соревнованиями. Есть запрос.

– Конечно, работай.

Маша углубилась в отчеты. Ребята возвращались из сборных, медицинская служба должна дать отчет о состоянии футболистов, потом будет групповое собеседование для оценки психологической готовности. Надо все продумать.

– Почему мир так плох? – вывел ее из раздумий голос Александры.

– По-моему, он очень даже хорош.

– Почему? Ты же не хуже меня знаешь, что творится во-

круг.

– Потому что в нем есть я. И ты, кстати, тоже.

– Это как понимать?

– По-моему, если бы в мире не было меня, то это было бы значительно хуже. Для меня, во всяком случае.

– То есть, пока мы есть, все не так уж плохо?

– Думаю, да.

– Но однажды нас не станет...

– Но пока мы есть.

– Но мы не знаем, когда уйдем...

– Может быть, в этом как раз и наше счастье.

Находя момент подходящим, Маша предложила:

– Присядем? Ко мне приходил Женя. Он не понимает, что произошло.

– Этот дегенерат уже успел все разболтать?

– Этот дегенерат, как ты выражаешься, вчера весь вечер развозил пострадавших и свидетелей терактов. Полистай социальные сети. Там сейчас флешмоб – делятся фотографиями людей, помогавших после случившегося, с хештегами «спасибо». Там есть и Женя.

Пауза.

– Он понапридумывал все!

Снова тишина.

– Я не знаю, что на меня нашло...

– Знаешь. Это жизнь. Она всегда прорывается. Пока мы дышим. Ты жива, понимаешь? Что толку гадать, когда

умрешь? Те люди, которые не выжили, многие из них были даже моложе тебя.

– Ты не понимаешь...

– Так объясни!

Саша была болезненным ребенком. Пока другие дети могли позволить себе шалости и игры во дворе, она должна была соблюдать режим, посещать поликлинику и периодически лежать в стационаре. Она была сильнее многих своих сверстников. Не физически, конечно. Саша умела терпеть, переносить боль. Она даже умела радоваться жизни. До поры до времени.

Что люди умирают, она усвоила довольно рано, видела своими глазами. А еще видела, как ссорятся родители, как отец заявляет матери, что дочь все равно умрет и он устал бороться. Однажды он ушел. Как оказалось, навсегда.

Порой было так тяжело, что хотелось сдаться. Закрывать глаза и не проснуться. Но это страшно. И глаза снова открывались. Капельницы, уколы, обследования – все начиналось по новой. Смерть постепенно из запретной темы стала темой шуток и поисков. А к другим людям лучше не привязываться. Тут одно из двух: либо ты уйдешь, либо они. Больно будет в любом случае.

Но девочка выкарабкалась. Пошла в школу. Правда, обучалась дома. Училась хорошо, много читала, стала поддержкой для мамы, которая в итоге вышла замуж и обрела новое

семейное счастье.

Саша не очень доверяла людям. И отчиму своему тоже. Но мама казалась рядом с ним счастливой. Что Александра? От одиночества таблеток еще не придумали. К сожалению.

У нее были друзья. В основном – ребята с тем же диагнозом, они понимали друг друга, поэтому и держались вместе.

Как бы насмехаясь над смертью, Александра решила стать патологоанатомом. Но не выдержала учебной нагрузки медицинского университета, где должна была пропадать с утра до вечера, а ведь еще режим, каждодневные ритуалы с приемами лекарств и периодические процедуры в больницах.

В это время она увлеклась теорией Фрейда и его последователей. Девушка подумала, что психоаналитик сумел очень точно почувствовать этот мир: грешный, уязвимый, склонный к саморазрушению. У такого мира нет будущего. Как и у нее. Одно падение эритроцитов и борьба закончится не в ее пользу.

Влюбляться тоже не стоит. Она попыталась. Это был один из пациентов соседней палаты. Хватит.

Конечно, не весь ее опыт подтверждался этой теорией. В группе психологов образования, несмотря на ее неординарность, девушку приняли тепло, но в душу не лезли и воздвигнутые ею границы не стремились разрушить. Не пыталась и она.

Работа с людьми, которая по началу казалась ей кошмаром, на проверку оказалась очень даже сносной. Хотя Алек-

сандра несколько раз порывалась развернуться и пойти домой, прежде чем перешагнула порог психологического кабинета.

Хотя все это не имеет смысла. Потому что у нее нет будущего.

– Что ты почувствовала после теракта?

– Мне захотелось жить. Жить, как другие живут – не заморачиваться, вообще ни о чем не задумываться... А тут он, это чудовищное порождение постиндустриального общества. Спокойный, уверенный, сильный... Больше такого не повторится.

– Поговори с ним. Он заслужил знать, что происходит.

– Не представляю, как мне на него смотреть, на этот... образец культуры потребителей.

– Пусть не сейчас, но пообещай.

– Ладно.

– И спроси у Жени про будущее. Вам будет, что обсудить.

Три игры

Кубковую встречу они проиграли. Воротынцев на пресс-конференции сетовал, что игроки не успели переключиться после игр сборных, но факт оставался фактом.

В тот же вечер он созвал экстренное совещание тренерского штаба, на котором присутствовала и Маша. Она была вынуждена прослушать все установки тренера, поэтапный разбор. Во время обсуждения Воротынцев так и ни разу к ней не обратился. Девушка уже начала поглядывать на часы, когда тренер попросил ее приблизиться.

– Еще пару минут, и мы переговорим, – сказал он.

Как ни пытался тренер скрыть возбуждение, тело его выдавало. Резкость голоса, порывистость движений, горящие глаза... Что еще он придумал?

Воротынцев предложил провести усиленную работу на сплочение, причем, в ближайшее время. А в дальнейшем перспективе – каждую неделю проводить какое-то совместное мероприятие – выход в кино, боулинг, театр, что угодно.

Маша предупредила, что футболисты и так много времени проводят вместе, как бы не наступило пресыщение. В такой ситуации вместо взаимопонимания может наступить желание держаться подальше. Но Воротынцев настаивал, что футболисты должны биться друг за друга, а для этого они должны лучше друг друга узнать. Одним словом, мысль он

выразил, а воплощение оставалось на усмотрение психологу.

– У нас три игры до зимнего чемпионства. А зимние чемпионы практически всегда чемпионы и летние.

Так к уже имеющимся заботам, добавились и новые. Но и это не все. Андрей поскандалил в аэропорту. Извинился потом, конечно. Но осадок остался. На имидже клуба это тоже отразилось не лучшим образом. Теперь уже Кротов вызвал Машу и привычной ему манере сухо и лаконично приказал решить эту проблему. Он не хотел, чтобы в будущем подобные истории повторялись. А еще сообщил, что Маша будет сопровождать его на выездном заседании совета директоров. По его тону девушка поняла, что возражения не принимаются.

Березин вышел в основе за новый клуб, на несколько минут всего, но, судя по отзывам прессы, произвел положительное впечатление. Вообще его команда выступала ни шатко, ни валко, но Дмитрию это было даже на руку – его мотивированность, заряженность на борьбу на фоне всего прочего особенно бросались в глаза.

– Ну что, ты счастлив? – спрашивала его Маша на очередном сеансе.

– Да, конечно, – отвечал ей синеглазый парень из экрана монитора. – Но хочется больше.

– Всегда хочется больше. Как твои ощущения?

– Разгоняюсь. Тяжеловато пока. Но ты даже не представляешь это чувство, когда оказываешься на поле... Этот рев

трибун, толпа, камеры... Тот еще наркотик.

– У каждого свои трибуны, – улыбнулась девушка. – Кстати, о них. Меня тут пригласили на одно ток-шоу. Я была вынуждена согласиться, Кротов настоял, говорит, надо для имиджа клуба. А я совсем не представляю, что там нужно делать.

– Забей им голову своей психологической ерундой и все будет норм.

– Эта психологическая ерунда тебя на ноги поставила.

– Ну что ты сразу обижаешься, – ответил он, а сам ухмыльнулся. – Смотри, сначала сделай умное лицо, вставь пару комментариев. Если хочешь, чтобы тебя больше показывали, скажи наоборот тому, про что говорит большинство.

У Маши было такое наивно-растерянное выражение, что Дима сдался.

– Ладно, просто будь собой, это уже будет оригинально.

– Все-таки ты мастер комплиментов.

– Что есть, то есть, – расплылся в одной из своих чешырских улыбок футболист.

– Знаешь, что я сегодня почувствовал?

– Думаю, скоро узнаю.

– Я впервые за несколько месяцев почувствовал, что все будет хорошо.

– Я предупреждала, что такое может случиться.

– Если я забью гол, то исполню любое твое желание.

– Нет.

– Нет?

– Не если, а когда. Я придумаю что-нибудь особенное.

В наказание за содеянное Андрей был отправлен на консультацию к психологу.

Парень держался намеренно вызывающе и самоуверенно. Но внутри он, как и большинство людей, немного побаивался странных личностей, то ли колдунов, то ли шарлатанов, которых гордо величали «психологами». Его серые глаза скрывались под валиками бровей, отчего придали хмурости и без того его не самому жизнерадостному виду.

– Пунктуальность – это не ваш конек, как я вижу, – с порога бросила Маша.

– Какое вам дело до моей пунктуальности?

– Самое прямое. Руководство поручило мне провести с вами коррекционную работу аккуратно до конца этой части чемпионата.

Андрей хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

– Я могу отказаться?

– Да, конечно. Но тогда вам придется заплатить штраф и провести последние матчи во второй команде. После последних событий с футболистами, тех скандалов, наше руководство стремится на корню пресекать нечто подобное. Вам же известно, что свято место пусто не бывает, у нас подрастает талантливая молодежь... Но вы же пришли в наш клуб, чтобы играть... Одним словом, решайте сами.

Они сидели в ее кабинете. Маша параллельно писала что-

то на компьютере, футболист опустил голову и размышлял.

Наконец, оторвал глаза от пола и поднял их на психолога.

– Что нужно делать?

– Пойдемте со мной, узнаете.

Девушка вышла из кабинета и направилась в бывшую архивную.

– Пожалуйста, проходите.

– И что вы хотите от меня?

Релаксационный ковер, диван, песочница, стопка настольных игр, книги, даже пианино. Парень откровенно затруднялся предположить, что именно его ожидает.

– Отдайте мне ваш телефон.

– Что?

– Пожалуйста, – девушка произнесла это тоном, не терпящим возражений.

Андрей повиновался.

– И все-таки не понимаю, зачем мы сюда пришли.

– У нас здесь будут проходить занятия, по сорок пять минут. В это время вам нельзя пользоваться телефоном и покидать помещение.

– А вы?

– Я тоже буду здесь. Можете смотреть все, что здесь есть, изучать, читать, просто отдыхать. На ваше усмотрение.

– Вы даже не спросите, что это была за история в аэропорту?

– А вы хотите это со мной обсудить?

– Нет.

– Поэтому я и не спрашиваю. Кстати, там есть бумага. Может быть, вам захочется что-то написать.

– Вы точно психолог? Мягко говоря, методы у вас странные.

– Вас что не устаивает формат нашей работы?

Салаев ждал, что его будут заставлять, убеждать раскрыть душу, может быть, пичкать наставлениями и нотациями. Он прокрутил у себя в голове множество вариантов, но только не этот. На вид весьма необременительно – возможно, психолог просто не хочет с ним возиться, поэтому и придумала вот такой ход, вроде бы она работает, а на самом деле и нет. На следующее занятие он решил пронести диктофон.

– Устраивает.

– Тогда приступим к работе.

Маша расположилась в кресле и углубилась в ежедневник. Она составляла программу нового тренинга на сплочение, периодически обращаясь к компьютеру.

Андрей сначала сел на диван, там он провел минут десять. Потом не выдержал и встал, осмотрел помещение. Взял с полки какую-то игру, прочитал инструкцию, положил на место. Посмотрел на часы. Открыл пианино. Посмотрел на Машу. Она не отреагировала. Провел пальцами. Закрыл крышку. Посмотрел на часы. Взял книгу с полки. Владимир Леви. Покрутил в руках. Поставил обратно. Время еще не истекло. Сел на диван и стал смотреть на часы, будто гипнотизируя

их двигаться быстрее. Понял, что еще один такой сеанс ему не вынести.

– Время вышло. Спасибо за продуктивную работу.

«Она еще и издевается», – подумал парень. – «Я этого так не оставлю».

На втором сеансе ситуация повторилась. Андрей пытался чем-то себя занять. Молчание Маши, ее упорная и сосредоточенная работа над чем-то не давала ему покоя. Что это она делает? Снова какую-то свою психологическую штуку выкинуть хочет? Пересилить себя и заговорить первым он не мог. Не мог опуститься до такого. Время тянулось еще медленнее, чем в первый раз. Ситуация становилась невыносимой.

Третий сеанс начался, как и две предыдущие встречи. Парень, в тщетной попытке чем-то себя занять, взялся собирать кубик Рубика. Надолго его не хватило. Маша, как и прежде, записывала что-то себе в дневник. Андрей снова открыл пианино и ударил по клавишам так, что, казалось, зазвенели стекла. Девушка вздрогнула, но продолжила работу, как ни в чем не бывало. Крышка инструмента закрылась.

– Кто на нем играет?

Девушка отложила дневник.

– Я.

– Вы играете на пианино?

– Да. Немного.

Парень сидел на вращающемся стульчике рядом с инструментом спиной к собеседнице.

– У этого всего был смысл?

– Да, конечно.

– Какой?

– Нельзя разговаривать с человеком, который этого не хочет.

– Вы хотели, чтобы я заговорил сам?

– Не совсем. Я стремилась, чтобы вы *захотели* заговорить.

– Что ж, у вас получилось. Что вы там все время пишете? Досье на меня?

Маша улыбнулась. Впервые за все встречи.

– Это по нашей психологической службе. Планирую очередное мероприятие. А это мой дневник, тут я пишу свои мысли. Так мне легче их систематизировать.

– А зачем здесь этот ковер?

– Его мирное мерцание способствует успокоению.

– А меня бесит.

– Меня тоже. Если смотреть на него слишком долго.

– А это что за игрушки?

– Это не игрушки, а психологический инструментарий – кубики Коса. Если хотите, я покажу вам, как они работают. Но не сегодня. Время вышло.

Придя на четвертый сеанс, Андрей заметил, что психолог, как и прежде окружена книгами, неподалеку ноутбук.

– Доброе утро.

Чтобы ответить на приветствие, Маша отложила свои занятия.

Андрей понял, как это работает: когда он обращается к Маше, она готова поддержать диалог, но стоит ему замолчать, она уходит в себя.

– Сыграете мне? Для меня не играли еще. Бесплатно, я имею в виду.

Маша посмотрела на Салаева: ему действительно интересно.

– Хорошо. Я сыграю. Как мелодию вы хотели бы услышать?

– Что-нибудь из кинофильмов?

– Надеюсь, «Пираты Карибского моря» вас устроят.

– Вполне.

У Андрея были довольно длинные волосы, которые он удерживал резинкой. Что-то было в нем от индейца.

Когда мелодия завершилась, Андрей подошел к девушке сзади, опасаясь, что она встанет и снова углубится в компьютер.

– Почему вы все-таки ни о чем меня не спрашиваете?

– Потому что не хочу с вами бороться.

– Что вы имеете в виду?

Футболист подвинул пуфик к фортепиано. Маша развернулась к нему.

– Я изучила ваше личное дело, вашу историю. Уж простите, но мне нужно было как-то вас понять.

– И что же вы поняли?

– Что вы борец по жизни. Вы из непростой семьи, можно

сказать, даже из семьи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, вы делали себя сами и, в первую очередь, можете быть признательны именно себе, зато, что сейчас в составе клуба боретесь за чемпионство.

Опять же, «боретесь», потому что у нас в этом сезоне каждый матч на вес золота, особенно с аутсайдерами и середняками, это вам известно не хуже, чем мне.

Вас бесит, что иностранцам позволено в клубе больше, чем другим, что вокруг много хамов, вам даже приходилось играть когда-то договорняки, а потом вы ушли. У вас на все есть свое мнение, и зачастую оно правильное. Но вы не один. У меня много таких как вы, интересных личностей. Хотя, такого как вы второго, конечно, нет.

Вы хотите стать чемпионом, я желаю того же. Поэтому не хочу с вами бороться. Наоборот, я могу вам помочь, если вы захотите. Мы найдем направление для вашей энергии, будем учиться в какой-то мере принимать ... несовершенства других людей. Вы молчите?

– Почему вы не сказали сразу?

– Вы бы меня не слышали.

– Но теперь уже поздно.

– Давайте попробуем. У нас еще есть три игры.

Андрей выглядел так, будто пытается скрыть что-то.

– Вы что-то хотите мне сказать?

– Нет, ничего. Да, давайте попробуем.

– Тогда давайте пересядем на диван, там будет удобнее.

Вы хотите поговорить о том случае в аэропорту?

– Да. Все было не так, как вы думаете...

Первая игра из трех оставшихся в этой части чемпионата была выиграна.

На следующий день Маша и Кротов летели в самолете на выездное заседание совета акционеров клуба в один из наших южных городов. Президент был как всегда сдержан, работал на компьютере, сидел в наушниках, он отвлекся от монитора буквально минут на пять, не более, обрисовывал план действий. Командировка предполагала быть с ночевкой.

Юрий Алексеевич расположился в соседних апартаментах и предупредил, что через два часа зайдет за своей спутницей. Маша упала на широкую мягкую кровать, пролежала там в позе звезды несколько минут, потом вышла на балкон: вид открывался шикарный, прямо под ней был бассейн, а чуть подальше анютиными глазками расцветало море. Оно вздымалось, будто копило силы, а потом устремлялось вперед и разбивалось волнами о берег.

Маша подумала о человеческой жизни. Мы также рождаемся там, в глубине, в пучине вод. Набираемся сил, растем, стремимся подняться над водной гладью, а чувствуя в себе силы, устремляемся к какому-то берегу. Набираем скорость, ветер либо подгоняет нас, либо пытается замедлить наше движение, но мы неумолимо рвемся вперед. И однажды волной разбиваемся о берег. Обязательно разбиваемся.

Психолог надела деловое платье, подсобрала волосы, под-

красилась и прикрепила любимые жемчужные сережки.

Конференц-зал находился на территории отеля, только в отдельном корпусе. Именно туда и направились она и ее начальник.

Кротов как всегда одет с иголочки. Идеально выглаженная рубашка, серебряные запонки, сверкающие ботинки. Только задумчив больше обычного.

Зачем он взял ее в поездку? Ведь такие совещания не редкость. Загадка. Но нужно подождать. А терпения у Маши было не занимать.

Подводили итоги летнего трансфертного окна, говорили о бюджетной ведомости, корректировали задачи на сезон. Еще недавно акционеров устаивало место в верхней части турнирной таблицы, а теперь они хотели видеть команду в Лиге Чемпионов.

После кофе-брейка заседание продолжилось в усеченном составе. Маша гуляла по территории, накинув на плечи пальто – было прохладно. Наверное, летом здесь много народа, слышатся детские голоса из бассейна, мелькают купальники и счастливые лица отдыхающих. А сейчас только спящие всюду листья, которые не успевают убирать даже самые расторопные дворники.

– Вот вы где. Я вас провожу. В восемь зайду за вами.

Тон не предполагал апелляций. Будь на месте Кротова кто-нибудь другой, девушка непременно поинтересовалась бы, как прошла встреча. Но это был ее невозмутимый на-

чальник, уверенный и все знающий.

К ужину пришлось опять переодеваться. Оказывается, эти деловые встречи весьма утомительны: слишком уж много времени тратится на приведение себя в подходящий вид.

Девушка распустила волосы и надела менее официальное платье.

Ресторан также находился на территории отеля и был оформлен в сине-голубых тонах. Стены украшал картины с морскими пейзажами. В полупустом зале приглушенно играла музыка, в других ужинавших Маша узнала участников совещания.

Девушка чувствовала себя несколько неловко в компании Кротова. Она не решалась завязать разговор.

– Что будете пить?

– Чай.

– А кроме?

– Если вы про алкоголь, то я не пью.

– Вообще? Или только с начальниками?

А у него, оказывается, есть чувство юмора. Но хороший ли это знак?

– Все зависит от того, какой ответ вам понравится больше.

Маша позволила себе полуулыбку.

– Интересно, можно ли вас когда-нибудь заставь врасплох, или вы всегда застегнуты на все пуговицы?

– А вот это зависит от времени суток.

Кротов посмотрел на свою спутницу оценивающе.

– А я, пожалуй, выпью.

Это заявление насторожило Марию. Но, с другой стороны, он тоже человек. Наверно.

Девушка нарезала стейк, а сама ждала, когда же Кротов перейдет к делу. Но он ел и потягивал коньяк, не произнося тостов. Попросил у официантов еще спиртного. После третьего обращения Маша решила все-таки вступить в беседу.

– Рано утром самолет.

– Вы правы, только утром.

– Будет насыщенный день.

– Да, будет завтра.

Когда официанта остановили в четвертый раз, напор пришлось усилить.

– Тут акционеры. Если захотите, я попрошу, чтобы вам принесли в номер.

– Я не пьянею, – сказал Юрий Алексеевич, но бокал оставил нетронутым.

– Что-то случилось?

– Начальнику нельзя расслабиться?

– Буду рада ошибиться, но вы, кажется, решили напиться.

Собеседник отложил вилку.

– Ни вам лично, ни мне, ни клубу еще один информационный повод ни к чему.

– Клубу ... – повторил машинально мужчина и залпом осушил содержимое бокала.

– Расскажите...

Снова остановил официанта. Маша незаметно придвинула наполненный бокал к себе.

– В конце сезона меня уволят.

– За что?

– Расхождения по вопросам развития клуба, инфраструктуры. Но на самом деле – денежные вопросы. Хотят продвигнуть другого. Я не раз встречался с этим в своей карьере.

– А если мы выиграем чемпионат?

– Вопрос решенный.

– Даже не знаю, что сказать...

– Вы даже не представляете себе, сколько сил, времени я вложил в этот проект... А теперь все летит к черту. Отдайте мне мой бокал.

– Вам же не раз приходилось менять место работы. У вас останется ваш опыт, ваши связи, наш характер, в конце концов. Есть что-то еще?

– Наверно, я устал. Думаете, моя жена или дети ценят то, что я для них делаю? Что сутками пропадаю на работе. Думаете, они благодарны мне за то, что я оплачиваю их учебу, отдых, тряпки, машины, да вообще все? Ничего подобного. А я стараюсь для них.

– Опишите, что вы чувствуете.

– Кроме опьянения? Опустошение. Безразличие. Досаду.

– Это можно понять. Вы оказались в непростой ситуации.

Но любую ситуацию можно разрешить. Надо просто подумать как.

– Именно поэтому я вас пригласил.

– В смысле?

– Переходите со мной. Психологом, секретарем, личным ассистентом. Я человек прагматичный. Но иногда люди иррациональны. И тогда мне трудно с ними взаимодействовать. Прямо сейчас напишу на увольнение, у меня есть несколько идей...

– У нас несколько игр до зимнего чемпионства...

– Вы отказываетесь от моего предложения?

– В этом его виде, да.

– Может быть, вам предложили место получше?

Маша покачала головой.

– Правильно, не рассказывайте.

Через минуту он добавил:

– Вы понимаете, что после того, что вы слышали, я не могу вас оставить.

– В покое или в живых?

Прошло несколько дней. Маша по скайпу общалась с Брезиним.

– И как впечатления от ток-шоу? – интересовался он.

– Как сказать... Эта история вся была высосана из пальца, не было там никакой реальной подоплеки, все на камеру. Пришли засветиться, не более. Я сказала, как есть. Думаю, больше в подобные передачи меня не пригласят.

– Тут одно из двух: либо забанят, либо, наоборот, выде-

лишься. Причем никогда не знаешь наверняка, что произойдет в конкретный момент. Однажды на каком-то телеканале комментировал игру и говорил, как оно есть, так потом комментировать не давали. А в другой передаче зашло. Одним словом, не грузись особо, будет видно.

– А у тебя как?

– Завтра первый раз выйду в старте. Волнительно почему-то. Столько раз играл, а тут переживаю, как мальчишка...

– Это нормально. Ты покажешь себя, я уверена.

– Откуда у тебя эта уверенность?

– Ты когда-то сам сказал, что футбол – это лучшее, что ты умеешь делать.

– Ну, я немного поскромничал... Шутка. Ты будешь смотреть матч?

– А ты хочешь, чтобы я его посмотрела?

– Да, хочу.

– Тогда посмотрю. Придется следить по телефону, потому что буду на стадионе, наши играют.

– Я давно хотел у тебя спросить...

– Давай, я слушаю.

– У тебя есть в этой жизни что-нибудь кроме работы?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, кроме бесконечных проблем футболистов и клуба?

Ты даже дома-то по сути работаешь, пусть и со мной.

– У меня есть семья, друзья, любимая работа...

– А как же личная жизнь?

– А с чего это ты вдруг озаботился моей личной жизнью?

– Да так, просто. Когда ты в последний раз была на свидании?

– На настоящем свидании?

– Да.

– Тебе нужен честный ответ?

– Хотелось бы.

– Давно.

– Я почему-то так и думал, – парень расплылся в одной из своих обволакивающе обворожительных улыбок.

– И все равно не понимаю причин твоей заботы о моей личной жизни.

– Все просто. Ты же мой психолог. Мне важно твое ... душевное равновесие. Для нашей... последующей успешной работы.

– Ну, спасибо.

– Ты когда была в ночном клубе?

– С целью развлечения?

– Да.

– Даже не вспомню.

– Вот.

– Ты мне предлагаешь отправиться в ночной клуб?

– Почему бы и нет.

– А что, это идея. Пойду скажу Поле...

Маша хотела отключиться.

– Эй, подожди, это все?

– Вообще-то время нашей консультации давно вышло и мне, как ты правильно заметил, пора заняться своей личной жизнью. Пойду поищу в Полином гардеробе что-нибудь подходящее...

– И ты даже мне не покажешь?

– А должна?

– Я как бы про.

– Думаю, я справлюсь.

– Что-то мне не нравится твой энтузиазм. Ты там много не пей и поосторожней, если будут подкатывать. Ходков много. И вообще...

– До завтра, про игру я помню.

Девушка отключилась. Она поставила чайник и, погасив свет, смотрела в окно. Она там видела пылающие и померкнувшие окна соседних домов, где в каждом творится своя собственная жизнь. А за ее окном тишина... Тут девушку обняли сзади.

– Прости, но я слышала конец разговора. Составить тебе компанию?

– Я не хочу никуда идти.

– Я тоже, – выдохнула брюнетка. – Но как подруга обязана была предложить.

– Завтра сложный день. Две важных игры одна в клубе, другая у Березина.

– А у меня кроме работы еще индивидуальные занятия с детьми твоих подопечных. Спасибо тебе за них. Без это-

го концы с концами не сводились бы. При всех плюсах нашей педагогической профессии она ставит выбравших ее в непростое материальное положение. Но в клуб мы как-нибудь обязательно сходим.

– Да, но в другой раз.

На следующий день футбольная команда психолога выиграла еще один матч. В это же время в другом государстве сражался на поле Дмитрий. Он играл с таким рвением, такой заряженностью, что буквально продавливал оборону соперников. Несколько раз ему не хватало совсем немного, чтобы забить. Наконец, один из эпизодов стал результативным. На всех мониторах появилось видео с участием голеодора. Привычное сердце, обращенное к зрителям. Форвард легким движением снимает футболку. А под ней – майка с фотографией русоволосой девушки. Последнее, что увидели в этом эпизоде зрители на большом экране стадиона – желтая карточка за неспортивное поведение.

Выбирай

Команда, тренерский штаб, психологическая служба, обслуживающий персонал, руководство – все жили в предвкушении зимнего чемпионства. Аня просчитывала расклады. Если они выигрывают оставшуюся встречу с командой, идущей на втором месте, то отрыв от преследователей на следующую часть сезона составит шесть очков. Ничья в принципе тоже устраивала клуба, сохраняя первую строчку в турнирной таблице. А вот проигрыш сулил определенные трудности: будет играть роль разница забитых и пропущенных, при их равенстве – соотношение результатов в личных встречах.

Но до этого хотелось бы не доводить. Подготовка к последней игре до зимнего перерыва была расписана практически поминутно. Это была действительно игра за шесть очков, как принято говорить в футболе. Играть предстояло на выезде в условиях низких температур, но это, казалось, никого не пугало. Такого единения, такой согласованности действий в команде, пожалуй, в последние годы еще не было.

Перед нашей психологической службой стояла задача нейтрализации внешних негативных воздействий, отсутствие раздражающих факторов, всего, что могло бы извне повлиять на результат встречи. Кажется, со своей задачей мы справлялись неплохо.

Завтра утром команда улетает на выезд.

Я спряталась в тупике одного из наших коридоров, забравшись на мягкий диван и накинув на себя кофту. Забавная ситуация: руководитель психологической службы, тот, кто сам должен подбадривать и поддерживать других, спряталась ото всех, да еще и выключила телефон. Серьезный подход, ничего не скажешь.

Ну и ладно. Я же психолог. А психологи должны быть конгруэнтны. Вот и буду. Надо собраться с мыслями. Стоит немного повернуть голову, и в окно я вижу предчувствие зимы. Она близко. Это сквозит во всем: в тяжелых, набухших облаках, едва уловимой дымке, в мрачноватых оттенках живой природы. Хочется снега. Мы, люди, странно устроены: сначала мы мечтаем о лете, тепле, а потом нам невозможно хочется обратного: холодного, чистого, все примиряющего снега...

Как всем, бегущим от свободы, мне одновременно хотелось противоположного: чтобы меня оставили в покое, забыли о моем существовании хотя бы часа на два и, вместе с тем, чтобы меня нашли, расшевелили, вытащили из этого омута мыслей. Даже не знаю, чего хочется больше...

– Вот ты где! – Женя бесцеремонно плюхнулся на диван. – Я тебя везде ищу!

Давно не видела его таким возбужденным, таким сияющим, таким... счастливым?

– Если люди уединяются и выключают телефон, может быть это знак?

– Конечно, это знак. Знак, что нужно искать лучше. Вот я и нашел. Короче, как бы пацаны не перегорели, там энергетика так и прет, вы бы пыл их поумерили, а то на послезавтра сил не хватит.

Видимо, весь клуб ждал следующего матча, дышал им.

– Обеспечили себе еврокубковую весну, еще бы и в чемпионате не подкачать. Так что ты наколдуй что-нибудь им такое... психологическое.

Я видела его в профиль. Мальчишка, ухватившийся за удочку, понявший, что клюет. Ученый на пороге серьезного открытия. Фанат, пятнадцать лет ждавший чемпионства. Всех их объединяет предвкушение будущего. Ожидание радости порой волнует больше, чем сама радость.

Наконец, Женя понял: что-то не так.

– Ты не в духе?

– Может быть, – пожала плечами я.

Было бесчеловечно в такой момент спускать парня с неба на землю, но я не могла упустить возможность созерцать его замешательство. Он всегда бесподобно уморно выглядит, когда пытается проявить такие «женские черты» как сочувствие, сопереживание, эмпатия. На несколько минут он изменился в лице несколько раз. Наверно, ищет причину моих переживаний и не может найти.

– Понял, – выдал он в итоге и скрылся.

Не удержалась и расплылась в улыбке. Но скоро мое веселье прошло: я снова осталась одна. Послезавтра будет игра.

А что потом? Хотя это и удивительно, но ко мне стало приходить много приглашений для участия на телевидении, радио, даже от нескольких печатных и интернет-изданий приходят электронные письма. Для чемпионства придется еще хорошенько поработать. А тут еще и Березин... Много еще что.

Внезапно мой друг вернулся. И не с пустыми руками: под мышкой он нес плед, а в руке маняще дымилась кружка с чаем.

– Я решил, что ты замерзла. Что ты смеешься?

– Просто ты прав. Я действительно замерзла. И спасет меня только горячий чай и плед.

– Короче, смейся, смейся. Там о тебе спрашивают. Но всем сказал, что тебя не видел. Аня налила мне чаю, а в одной из комнат пацанов я позаимствовал плед.

Я отхлебнула чудодейственный напиток, и жизнь показалась мне проще и приятней. Парень укрыл меня, подоткнув края, чтобы мне было теплее.

– А теперь рассказывай мне.

– Что рассказывать?

– Все. Предупреждаю сразу, наводящие вопросы задавать не умею.

– А ты попробуйся.

– Может, лучше Аню или твою ведьму Александру позвать?

– Нет, не надо. И я тебя не держу, можешь идти, если у

тебя дела.

– Никуда я не пойду.

– Уверен?

– Да.

– Тогда расскажи, удалось ли тебе поговорить с Сашей, раз уж зашла о ней речь.

– Ну, как тебе сказать...

– Только не «короче», а с подробностями.

– Постараюсь. Сначала мы столкнулись как-то в коридоре.

Она сказала, что нам следует поговорить. «Ладно», – подумал я. Мы зашли в архивную. Там она накинулась на меня с вопросами. «Ты», – говорит, – «исчадь ада, зачем про меня всем подряд наболтал»?

– Так и сказала: «Исчадь ада?»

– Типа того. Я ей объяснил, что рассказал только тебе. А она не унималась. Когтями своими около моего лица водит, кинжалы не такие острые, как эти заточки. Сказала, что если я еще хоть одной душе проговорюсь, то она напустит на меня порчу и задушит.

– Это все?

– Да. На этом наш разговор закончился. В другой раз я заглянул в кабинет, но тебя не было. Я хотел посоветоваться насчет оформления мотивирующего стенда. Все-таки эти художественные штуки – не мое. Хронологически расположить, описать, структурировать – пожалуйста, а эстетики эти все – это просто вынос мозга.

Александра спросила, не пришел ли я доставать ее снова. Вообще-то не я к ней приставал, но пришлось промолчать.

– Чего тебе надо? – прошипела она.

– Хотел поговорить с Машей насчет художественного оформления стенда.

– Она сейчас очень занята с Салаевым. Что за народ пошел, ничего сами не могут, – пробурчала твоя ассистентка. Но добавила:

– Пошли, покажешь, оценю масштабы бедствия.

Она заставила меня все снять со стенда. Да еще и комментировала постоянно. Мол, кто так делает и на кого в университетах учат. Я уже сто раз пожалел, что зашел к тебе. А потом Александра заставила меня все перевешивать. Она работала с удовольствием, с интересом. Этого нельзя было не заметить.

– Что ты на меня так смотришь?

– Просто.

– Я бы сказала тебе, что делается просто. Лучше поддержи.

Когда мы закончили, я оценил результат: получилось достойно, лучше и не придумать. А она опять не довольна. Какого-то ей элемента не хватало. И мы еще пол часа просидели за ее компьютером в поисках «вдохновения». В итоге добавили пару мотивирующих цитат. Наконец, ей понравилось. Но она постоянно припоминала мне тот случай за границей, то ли на совесть давила, то ли издевалась. Я не вы-

держал, ты же меня знаешь...

– Я вообще дивлюсь, что ты так долго продержался, –
вклинилась я.

– Короче, я сказал, что только доделаем стенд, я куплю билет и первым же рейсом улечу, чтобы сдать.

– А она?

– Не сразу поверила. А когда уходила, то развернулась в свой вампирский профиль и выдала: «Если ты сделаешь то, о чем говорил, я тебе убью». Так и сказала, представляешь!

– Ты же шутил?

– Нет, конечно.

– Тогда я бы в очереди была первой.

– Не сомневаюсь.

– Но о случившемся вы так и не поговорили?

– Тогда – нет. Но на следующий день она прислала мне три фотографии. Вот, смотри.

– Ты что, это же твое личное, я не могу.

– Так я же сам показываю. Короче, норм.

Было три фото. На первом – Саша, лысая, бледная, осунувшаяся, с торчащей из вены трубкой. На втором она же, но уже короткостриженная, улыбающаяся, в обнимку с каким-то незнакомым мне парнем, все они на фоне больничных стен. Третье фото выделялось. Там не было людей, зато была могила, украшенная цветами.

– И ты понял?

– Да.

Сомневаюсь, что он по этим трем фото постиг все перипетии внутреннего мира моей ассистентки.

– И что же ты понял?

– Он был похож на меня.

Я взяла телефон снова. Действительно, какое-то сходство было. Не только внешнее, больше энергетическое что ли... Он был хоть еще и парнишка, но в нем чувствовался мужчина. Это чувство трудно передать словами...

– Ты ей ответил?

– Да, прислал три фото.

На первых двух были разбитые автомобили, его первый, пострадавший во время аварии, и второй, уничтоженный после. А на третьем фото был сам Стрелок, окровавленный, обожжённый, перемотанный бинтами.

– Она поняла?

– Не сразу, пришлось пояснить, почему машине две.

– А она?

– Она прислала сообщение: «Зачетные фотки». И добавила смайлик. Ну, тот, у которого от смеха слезы из глаз льются.

– Тебе полегчало? – подколола его я.

– А то, после того смайла как будто камень с души свалился, – улыбнулся он. – Теперь твоя очередь.

– Вот, – я вытащила из-за спины дневник. – Почитай.

– Точно?

– Да.

– Надеюсь, у тебя понятный почерк.

Пришлось слегка пнуть его, чтобы сосредоточился.

Кротов (из дневника Маши)

Несмотря на все наши разногласия, я его уважаю. Он профессионал в своем деле. С его приходом изменилась, причем в лучшую сторону, инфраструктура клуба, усилилась работа с болельщиками, был наведен порядок с финансами. Возможно, он не заслуживал того, чтобы уйти так, чтобы полгода жить в предвкушении увольнения. По-человечески я понимала и его самого, и его желание пустить клуб и все к нему прилагающееся в тартары. Но допустить этого не могла.

– *И все-таки давайте посмотрим на эту ситуацию с другой стороны.*

– *Тут с какой стороны не зайди, везде мерзко.*

– *Представьте два варианта развития событий... Вы еще в силах представлять?*

– *Я сейчас в таком состоянии, что представления возникают сами собой.*

– *Это и к лучшему.*

– *Вас послушать, так все к лучшему.*

– *Отчасти. Пусть есть два менеджера. Они оба работали в футбольном клубе. Один добился за два последних года победы в кубке и чемпионство, а второй подчистую проиграл вторую часть чемпионата, покидая клуб в момент, когда команде предстоит играть стыковые матчи за право*

остаться в элите. С каким менеджером вы бы захотели сотрудничать? Какой руководитель вызвал бы у вас уважение? Кого бы вы пригласили на работу?

Мой начальник задумался.

– Пока вы в клубе, вы все еще в игре, вы это понимаете?

Ответьте же что-нибудь!

– Была петиция, чтобы вас уволили. Как не справляющаяся с должностными обязанностями.

– Что за петиция? Почему я о ней не слышала?

Ответа пришлось ждать чересчур долго.

– Я хочу в номер.

– Похвальное желание.

Юрий Алексеевич попробовал встать, но его не слушались.

– Возьмите меня под руку. Пожалуйста.

– Этот кошмарный день когда-нибудь закончится?

– Все кошмарные дни когда-нибудь заканчиваются, в этом и есть их прелесть.

Утром он вел себя так, будто вчерашнего разговора не было, я не стала ему напоминать.

– Сурово. У него есть плюсы.

– Да. В этом сезоне все сложилось, не хотелось бы, чтобы крыша летела... Но выбор делать только ему.

– Ладно, Кротов. А наш тренер? Ты видела, как он работает. Такое впечатление, что он всю жизнь вынашивал идею чемпионства.

– Ну, ты загнул. Он поставил цель и спланировал все этапы ее достижения, вот как бы я сказала.

– У него план на каждую игру, исходя из соперника. Никакого балагана на поле, все роли распределены, все стандарты отработаны. Пошел в атаку – твою зону уже кроют, отыграл впереди – возвращайся подстраховывать сзади. Это как...

– Оркестр?

– Да. Как живой организм. Не всегда, конечно, получается. Но идея обязательно прослеживается.

– Что ж, посмотрим, какой получится музыка.

– Насчет петиции... Были слухи. Это Салаев... До нас не дошла, видимо, раньше прикрыли. Забей. Он неадекват, сама знаешь.

– Все равно приятного мало. Ничего, переживем.

– Но мы отвлеклись. Ладно, работа. Неужели только рабочие моменты заставили тебя залечь на дно?

– Читай дальше.

Костя (из дневника Маши)

Когда Березин спрашивал меня про мою личную жизнь, я подумала про Костю. Строго говоря, это был единственный парень, с которым я встречалась по-настоящему и который открыто выражал ко мне свои чувства.

Что мне еще надо? Он хороший парень, надежный, душевный, заботливый. И красивый, чего уж там. Я долго думала той ночью, вспоминала, как мы познакомились, как он мне помогал, его объятия, его улыбку. Если бы тогда он заявил-

ся бы ко мне, я бы, наверно, задушила его от радости, оттащить меня от него смогли бы только силой... Но он не приехал, не позвонил и не написал. Тогда.

Утром я увидела сообщение от него, это походило на сон. Говорят, если чего-нибудь очень захотеть, то это обязательно произойдет. Видимо, я очень захотела.

Но то, о чем он писал мне в своем письме, вогнало меня в ступор. Костя просил разыскать свою бывшую подружку Веру. Он отыскал ее в одной из частных клиник, стремился узнать о ее состоянии. Это был удар под дых.

Конечно, мы давно расстались. Но он мне не был безразличен, мне было бы больно браться за это дело, да и времени почти не было.

«Я бы хотела тебе помочь, но психологическое сопровождение обеспечить не могу, у меня много работы».

«Я понимаю и не прошу тебя об этом. Но узнай, как у нее дела. Пожалуйста».

«Для тебя это так важно?»

«Да».

«Но ты же говорил, что принял ситуацию...»

«Я так думал. Но недавно почему-то вспомнил о ней. Какое-то странное чувство...»

«Незавершенности?»

«Да, наверно. Только одна встреча, пожалуйста».

«Скидывай адрес. Как мне туда попасть?»

«Назовешься ее подругой. Я тебе сброшу подробную ин-

формацию на нее, если будут спрашивать».

«Хорошо, сделаю все, что в моих силах».

Так я влипла в очередную авантюру. По дороге называла себя последней дурой, зарекалась же влезать в любовные треугольники, особенно длинную в годы. Что ж, посмотрим на Костину зазнобу.

По тому, как была оборудована клиника и в каком особняке она находилась, я поняла, что попадают сюда люди не бедные. Судя по официальной информации, сюда направлялись пациенты, испытывавшие негативные психологические состояния (депрессивные состояния, нервозы в легкой форме, суицидальный риск и прочее). Интересно, с чем загремела сюда Вера?

В предзимье усадьба выглядела мрачновато. Походила на декорации триллеров и фильмов ужасов. Как бы не остаться в этом гнезде кукушки. Брррр. Хотя все цивильно. Издалека. А забор высокий. Охранник записал мою фамилию и паспортные данные. Внутри дворик, насаждения, лавочки, беседки из-за непогоды пустые. Центральный корпус с колоннами и соседние постройки. Не знаю, как передать чувства, которые я испытала, оказавшись в этом месте. Тревога что ли... Бежать отсюда и поскорее, вот, чего мне хотелось.

Но я пошла вперед. Надо было взять кого-то с собой, Женю например. Хотя, что теперь говорить...

В регистратуре удивились, увидев меня, долго расспраши-

вали о причинах моего прихода. Не знаю, как мне удалось ответить на все вопросы.

– Как она? Мы давно не виделись, я даже не знаю толком, что произошло...

– Сами увидите. Вот ее палата.

– Спасибо, – хотела проститься я.

– Я подожду вас здесь. Если что – кричите, – сопроводила мой поход медсестра.

Мягко говоря, не самое обнадеживающее напутствие. Куда же ты меня направил, Костя?

Палатой называлась комната, по убранству напоминающая скорее номер в хорошей гостинице, нежели привычные мне казематы городской больницы. Шторы едва раздвинуты, отчего в комнате полумрак. Из-за него я не сразу разглядела сидящую на кровати девушку. У нее кудрявые медного оттенка волосы, веснушки по лицу и отсутствующий взгляд широко раскрытых глаз. Хотя бы без смиренной рубашки.

– Привет. Я Маша. Мы не знакомы. Я от Кости. Он беспокоится за тебя. Помнишь его? Вы дружили когда-то в детстве?

Девушка не изменила выражения лица. Может, у нее нарушен слух?

– Вот он, посмотри.

Я осторожно приблизилась к ней и на уровне глаз показала фотографию на телефоне. К моему удивлению, Вера

взглянула на снимок и едва заметно кивнула, в какой-то момент во взгляде промелькнула осмысленность. Я ждала ответных вопросов, эмоций, чего-нибудь живого. Но безуспешно.

– Может быть, ты хотела ему что-нибудь передать? Если не хочешь говорить, напиши, я так всегда делаю.

У меня в сумочке всегда есть блокнот на случай, если придет хорошая мысль. Без ручки тоже не обходится.

Прошло минут пять томительного ожидания, прежде чем девушка пришла в движение.

Вера медленно, будто под гипнозом взяла ручку, а потом порывисто, резко, буквально вдавливая пасту в страницу, набросала всего два слова: «Не надо».

И все бы ничего. Но пока она писала, я разглядела под рукавом ее вязаной кофты знакомые узоры на браслете. Мне не нужно было читать, я и так знала, что там написано.

Больше мне ничего не удалось выведать. Девушка снова погрузилась в себя и теперь уже окончательно.

Не солоно нахлебавшись, попрощалась.

– Ну, как поговорили? – с иронией произнесла медсестра, когда я покинула помещение.

Я побеседовала с Верой, но так и не узнала, что с ней. Пока медсестра шла ко мне, я мысленно просчитывала ее психотип, пытаясь понять, сможет ли она помочь в моем деле. Мне нужен гипертимный тип, болтушка, проще говоря. Надо прощупать.

– Какой там, поговорили... Я ее еле узнала, а она меня и вовсе нет... Что с нею стало? Ума не приложу. Такая девчонка была заводная, энергичная.

Медсестра чуть не прыснула от смеха.

– Мы дружили в ней в детстве, но я очень давно ее не видела. Что смешного?

– Да ничего, слово «заводная» к ней определенно подходит.

– Почему она молчит?

– У нее мутизм.

– Какой природы, – стоп, Маша, сейчас проколешься. – Я хотела сказать, что это такое?

– Потеря речи. Физических патологий нет. Большие я ничего сказать вам не могу, хоть и понимаю, что переживаете за подругу. У нас врачебная тайна, я и так наболтала лишнего.

Ага, значит, не только мутизм, есть что-то еще. Но как узнать? Медсестра не отходит от меня ни на шаг.

– Может быть, поговорите с доктором? Если спешите, я провожу вас к выходу, – информирует она.

Спешино обдумываю ситуацию. Пойти к лечащему врачу? Он вряд ли окажется таким сговорчивым и вполне может понять истинную цель моего визита. Кто знает всю подноготную пациентов и сможет о ней рассказать в закрытой клинике? Тот, у кого меньше шансов что-либо потерять.

– Я спешу. Но буду признательна, если перед уходом вы проводите меня в уборную.

– Да, конечно.

Уборная для гостей, как и комната для свиданий находились на первом этаже несколько изолированно, и имела свой выход. Таким образом, чтобы вернуться в отделение (если это можно так назвать), мне снова придется пройти мимо регистратуры. Если медсестра останется караулить и здесь, то миссию можно считать проваленной.

Выжидая положенное время и аккуратно высовываю голову: моя стражница отсутствует. Теперь надо ждать. Как назло ни одной уборщицы. Посмотрела на часы – прошло пятнадцать минут, надо выходить. Можно еще и там снаружи побродить, главное, охраннику на глаза не попасться.

На мое счастье листья еще не прекратили свое неминуемое падение. Их аккуратно сметала и стряхивала в мусорное ведро пожилая женщина лет семидесяти – семидесяти пяти.

– Простите, – обратилась я к ней. – Вы не видели тут случайно молодую девушку с вьющимися волосами, стройная такая. Я ее подруга, мне сказали, что она в этой клинике. Думаю, может быть, она на прогулке...

– Здравствуйте. Дайте подумать... Есть одна такая. Молоденькая совсем. Она редко гуляет, вам не повезло.

– Волнуюсь перед встречей, давно не виделась, интересно, как она?

– Как и все, кто пытается спрыгнуть, не очень.

– Откуда прыгнуть, с балкона?

– С иглы, деточка.

– Как же так... Мы же с ней вместе играли...

– Деньги – зло, они и не такое делают.

– Но у нее такие уважаемые родители...

– Родители, может быть, и уважаемые, а детей воспитывать надо.

– Даже не знаю, как к ней идти после этого.

– А что к ней ходить, к ней почти никто не ходит. Она же не говорит совсем и не узнает почти.

– Но тут с ней хорошо обращаются?

– Конечно, как на курорте. Всем бы такие условия.

– Спасибо вам большое!

– За что?

– Что рассказали, правда, мне нужно подумать.

– Ну, думай, детка, думай.

– Это вам, – я протянула старушке коробку конфет, припасенную на случай непредвиденной ситуации. – Хотела Вере отдать, но вам к чаю будет лучше...

– Дай Бог тебе здоровья...

До ближайшей остановки пришлось прилично прошагать. Попутно я пыталась составить целостную картину у себя в голове. Ноги периодически приходилось вытаскивать из трясины и луж, а студеный ветер так и норовил залезть в душу. Но я должна была идти дальше. Хорошенький выходной у меня получается. После такого стресса на работе

– сущие пустяки. Что я знаю? Мало. У Веры богатая семья, у нее была собственная няня, что для начала нулевых показатель обеспеченности. У нее были друзья, образование, видимо, деньги... А сейчас она лечится от наркозависимости.

Складывается впечатление, что она типичная представительница золотой молодежи. Таких учат всему, кроме самого главного – как быть счастливыми, как радоваться мелочам, ценить людей за их личностные качества, прилагать усилия и испытывать от этого удовольствие. Может быть, я ошибаюсь. Есть вероятность того, что она стала жертвой ситуации, от нее независимой, марионеткой, разменной монетой в среде влиятельных людей. Ее одежда была закрытой и мне не видны были следы от уколов. Откровенно говоря, мне не приходилось видеть раньше наркоманов, поэтому не берусь судить о ее состоянии.

Если правда – первое предположение, то Косте надо держаться от нее подальше. Незвестна степень зависимости, а зависимый человек создает вокруг себя пространство со-зависимости, меняя жизнь людей, находящихся рядом. Незвестно, какая у нее стадия, даже при удачном исходе вероятность рецидивов очень велика, к тому же эта болезнь существенно влияет на личность. А Костя только на ноги встал. У него очень восприимчивая психика... Да что я себя обманываю, она ломает ему жизнь.

Если правда второе, то по-человечески мне Веру жалко. Но впутываться в эти разборки себе дороже. Это не моя

война. У меня своих фронтов хватает. Чисто физически не хватит времени во всем разобраться. Следующая часть сезона будет определяющей. Как говорил профессор, всем не поможешь. Конечно, я могла бы ради Кости бросить все дела и начать распутывать этот клубок. Но мое ли это дело? Придется расставлять приоритеты.

Я рассказала Косте все, как есть, все свои предположения.

«Таким лицам трудно укрыться от посторонних глаз. Наверняка, если бы Вера была наркоманкой, про это где-нибудь написали. Ты можешь проверить?»

«Это непростое дело. Маша, ты мне поможешь?»

«Не проси меня об этом... Если хочешь знать мое мнение, не искал ты ее и правильно делал».

«Это значит, нет?»

«Это значит, мне не хватает на это сил»...

– Как тебе такая проблема? – спросила я, когда Женя дочитал и отложил дневник.

– Сурово. Ты уверена, что мне стоит это все знать?

– Да.

– Тогда вопрос такой, что там было про браслеты, я не понял?

– У нее браслет с Костиным именем.

– Но они давно не общаются?

– Насколько мне известно, нет.

– Непростая ситуация. Жаль девчонку. Но ты не обязана во все это ввязываться. Ты команду доведи сначала. Себя береги. И вообще, это может быть опасно.

– Но Костя...

– Твой Костя – пацан, он должен сам принимать решения, это по-пацански. И решать свои проблемы, а не создавать их тебе.

Хочешь, я с ним поговорю?

– Нет, не надо.

– Короче, делай выбор для себя, а за него не волнуйся.

– Какое простое и очевидное решение, как оно мне самой в голову не пришло?

– Не ерничай. Иногда простые решения самые верные. Это все? Или тебя еще что-то волнует? Тебе завтра лететь с командой. Ты должна быть в форме.

– Так вот почему ты такой внимательный... А я-то, наивная, думала, что дружеские чувства, а ты о команде все...

Женя посмотрел на меня с осуждением.

– Да шучу я, – в подтверждение своего расположения, я накрыла его частью пледа.

– Есть что-то еще?

– Нет, это все, отдай мне, – я потянулась за дневником.

– Ага, кажется, начинается самое интересное...

Женя отвернулся в пол оборота и начал читать.

Березин

Его мечта исполнилась: он не только начал ходить, но и заиграл, стал забивать! Мы условились, что он выполнит любое мое желание, если забудет. А это случилось очень быстро.

Тем же вечером Дмитрий вышел на связь. Он светился изнутри, улыбался во весь рот и не умолкал ни на минуту. Его радость была настолько заразительна, что устоять было невозможно. Я улыбнулась в ответ.

– Как будем праздновать?

– Как хочешь.

– Я хочу узнать, как хочешь ты. У тебя есть какая-нибудь мечта?

– Не то, чтобы мечта... Я хотела попасть на один концерт...

– Тааак...

– Один британский музыкант дает концерт в закрытом клубе...

– Главное, когда. Остальное устроим.

– Уже послезавтра.

– Прекрасно, потом тренировки. Высылай инфу. Как тебе новое фото? Понравилось больше, чем предыдущее? – лукаво улыбался мой собеседник.

– Значительно. Ты не только действуешь, согласно контракту, но и даже больше.

– Ты же не пожалела, что согласилась? – победоносная ухмылка и волны обаяния.

Выдерживаю паузу.

– Я прилечу к тебе послезавтра, еще спишемся.

Кажется, мы не виделись вечность. Трудно объяснить, почему, но мое сердце усиленно билось, а дыхание замирало при одной мысли о том, что я увижу его завтра. Совсем близко. Не надо было, хоть и косвенно, предлагать встречу. На расстоянии проще. Что же я делаю?

Ночью почти не спала: мысли всякие в голову лезли. Все-таки это наша общая победа! Мы сделали это! Он не только вернулся, но и психологически стал сильнее, он учит язык, обучается на тренера и играет. Он играет! И в этом есть и моя заслуга. В душе я танцевала, ликовала и подпрыгивала до потолка. Послезавтра пойду к Наташе.

На следующий день случилась вся эта история с Верой, поэтому к подруге я шла в смешанных чувствах.

Блондинка смотрела на меня в задумчивости и оценивающе.

– Не знаю, достоин ли Березин такой красоты.

Я заглянула в зеркало и рассмеялась: волосы растрепаны, не покрашена, в домашнем костюме с чужого плеча.

– Будущей красоты, – добавила Наташа. – Начнем с прически.

– Ай, – жаловалась я, когда моя подруга вытягивала пряди.

– Ничего, терпи. Знаешь, что я думаю?

– Что мои волосы спасет только стрижка наголо?

– Почти. Что мне нужно работать. Иначе начну срываться. Но куда меня возьмут? Я же ни дня не работала по специальности. Да и Кирилл против... А я чувствую в себе силы, мне надоело сидеть дома... Но будь воля моего супруга, он закрыл меня в собственном шкафу и выбросил ключ, – усмехнулась она.

– Может быть, тебе попробовать что-нибудь в сфере красоты? Конечно, это риск и затратно, но вы не бедствуете, а у тебя к этому если не талант, то интерес точно.

– Думаешь?

– Я вижу тебя в этой сфере, а так, конечно, может получиться, а может и нет.

– Кирилл даже слушать не станет.

– Если ты не скажешь, то, конечно, не услышит. Он тебя любит.

– Кирилл у меня такой консервативный... Не вертись, я сказала!

– Прости.

– Над лицом придется тоже хорошенько потрудиться.

– Если сложно, так и скажи.

– Мне в радость, я шучу. Все-таки у вас с Березиным странные отношения: если ты просто психолог, то почему вы идете на свидание?

– Это не свидание...

– Тогда что? Выездная консультация?

– Я не знаю.

– Ты уж определись. Помню, как мы с Полей прослезились от его интервью, это давно было, когда он травму получил.

– Я его так и не посмотрела...

– Зря. Очень трогательное. Красивая история у вас получается.

– Красивой историю делает конец. Посмотрим, чем все это закончится.

– Ты действительно к нему ничего не испытываешь? Кроме профессионального интереса, конечно.

Я хотела ответить, но Наташа меня остановила.

– Молчи, а то мне неудобно.

А я действительно хочу сегодня расставить точки. У меня такой настрой, что могу свернуть горы. Или хорошенько навернуться.

Концерт был бесподобным. Это был не стадион и не большой концертный зал, поэтому создавалась особая доверительная обстановка. На мне было черное платье, туфли на небольшом каблучке, локоны обрамляли мое лицо, скрадывая румянец (я надеюсь).

Березин тоже был необычайно элегантен: в черной рубашке, того же цвета брюках, весь сдержанный такой, будто сам не свой.

– Прекрасно выглядишь, – произнес он, не отводя от меня глаз.

– Пытаюсь соответствовать, – улыбнулась я. Он обошел меня сзади и подвинул мне стул. – Спасибо.

Мы сидели за столиком и обсуждали последние события.

– Когда ты поняла, что все получится?

– Сразу. Я в тебе не сомневалась.

– Почему?

– Потому что ты любишь футбол, а когда ты что-то любишь, это многое меняет.

Березин подозвал официанта, нам наливают вино.

– Я могу задать тебе вопрос?

– Да, конечно.

– Если бы я не была психологом, мы бы общались?

Синие омуты задумались, ищут подвох.

– В смысле, общались?

– Мы могли бы общаться вне работы, если бы встретились в другой ситуации?

– Честно?

– Да.

Не знаю, откуда у меня взялась такая стойкость.

– Маловероятно. До недавних пор я вообще не думал, что с девушками можно просто общаться. А сейчас думаю, что можно. Во всяком случае, с некоторыми.

– Спасибо за честность.

Я встала, так и не дотронувшись до бокала, максимально гордо развернулась и зашагала к выходу, лавируя между танцующими. Он бы даже не взглянул на меня, не будь я психологом, не будь его травм. Я же знала это наперед, почему тогда так больно? Надо поскорее убираться отсюда.

Оказалась одна на танцполе без пары, это такое странное ощущение. Как будто ты не от мира сего, ты хуже, ты не достоин счастья.

Он догнал меня, развернул к себе, блокируя все мои попытки вырваться, между нами почти не осталось воздуха.

– Кажется, я проиграл...

– Ты уверена, что мне стоило все это читать? Тут как бы... совсем личное, – мой собеседник закрыл блокнот. – Я не вижу тут проблемы: вы притираетесь друг к другу. Это все на любителя. Я не понял, он тебе нравится что ли?

– Это теперь неважно.

– Почему?

Я протянула Жене телефон, там была открыта страничка Березина в социальной сети, на ней красовалась фотография, где Дмитрий обнимается с какой-то длинноногой брюнеткой.

– Он раньше часто тусил, что удивительного?

– На дату посмотри.

Фото было свежее.

– Мне его разукрасить?

– Нет, не надо.

– Я могу.

– Я знаю.

– Он либо идиот, либо у этого есть разумное объяснение.

Парень попросил телефон еще раз.

– Все-таки он идиот.

Я едва заметно улыбнулась.

– Думал, тебе нравится Костя или хотя бы Егор... Но Березин. Ты слишком... положительная для него. Будь ты моей сестрой, я бы его к тебе на пушечный выстрел не подпустил бы. Я могу что-то сделать?

– Что тут сделаешь, это надо просто пережить. Наверно.

– Почему Березин?

– А ты развиваешься, – теперь улыбнулась шире.

– То есть?

– Задаешь уточняющие вопросы.

– Сурово. Ну, так как? Я в принципе знаю, но твоя версия какая?

– Как это ты знаешь?

– Я видел постер с ним у тебя дома в шкафу, а еще целый ящик газетных вырезок.

– Ты специально?

– Нет, конечно, так получилось. Вы сами меня туда поселили. Расскажешь эту историю. Не сказать, что я большой поклонник мелодрам, но раз уж тут только я, то давай. Может, полегчает.

– Прямо как есть рассказывать?

– Да.

– Хорошо. Тогда принеси мне печенюшек каких-нибудь к чаю...

– Ладно.

Я проводила взглядом уходящую фигуру своего друга. Он так изменился за то время, что я его знаю, наверно, больше, чем кто бы то ни был. И я по-настоящему ему дорога.

Но ничего не поделать. Когда он вернется, меня здесь не будет.

Сердце Марии

– Зачем ты притащил меня сюда? Ты на часы смотрел?

Аня, скажи ему.

Александра откровенно возмущалась сложившейся ситуацией.

– Я тебя отвезу. Дело срочное.

– Что? Отвезет он меня... Да я ни за что не сяду в твою колымагу!

В противовес собственным словам, девушка сразу как-то подуспокоилась и выдохнула.

– Точно отвезешь?

– Еще спрашиваешь.

– Тогда ладно.

Женя, Аня и Саша находились в кабинете командной работы.

– Изложи исходные данные еще раз, подумаем, что можно сделать, – предложила Анна.

– Короче, Маша в беде.

– С чего ты это взял? Я ее сегодня видела.

– Я застал ее одну сидящую на диване. Мы поговорили. У нее трудное время. А потом она исчезла.

– Как это исчезла? – засомневалась Александра.

– Сказала, что расскажет мне про Березина, послала за печеньем. Когда вернулся, ее уже не было.

– Какой она была?

– А какие слова бывают?

Саша закатила глаза, Аня приняла к сведению.

– Грустная, апатичная, раздраженная, задумчивая, озлобленная, взволнованная, отчаявшаяся, подавленная...

– Кажется, последнее ближе всего.

– Она говорила, в чем причина?

– Причин достаточно. Мы с ней во многом разобрались.

– Да неужели, – съязвила поклонница Фрейда.

– А потом она рассказала про встречу с Березиным, я признался, что видел у нее в комнате постеры с Димкой, которым много лет. После она пропала, телефон выключен.

– Интересное кино, – прокомментировала Саша.

– Этот случай требует более тщательного рассмотрения, – согласилась Аня.

Стрелок подтащил ближе к компьютерному столу, за которым сидела аспирантка, кресло-мешок для Александры, а потом и для себя.

– С чего начнем? – спросила готического вида девушка.

– Думаю, будет разумно позвонить ее соседке Поле, может быть, она там, а также опросить ближайший круг ее знакомых. Завтра важный день. У нас ограниченное время.

– Я уже пишу список. Только можно через соц. сети, ты же знаешь, я не то чтобы очень любила телефоны, – из-за обилия перстней и выдающихся ногтей девушка весьма забавно держала ручку, что бы непременно попало в поле зрения

Жени и отозвалось подколкой, но не сегодня. Все его мысли были о Маше. – Кто еще?

– Будем надеяться, что она где-то поблизости. Иначе до самолета мы ее не вернем.

– У меня есть первая гипотеза, – Аня говорила, а сама что-то набирала. – Я процентов на восемьдесят уверена, что она не уехала в другой город. У нее повышенная тревожность и развитое чувство ответственности. Тут должна быть положительная корреляция с важностью события в жизни клуба. Конечно, есть доминанта, она гасит остальные очаги, подавляет их, но не думаю, что в полной мере...

– Подожди, ты имеешь в виду, что ее подсознание не даст ей дистанцироваться от предыдущего опыта, несмотря на силу доминанты?

Женя смотрел на девушек поочередно и не мог понять, кто из них больше сумасшедший: их глаза горели, они буквально дышали тем, о чем говорили.

– Сурово. А по-русски?

– Что тут непонятного? – показно возмутилась Саша. – У нее склонность к перфекционизму. И какие бы личные проблемы ее не беспокоили, подсознательно она все равно будет переживать, это в конечном итоге приведет к тому, что Маша будет держать в голове вариант с поездкой на матч.

– Да, если только... – перебила ее Аня.

– Ты думаешь то же, что и я?

– Да, но у нее устойчивая психика, вероятность этого ис-

хода крайне низкая.

– Откуда ты знаешь, какая у нее психика, ты ей ММРП втюхивала?

– Нет.

– Вот.

– Но экологическую валидность никто не отменял.

– Погодите, а сейчас вы про что, Аня? – Стрелку было очень трудно вникнуть во все тонкости.

– Мы о том, что существует, хоть и крайне низкая, вероятность соморазрушающего поведения, если ее травма действительно глубокая.

– Нет, вы что, это же Маша... Она же психолог, она столько вытащила... А сама. Нет, я в это не поверю. Тем более из-за парня. К тому же из-за такого.

– В любом случае, нам надо установить все обстоятельства, чтобы создать целостную картину, – заключила Аня.

– Список будем дописывать?

– Да, давайте. Женя, с кем она общалась, у кого она может быть?

– Наташа, Егор, Костя, но он сейчас далеко, Дима, но он в армии, это ее «первая любовь», – последнее словосочетание он произнес презрительно, даже поморщился.

– Я свяжусь с Наташей и Егором, а ты проверь как-нибудь, где сейчас этот Костя и где служит ее ненаглядный, –скомандовала она Стрелку. – Кстати, он тоже Дима, как Березин. Совпадение?

– Дмитрий – распространенное имя. Но я себе помечу. И так, вы проверяйте, может быть, ее кто-то видел. А я проверю одну гипотезу. Ты говоришь, у нее были постеры с Березиным. Сейчас я рассчитаю, в каком году она окончила школу, когда поступила в универ, когда переехала и кое-что сопоставлю. Еще надо базу осмотреть, может быть, она где-то здесь. Через час и сорок две минуты встречаемся здесь. Справитесь?

– Я – да. А он ... неблагонадежный. Шутка. Пойдем.

Анна анализировала. Это она умела делать лучше всего. Она не знала подробностей, переживаний, мотивов и устремлений. Но это все ее только запутало бы. Ей нужны были факты. Конкретные обстоятельства. Это была ее стихия. А может быть, все оставить как есть? При неблагоприятном для нее исходе Машу уволят, а она – первый претендент на ее место. Это заманчиво – стать психологом в одном из авторитетных футбольных клубов...

Анна стряхнула наваждение и принялась за работу. Кажется, она только начала, а в дверь уже вошли Женя и Саша. Причем, парень галантно пропустил девушку вперед.

Первым докладывал Женя.

– Дима, ее первая любовь, действительно в армии и не видел ее в последнее время, хотя они встречались не так давно. Ничего странного, кроме того, что она по сравнению с другими девушками по-хорошему странная, он не заметил. Костя, короче, тоже не в курсе. Но он сказал, что если она

где-то засветит карту или купит билет, то он нам сообщит.

– А он это может? – удивилась Саша. – Да он крутой!

– Может, раз говорит. Еще обещал по геолокации найти ее телефон.

– Ну, он вообще... Мы тут ни к чему, что мы можем, если он так шарит...

– Саша, давай не будем отвлекаться, пусть Женя завершит выступление.

– Простите.

– Егор ее тоже не видел. Когда я спросил про Березина и про что-то странное, он сказал, что Маша была сама не своя после того, как подняла его на ноги. Ну, помните, он еще потом интервью то дал...

– Ага, мы помним, продолжай.

– А так она не говорила, что влюблена в Березина или типа того, короче, настаивала, что отношения исключительно деловые. Костя же, наоборот, сказал, что ревновал ее к нашему бывшему футболисту, и что во время поездки в Германию она останавливалась у него на квартире. Он думает, что Маша в него давно влюблена.

– Противоречивые данные, – отметила Анна. – А ее первая любовь? Что-нибудь знает про Березина.

– Нет, даже не слышала.

– Ты выполнил свою часть работы на высоком уровне, – оценила аспирантка. – Саша?

– Ни Полина, ни Наташа Машу не видели. Полина сказа-

да, что наша начальница в последнее время какая-то задумчивая, что с Березиным Маша общалась часто, но по работе. Полина вспомнила, что вначале думала – Дмитрий влюблен, а потом оказалось, это была благодарность. Он оказывал знаки внимания – это было пари.

– Какое пари? – уточнила Анна.

– Он поспорил, что ее... Ну, того...

– Понятно, что дальше.

– Маша переживала, когда Дима получил серьезную травму, поехала помогать, вернулась расстроенная. Но потом согласилась его консультировать, правда, не сразу.

– Березин проявлял вербальные или невербальные знаки симпатии?

– Как сказать, по словам Полины, они общались больше в дружеском тоне, иногда он помогал в каких-то рабочих вопросах, каких-то личных тем обычно не поднималось, при ней во всяком случае.

– Что Наташа?

– Она видела Машу перед встречей с Дмитрием, сказала, что это напоминало свидание и что наша коллега была настроена весьма решительно. Наташа подозревает, что между ними что-то было или могло быть.

– Опять противоречиво, – вставил свои пять копеек Стрелок. – Кстати, на базе ее точно нет, охранник видел, как она выходила.

– Не знаю, чем нам поможет все то, что мы узнали... –

засомневалась Саша.

– Не знаю, поможет ли это, но она переживала, когда Березин на нее поспорил, просила меня помочь, хотя мы тогда еще почти не общались.

– Переживала, – повторила Аня. – Я все записываю, вдруг пригодится. А у меня такая выходит общая картина. Я сопоставила ключевые моменты в жизни Маши и существенные моменты в работе клуба. Я сделала таблицу, посмотрите.

Женя и Саша подошли к столу и не поверили своим глазам.

– Этого не может быть!

– Вероятность того, что это совпадение, конечно, остается...

– Не думаю, что это совпадение.

Березин был заигран за основу, когда Маша была в девятом классе, когда она была в одиннадцатом, клуб официально открыл психологическую службу. На следующий год Маша выбрала профессию психолога. Кроме того, она подавала документы в вуз, где работал профессор, но не прошла.

Очевидно, она отслеживала наличие вакантных мест и перевелась при хорошем портфолио при первой возможности. В следующей строке была фотография, ее трудно было разглядеть без увеличения.

– Приблизь. Это какой год? Где ты ее нашла?

– В фотоархивах клуба, в папках «Благотворительные акции».

На фотографии Маша стояла рядом с детьми и Березиным, она была в волонтерской футболке и галстуке...

– А потом она устроилась на работу... А она не промах, наша Маша!

– Не спеши делать выводы.

– Да я же не в плохом ключе. Представь, понравился известный парень, талантливый спортсмен, молодой, красивый. А ты обычная девушка из провинции, да еще и с кучей комплексов. А она на короткое время умудрилась стать главным психологом в клубе, да еще и личным психологом того самого футболиста. Кроме того, засветилась на телевидении. Да ее в качестве эксперта хочет заполучить чуть ли не каждый продюсер! Это просто фантастика! Я ей аплодирую! А ты что думаешь, деградирующая личность?

– Если хочешь узнать, назови меня по имени... Ведьма!

– Так, сейчас не время. Женя, какие у тебя мысли?

– Не знаю... Я не понимаю. Неужели это все правда из-за него? Он ей нравился, да, скорее всего, так и есть. Но чтобы всю жизнь под него подогнать...

– Мы упустили Березина, может быть, Маша с ним? – спохватилась Аня.

– Нет, я проверила. Он в окружении длинноногих красоток щеголяет по какому-то бутику и сверкает дорогими часами. Да... Как же она могла так промахнуться? Он же типичное детище массовой культуры. И вообще эти часы – полная безвкусица!

– Мы так и не приблизились к пониманию то, где Маша.

– А как вы думаете, Березин хоть что-то к ней чувствует?

Вот ты парень, скажи мне, ты должен его лучше понимать.

– Да не понимаю я его! Взять бы его за шкуру и потрясти, только вот Маша не дала. А так руки чесались... Честно говоря, не знаю, как можно в нее не влюбиться.

– То есть, ты тоже в нее влюблен? – то ли насмешливо, то ли настороженно поинтересовалась Саша.

От ответа Женю избавила Александра.

– Это не относится к сути дела. А насчет Березина...

– Может, у него к Маше был спортивный интерес, а потом угас? Мы же не знаем, что там у них было.

– И было ли, – добавил Стрелок.

– Факты: фотографии на футболке, интервью, выбор в качестве личного психолога. Думаю, он, как минимум, ценит ее как профессионала. Останавливалась у него на квартире, пригласил на встречу... Мы тратим время. Она не с Березиным. Это факт. Нужна еще информация.

– Принести папку на Березина?

– Лучше принеси журнал профессора. Он очень наблюдательный человек.

– У Березина было непростое детство, не знала, что он рос без родителей. Не был женат... Каким термином это назвать? – задумалась Аня.

– Это называется реакционным образованием.

– Я бы назвал это одиночеством.

– Какое тут одиночество? Ты видел, сколько у него подписчиков? А лайков? Подожди... Ты имеешь в виду замещение?

– Это что за зверь такой?

– Когда внутри пусто, то человек пытается снаружи наполнить свою жизнь.

– Да.

– Неужели Маша это почувствовала?

– Не знаю. А если выложить старое фото, то какое высветится число, когда сняли или когда залили?

– Когда выложили...

– Давайте обратимся к документам, – прервала поток рассуждений Анна.

Журнал был изучен вдоль и поперек, ничего нового о Маше или ее взаимоотношений с Березиным узнать не удалось, на полях периодически встречались заметки, где фигурировала буква «М», дальше шли идеи или предположения.

– Профессор ценил ее мнение, – резюмировала Саша. – Стойте, а это что? – девушка поднесла лист ближе к свету. – Тут что-то было написано карандашом, а теперь стерто.

– Дай сюда.

Стрелок поколдовал над страницей, и там отчетливо проявились буквы «Д», «М», а также знак вопроса между ними.

– Полагаю, профессор в поиске ответа ушел не дальше нашего, – захлопнула журнал Аня.

– Может быть, она что-то оставила у себя на столе? – Саша

не успела договорить, как устремилась к двери, Женя едва не догнал ее, Аня тоже поддалась общему порыву.

Кабинет встретил полумраком и отблеском мерцающих фонарей. Каждый из вошедших не решался зажечь свет, потому что надеялся на чудо: стоит только вспыхнуть огню и из темноты проступит силуэт Маши. Может быть, она стоит у балкона. Или свернулась калачиком на диване...

Но свет загорелся, а чуда не произошло. Маши не было. Только Эйнштейн, кажется, едва заметно ухмыльнулся. Записки также не оказалось, как и особого файла на компьютере. Расположились на диване и кресле.

– С Березиным была перспективная версия, – начала Аня.

– Но тупиковая, – подхватила Саша.

– Короче, не верю я в эту версию. Никогда она при мне про Березина не говорила так, как про того первого Димку. И вообще, если она такая карьеристка и втрескалась в этого футболиста по уши, почему не приняла его приглашение? Он звал ее к себе, предлагал работу, она отказалась.

– Может быть, у нее были личные переживания?

– Женя прав. Надо оперировать фактами. Эти латентные переживания можно долго раскручивать и неизвестно, докопаемся ли до истины. Сделаем вывод: Березина и Машу связывали... как их назвать?

– Странные, – подсказала любительница рока.

– Их связывали странные отношения. Однако говорить о прямой связи этого факта с ее исчезновением мы не можем.

Нам нужны альтернативные гипотезы. Если она ушла не из-за Березина, то почему?

– Может быть, у нее была назначена встреча на это время?

– Почему она тогда не сказала мне прямо? – засомневался

Стрелок.

– Оказывается, твоя подружка не все говорит тебе напрямую, – съязвила Александра.

– Может быть, это связано с профессиональными задачами. Или она дала обещание. Или же это очень личное.

– Может быть всякое, – Стрелок чувствовал беспомощность, он буквально вскочил со своего места и стал мерить шагами комнату.

– Да, нам нужен другой подход...

– Стойте! Да не мельтеши ты! Может быть, нам пойти с конца? У нас всего два варианта, – рассуждала поклонница Фрейда. – Маша либо завтра сядет в самолет, либо нет. Если сядет, значит, она справилась со своими «латентными переживаниями» или решила профессиональные задачи. Если не сядет, значит, с ней что-то случилось.

– Логично. Но в таком случае наша стратегия – ждать...

– Черт! – не выдержал Женя.

– Подумать только... Ладно, мы лишь вместе работаем, ты друг, да и остальные друзья тоже... Никто не знает, что на самом деле у нее на сердце... Как так получается? Кто она – карьеристка, психически неуравновешенная фанатка, застревающий тип...

– Сурово... Прекращай, я не позволю при мне так говорить про Машу!

– А то что?

Глаза вспыхнули, но парень сдержался.

– Она равнодушная, честная, творческая, жизнерадостная. Она светлая.

– Что значит «светлая»? – у Ани был отдельный блокнотик для непонятных слов, обозначающих человеческие чувства.

– Это не передать. Это ощущение рядом с ней и после нее.

– А поконкретнее?

– Зря я заварил эту кашу. Раз она ушла так, значит, на это есть причина. Она вернется и все объяснит. Если захочет.

– Ты настолько ей доверяешь? – спросила Саша.

– Да.

– Думаешь, она опять кого-то спасает?

– Вполне возможно.

– Но это не отменяет того, что ей, скорее всего, разбили сердце и скоро важнейшая игра первого круга.

– Не отменяет.

– Если она завтра вернется... мы же не скажем ей, что знаем про Березина?

– Не скажем.

– Тогда... по домам?

Свет снова погас, приятный полумрак растянулся по кабинету...

Телефоны. Такое многофункциональное устройство. Иногда в нем хранится вся жизнь человека, его прошлое и настоящее. Чрезвычайно хитрый аппарат. И полезный, если окажется в нужных руках. Иногда он может принести пользу даже на расстоянии...

Был один человек, который знал, где находится Маша. Костя.

Аня и Саша пристегивали ремни, когда телефон Стрелка завибрировал.

– Что там? – забеспокоились девушки.

– Прокатимся? – предложил Стрелок таким голосом, будто собирается спасти человечество.

Эпилог

– Это был тяжелый этап в моей жизни.

– Как вы с ним справлялись?

– Я бы с ним вообще не справился, если бы не она.

– Ваша девушка?

– Нет.

– Жена?

– Вы же знаете, что у меня нет жены.

– Тогда кто?

– Ассистентка психолога в нашем клубе. Она невероятная.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, как бы это сказать... Она чувствует человека. В ней есть что-то... живое. Не знаю, настоящее что ли... Одним словом, она хороший психолог.

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.canva.com/>